

5212 [1]

Юр. Новоселовъ. КУЛЬТУРНО-
ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.
ЕВРОПА. ч. I-я.

Elm...

Юр. Новоселовъ. КУЛЬТУРНО-
ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.
ЕВРОПА.

Д

1909.

ПЕЧАТАНО ВЪ ЛИТО-ТИПОГРАФИИ ШНАКЕНБУРГЪ, РИГА.

CBGIOŚ, ul. Twarda 51/55
tel. 22 69-78-773

Wa5167150

Ks. W. ik/495/51.

5212 [1]

NH-67071 N-4684582/TMK

ЧАСТЬ 1я.

ИТАЛІЯ. ФРАНЦІЯ. ИСПАНІЯ. ШВЕЙЦАРІЯ.

Составитель данного сборника придерживался того взгляда, что въ основу изученія географіи должны быть положены естественныя науки, а для всесторонняго выясненія современной жизни народовъ необходимо выдвинуть вопросы историческіе, экономическіе, а также удѣлить мѣсто и искусству.

На связь географіи съ исторіей указалъ еще Гердеръ. По его словамъ, *„кто разрабатываетъ одну науку безъ другой, тотъ не понимаетъ ни одной изъ нихъ“*. Въ настоящее время, когда преподаваніе географіи перешло по большей части отъ историковъ къ натуралистамъ, такіе взгляды могутъ показаться устарѣлыми. Но если мы обратимся къ позднѣйшимъ выдающимся географамъ, къ такимъ, какъ, на примѣръ, Рихтгофенъ, то увидимъ, что и этотъ ученый, не взирая на свою специальность — геологію, находитъ, что *„географія занимаетъ центральное положеніе среди наукъ естественныхъ и историческихъ“*.

Въ современныхъ учебникахъ географіи, даже лучшихъ, составленныхъ естественниками, мы видимъ стремленіе освѣтить факты изъ современной жизни, какъ съ исторической точки зрѣнія, такъ и съ экономической, но часто за недостаткомъ мѣста авторамъ приходится давать сухія отрывочныя свѣдѣнія. Этотъ пробѣлъ должна восполнить хрестоматія.

Трудно учащемуся заинтересоваться развалинами Колизея, если для него не ясно то, что происходило въ подобныхъ колоссальныхъ сооруженіяхъ. Поэтому составитель сборника вмѣсто обычнаго описанія развалинъ Колизея, помѣстилъ отрывокъ изъ произведеній Генриха Сенкевича, дающій художественно-написанную картину кровавыхъ представленій въ римскомъ циркѣ.

Италіи въ сборникѣ удѣлено больше мѣста, чѣмъ другимъ государствамъ, такъ какъ эта страна даетъ богатый матеріалъ по физической и культурной географіи, а кромѣ того, она ближе всего стоитъ къ Россіи благодаря тому, что жители и той и другой — земледѣльцы по преимуществу. Положеніе современнаго земледѣлія въ Италіи выяснено статьей, написанной знатокомъ этого вопроса А. И. Чупровымъ.

Для правильнаго пониманія произведеній искусства эпохи Возрожденія, о которыхъ неминусемо приходится говорить преподавателю географіи, когда рѣчь заходитъ о Флоренціи или Римѣ, помѣщена статья Ипполита Тэна, выясняющая роль и значеніе искусства.

Обычныя въ хрестоматіяхъ случайныя впечатлѣнія туристовъ составитель всячески избѣгалъ. Взамѣнъ того онъ написалъ рядъ самостоятельныхъ статей, въ которыхъ старался выдѣлить наиболѣе существенныя стороны жизни того или другого народа, страны или города; причемъ авторъ иллюстрировалъ текстъ собственными снимками.

На страницахъ, отведенныхъ Парижу, составитель не далъ описанія Эйфелевой башни и другихъ шаблонныхъ достопримѣчательностей этого города, а помѣстилъ статью объ Институтѣ Пастера, имѣющемъ міровое культурное значеніе; въ ней заслуги Пастера изложены словами К. А. Тимирязева, а современное состояніе Института — словами И. Мечникова.

* / * *

Въ нашей средней школѣ, какъ мужской, такъ и женской, географія Западной Европы проходится во 2 или 3-емъ классѣ, и съ такими свѣдѣніями, полученными въ ребяческомъ возрастѣ, цѣлыя поколѣнія русскихъ образованныхъ людей доживаютъ до старости, если, конечно, не пополнили свои познанія помимо школы. Но въ настоящее время нѣкоторыя учебныя заведенія начали вводить въ старшихъ классахъ курсъ географіи Европы. Такихъ, именно, учащихся и имѣлъ въ виду составитель сборника, половина же статей можетъ быть пригодна для средняго возраста.

* * *

Въ обработкѣ матеріала для сборника принималъ участіе *П. А. Кушпировъ.*

Составитель.

27-го Ноября 1908 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Италія.

	стр.
1. Венеція. <i>Ю. Новоселова</i>	1.
2. Реформа земледѣлія въ Италіи. <i>По А. И. Чупрову</i>	13.
3. По итальянскимъ озерамъ. <i>Ю. Новоселова</i>	17.
4. Санро Санта въ Генуѣ. <i>Ю. Новоселова</i>	22.
5. Великое итальянское искусство и культурный уровень общества. <i>И. Тена</i>	29.
6. Въ римскомъ циркѣ. <i>Г. Секевича</i>	36.
7. По Аппіевой дорогѣ. <i>Ю. Новоселова</i>	49.
8. Приемный день въ Ватиканѣ. <i>Буквы</i>	53.
9. Русскіе художники въ Римѣ. <i>По В. Дьдлову и В. Стасову</i>	58.
10. Въ Неаполѣ. <i>Ю. Новоселова</i>	63.
11. Неаполитанская зоологическая станція. <i>Ю. Новоселова</i>	71.
12. Везувій и его изверженіе въ 1906 году. (Извлеченіе изъ реферата проф. <i>Д. Н. Анучина</i> и по разсказамъ очевидца)	73.
13. Помпея. <i>Ю. Новоселова</i>	79.
14. Флегрейскія поля. <i>Ю. Новоселова</i>	85.
15. Капри. <i>Ю. Новоселова</i>	89.
16. Черезъ Мессинскій проливъ. <i>Ю. Новоселова</i>	95.
17. Палермо. <i>Ив. Паживина</i>	100.
18. Маскарадъ покойниковъ. <i>Буквы</i>	105.
19. Итальянскія дѣти. <i>Ю. Новоселова</i>	108.

Франція.

20. Характеристика француза. <i>Э. Реклю</i>	112.
21. Соборъ Парижской Богоматери. <i>В. Гюго</i>	114.
22. Пастеровскій институтъ въ Парижѣ. (Научное значеніе Пастера по <i>Тимирязеву</i>)	122.
23. Винодѣліе во Франціи и его враги. <i>Ю. Новоселова</i>	133.
24. Шелководство во Франціи. <i>Ю. Новоселова</i>	139.
25. Ривьера. (Ницца — <i>С. Елпатьевскаю</i>)	142.
26. Княжество Монако. <i>Гр. Джаншиева</i>	147.

Испанія.

27. Наука арабовъ. <i>Р. Виллера</i>	153.
28. Мавританскій стиль. (Изъ историч. сборника подъ ред. <i>П. Г. Виноградова</i>)	155.
29. Бой быковъ. <i>В. Боткина</i>	158.

Швейцарія.

30. Восхожденіе на Монбланъ. <i>Н. Иванцова</i>	166.
31. Народное образованіе въ Швейцаріи и Песталоцци. (Изъ кн. <i>В. Смирнова</i>)	176.

Въ сборникъ помѣщены 2 картины и 38 фотографическихъ снимковъ; изъ нихъ 22 сдѣланы въ 1906 году *Ю. Новоселовымъ*.

НЕАПОЛИТАНСКІЯ
ЖЕНЩИНЫ. къ стр. 86.

фот. НОВОСЕЛОВА.
1906.

ВЕНЕЦІЯ.

Юр. Новоселовъ.

Венеціанскіе корабли.

Пароходъ нашъ приближается къ Венеціи.

Еще только 5 часовъ утра, но большинство пассажировъ уже на ногахъ. Многіе даже не спускались въ каюты и не ложились спать, а предпочли подремать на палубѣ подъ звѣзднымъ небомъ теплой южной ночи; тѣмъ болѣе, что выѣхали мы изъ Триеста уже послѣ полуночи.

На горизонтѣ впереди насъ и справа понемногу выплываетъ изъ тумана синеватая полоска. Это берегъ. Но очертанія его нельзя еще разглядѣть даже и въ бинокль.

Вотъ навстрѣчу намъ идутъ два корабля, которые сразу приковываютъ къ себѣ всеобщее вниманіе.

„Венеціанскій флотъ, — говоритъ кто-то — смотрите, какіе паруса!“

Дѣйствительно, и паруса, и сами корабли интересны. У кораблей тупые загнутые, пестро разрисованные носы, а паруса съ оранжевыми полосами, желтыми углами и причудливыми рисунками.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и чаще попадаются такіе корабли и лодки; а между тѣмъ мы и не замѣтили, какъ пароходъ нашъ началъ уже огибать песчанья отмели, а вдали стали вырисовываться дворцы и храмы Венеціи.

По Адриатическому морю.

Городъ этотъ единственный въ мірѣ. Онъ расположенъ на 117 островахъ, между которыми перекинуто 378 мостовъ. Вся эта группа клочковъ суши удалена отъ материка на $3\frac{1}{2}$ километра, такъ что прежде сухимъ путемъ въ Венецію проникнуть нельзя было. Только въ 1845 году построены мостъ, который связываетъ теперь желѣзнодорожной линіей острова Венеціи съ материкомъ. Мостъ этотъ по своему протяженію является замѣчательнымъ сооруженіемъ: онъ имѣетъ 222 арки, а длина его 3601 метръ.

Пароходъ сдѣлалъ послѣдній поворотъ, и передъ нами развернулась очаровательная панорама Венеціи, бывшей царицы морей, „красавицы Адриатики“, какъ называлъ ее Байронъ.

Матросы готовятся уже бросить якорь. Однако, прежде чѣмъ сойти на берегъ, познакомимся съ исторіей этого удивительнаго города.

Прошлое
города.

Венеція получила свое названіе отъ венетовъ или венодовъ, народа, нѣкогда жившаго по сѣвернымъ берегамъ Адриатическаго моря. Интересно отмѣтить, что римскіе историки Плиній Старшій и Тацитъ называли вендами восточныхъ сосѣдей германцевъ, т. е. славянъ.

Въ 452 году во время переселенія народовъ, когда варвары громили Верхнюю Италію, предки нынѣшнихъ венеціанцевъ нашли себѣ безопасное убѣжище на песчаныхъ низкихъ берегахъ лагунъ, гдѣ жили только бѣдные рыбаки. Съ ними пришельцы отчасти смѣшались и образовали маленькія поселенія. Въ цѣляхъ общей безопасности отдѣльные островки объединились и стали избирать себѣ общаго пожизненнаго предводителя *dux'a* или дожа, сохранивъ при этомъ республиканскій образъ правленія. Резиденціей для дожа сдѣлался островъ Ріальто, гдѣ возникъ и сталъ расти съ того времени городъ Венеція.

Въ началѣ своего существованія Венеціанская республика попадала подъ власть сильныхъ сосѣдей, но она искусно пользовалась ихъ взаимными распрями и развивала свое благополучіе за счетъ своихъ же покорителей.

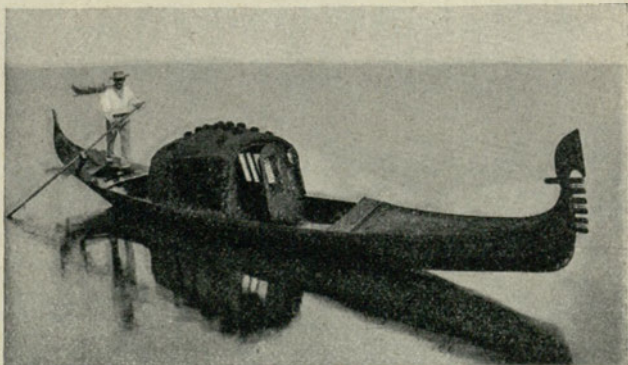
Хотя внутри республики все время шла борьба партій, однако Венеція, благодаря своему выгодному положенію и предприимчивости гражданъ, разбогатѣла и сдѣлалась могущественнѣйшимъ государствомъ въ Европѣ.

Между тѣмъ республиканскій образъ правленія изъ года въ годъ утрачивался, и число лицъ, стоявшихъ у власти, сокращалось. Въ 1310 году власть перешла къ „Совѣту Десяти“. Затѣмъ народное собраніе было совершенно упразднено, и, наконецъ, въ 1539 г. были учреждены должности трехъ инквизиторовъ, которые безжа-

лостно карали всякое преступленіе противъ существующаго государственнаго строя. Но тутъ уже начинается упадокъ и обѣднѣніе Венеціи. Къ тому же въ 1498 г. португалець Васко да Гама открылъ морской путь въ Индію кругомъ Африки, что нанесло ударъ торговлѣ Венеціи.

Затѣмъ турки, завладѣвъ Константинополемъ, стали отнимать у венеціанцевъ ихъ земли, и съ 1718 года республика потеряла всякое значеніе какъ государство. Она дважды становилась австрійской провинціей и, наконецъ, въ 1866 году вошла въ составъ Итальянскаго королевства, въ каковомъ положеніи мы застаемъ ее теперѣ.

Лишь только пароходъ нашъ бросилъ якорь, какъ его окружили черныя венеціанскія лодки-гондолы. Гондолы — извозчики Венеціи. Въ Венеціи вмѣсто улицъ каналы, поэтому гондолы замѣняютъ экипажи и лошадей. Послѣднихъ въ Венеціи совсѣмъ нѣтъ, и лица, не выѣзжавшія изъ своего роднаго города, видѣли лошадей только на картинахъ, да въ изображеніи изъ мрамора и бронзы.

Гондолы и каналы Венеціи.

Гондольеръ и гондола.

Съ парохода мы садимся въ гондолу, которая доставляетъ насъ въ гостинницу, находящуюся на самой набережной.

Хотя изъ окна нашей комнаты открывается великолѣпный видъ, однако ни минуты не хочется оставаться въ стѣнахъ гостинницы, и мы спѣшимъ идти осматривать городъ.

Не успѣли мы ступить за порогъ дома, какъ уже слышимъ, „Гондола, гондола, синьоръ!“ Насъ обступаетъ нѣсколько гондольеровъ, которые на-перебой предлагаютъ свои услуги. Мы снова садимся въ одну изъ гондолъ и трогаемся въ путь. Стройный загорѣлый гондольеръ, стоя сзади, ловко гребетъ и правитъ своимъ единственнымъ весломъ, такъ что гондола быстро скользитъ по водѣ.

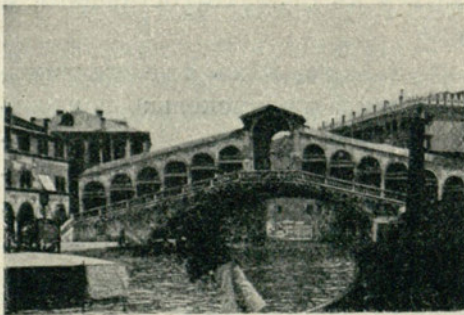
Прежде всего мы выѣзжаемъ на Большой каналъ (Canale Grande). Вся Венеція этимъ каналомъ, имѣющимъ форму буквы S, перерѣзана на двѣ неравныя части. Это какъ-бы главная улица города, своего рода петербургскій Невскій проспектъ. Въ водахъ канала, какъ въ зеркалѣ, отражаются венеціанскіе дворцы и церкви. Гон-

дольеръ попутно ихъ называетъ: церковь Santa Maria della Salute, палаццо Tiepolo, домъ Дездемоны, академія di Belle Arti, палаццо Foscari, палаццо Pisani . . .

Большой каналъ. (Canale Grande). Ф. автора.

Всѣ эти дворцы говорятъ намъ о минувшей роскоши и богатствѣ ихъ владѣльцевъ, а теперь на всемъ лежитъ отпечатокъ запустѣнія: плѣсень и водоросли облѣпили низъ и ступени парадныхъ лѣстницъ. Иные дворцы совсѣмъ необитаемы, и окна ихъ наглухо заколочены ставнями, а иные превращены въ отели и меблированныя комнаты.

Мостъ Ріальто (Ponte di Rialto). Ф. автора.

А вотъ, и знаменитый мостъ Ріальто (Ponte di Rialto). Одной аркой перекинутъ онъ черезъ каналъ. Когда мы подплыли въ гондолѣ, мостъ показался намъ небольшимъ легкимъ сооруженіемъ. Но впечатлѣніе совершенно измѣнилось потомъ, когда мы прошлись по немъ: два ряда магазиновъ тянутся по обѣ стороны моста. Безпрерывный потокъ людей льется въ ту и другую сторону. Здѣсь одно изъ самыхъ оживленныхъ мѣстъ въ Венеціи, такъ какъ Понте Ріальто или Rivo-Alto до недавняго времени былъ

единственнымъ мостомъ, соединявшимъ восточную и западную части города.

Съ Большого канала гондольеръ сворачиваетъ въ боковые каналы. Здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ узко, что двѣ гондолы съ трудомъ разъѣзжаются. При поворотахъ изъ предосторожности, чтобы не столкнуться со встрѣчными, гондольеръ кричитъ: a-del! (слушай), sia stali! (вправо), sia premi! (влѣво), sia di lungo! (прямо).

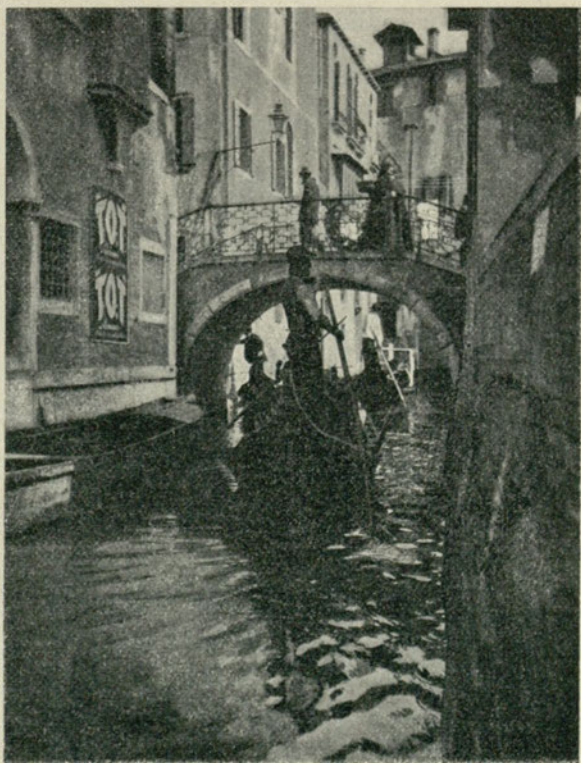
Въ узкихъ каналахъ мы знакомимся съ настоящей Венеціей. Мы узнаемъ, въ какихъ условіяхъ живутъ венеціанцы. Грязь, вонь! Въ мутной водѣ плаваютъ всякіе отбросы, дохлыя крысы. Надъ нашей головой сушатъ бѣлье . . .

Не будь благодѣтельнаго морского отлива и прилива, которыми два раза въ сутки уносятся всѣ нечистоты, и приносится свѣжая вода, люди вымерли бы въ Венеціи отъ заразныхъ болѣзней.

Тамъ, гдѣ вода особенно мутна и зловонна, съ непривычки трудно дышать и приходится въ полномъ смыслѣ слова затыкать носъ. Хочется скорѣе выбраться отсюда, поэтому мы говоримъ гондольеру, чтобы онъ везъ насъ обратно въ отель.

Своеобразная венеціанская жизнь не перестаетъ привлекать къ себѣ наше вниманіе, даже когда мы находимся въ комнатѣ. Черезъ открытое окно откуда-то доносятся печальные звуки похороннаго марша; затѣмъ видно, какъ изъ-за угла на набережную медленнымъ шагомъ выходитъ оркестръ музыки, дальше гробъ, покрытый чернымъ. За

гробомъ женщины подъ черными покрывалами съ вѣнками въ рукахъ. Въ печальной процессіи участвуетъ духовенство, несутъ какія-то знамена . . . Гробъ ставятъ на большую траурную гондолу, сопровождающіе садятся въ другія гондолы, и процессія трогается уже

Въ узкомъ каналѣ. Ф. автора.

по водѣ на кладбище, которое находится за городомъ на уединенномъ островѣ.

Гондола — тюрьма. Ф. автора.

Мнѣ пришлось видѣть, какъ съ однимъ туристомъ сдѣлалось дурно, и немедленно по телефону была вызвана не карета, а гондола „скорой медицинской помощи“.

Черезъ нѣкоторое время мимо насъ везутъ въ тюрьму арестантовъ. Для этого устроена специальная гондола съ рѣшетками въ окнахъ. Заключение равнодушно глядятъ на насъ, а мы съ любопытствомъ разсматриваемъ эту плывучую тюрьму и провожаемъ ее глазами, пока она не скрывается въ боковомъ каналѣ.

Въ этомъ оригинальномъ городѣ все совершается при помощи гондолы.

Памятники
прежняго
величія.

Піацетта и Палаццо Дожей. Ф. автора.

Прежде здѣсь было судилище, а теперь главная стоянка гондольеровъ. Масса гондолъ качается у ступеней Піацетты, а сами хозяева ихъ въ живописныхъ позахъ сидятъ и лежатъ у подножія историческихъ колоннъ.

Осмотръ памятниковъ „Великой Венеціанской Республики“ лучше всего начать съ Піацетты. Въ переводѣ піацетта значить маленькая площадь. Нѣсколько ступеней ведутъ отъ нея прямо къ морю. Піацетта служила и служитъ парадной лѣстницей Венеции. Двѣ колонны, вывезенныя съ Востока, украшаютъ ее. Наверху одной изъ нихъ стоитъ крылатый левъ Св. Марка, а на другой — покровитель Венеции Св. Феодоръ на крокодилѣ.

Прежде здѣсь было судилище, а теперь главная стоянка гондольеровъ. Масса гондолъ качается у ступеней Піа-

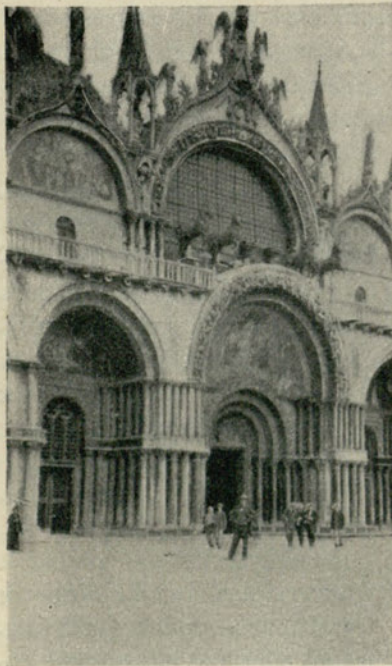
Стоя на Пиацеттѣ спиной къ морю можно сразу видѣть почти всѣ достопримѣчательности Венеціи. Прямо передъ нами площадь Св. Марка съ знаменитымъ соборомъ того же имени, вправо палатцо дожей, влѣво бібліотека и королевскій дворець.

Площадь Св. Марка самая большая въ Венеціи. Мягкій климатъ и отсутствие какой-либо вѣзды дѣлаютъ ее единственной въ свѣтѣ. Вся она выложена ровными плитами изъ трахита и мрамора, а по бокамъ окаймлена зданіями, въ нижнемъ этажѣ которыхъ устроена галерея съ колоннами.

По вечерамъ, когда здѣсь играетъ оркестръ музыки и пестрая толпа нарядныхъ иностранцевъ, вперемежку съ бѣдно одѣтыми венеціанцами наполняетъ площадь, кажется, что находишься на празднествѣ въ огромной парадной залѣ, куда собрались бѣдные и богатые, взрослые и дѣти, и всѣмъ одинаково весело и хорошо.

Восточная часть площади занята соборомъ Св. Марка. Его пестрый оригинальный фронтонъ совершенно не похожъ на церковь, особенно еще и потому, что передъ соборомъ стоятъ три огромныхъ столба, на которыхъ развѣваются по праздникамъ колоссальные флаги, а надъ главнымъ входомъ красуется четверка античныхъ бронзовыхъ коней.

Судьба этихъ коней очень интересна. Прежде они помѣщались на триумфальной аркѣ Нерона въ Римѣ, затѣмъ были перевезены въ Константинополь, гдѣ служили украшеніемъ императорской ложи на ипподромѣ. Когда крестоносцы грабили Константинополь, то увезли этихъ коней въ Венецію, но венеціанцамъ пришлось временно съ ними разстаться при Наполеонѣ, который приказалъ отвезти ихъ въ Парижъ. Только въ 1814 году, когда

Входъ въ соборъ Св. Марка. ф. автора.

„Великій Императоръ“ былъ низвергнутъ, бронзовые кони снова возвращены были Венеціи.

Храмъ богато разукрашенъ какъ снаружи, такъ и внутри.

„Что ты привезъ Св. Марку?“ — такими словами прежде венеціанцы встрѣчали каждого согражданина, вернушагося изъ чужихъ земель домой, будь то купецъ, полководецъ или даже морской разбойникъ. И каждый удѣлялъ Св. Марку часть своей добычи или выручки.

Внутри соборъ сохранилъ характеръ византійскаго храма; онъ поражаетъ восточной роскошью благодаря обилію цвѣтнаго мрамора, мозаики и позолоты. Однако свѣта внутри мало, и поскольку соборъ снаружи имѣетъ жизнерадостный видъ, постольку внутри онъ мраченъ. Полъ отъ древности, а можетъ и отъ плохого грунта, осѣлъ, и во многихъ мѣстахъ образовались выбоины.

Кормленіе голубей. Ф. автора.

Противъ собора стояла древняя колокольня, но 2-го іюля 1902 года она рухнула, и отъ старинной постройки осталась лишь груда камней. Сотрясеніе при ея паденіи было такъ велико, что сосѣдніе дома дали трещины. Въ настоящее время приступили къ возведенію новой колокольни, а ненужные камни отъ старой похоронили очень торжественно. Въ присутствіи властей и огромной толпы народа на 5 большихъ судахъ отвезли ихъ въ море за 5 миль отъ города и тамъ выгрузили дорогіе венеціанцамъ обломки. Говорятъ, что многіе плакали при этой церемоніи.

На „лѣстницѣ гигантовъ“ туристы и венеціанки (въ черныхъ платкахъ). Ф. автора.

На площади передъ соборомъ всегда толпа народа; чаще всего это иностранцы, которые кормятъ голубей. Голуби здѣсь почти ручные; они тучами кружатся въ воздухъ и зорко слѣдятъ за тѣмъ, кто купилъ для нихъ зеренъ кукурузы. Тогда они садятся къ людямъ на плечи, даже на голову и ѣдятъ изъ рукъ. Голуби гнѣзятся среди богатыхъ наружныхъ украшеній собора, а также въ другихъ сосѣднихъ зданіяхъ. Венеціанцы очень благосклонны къ этимъ птицамъ, такъ какъ съ ними связаны историческія воспоминанія. Говорятъ, что „въ критическія минуты голуби передавали венеціанцамъ важныя депеши“.

Самой главной достопримѣчательностью Венеціи, конечно, является „Палаццо Дожей“. Этотъ замѣчательный по архитектурѣ дворецъ можетъ рассказать намъ многое изъ своей прошлой жизни и воскресить въ памяти нравы „Великой республики“.

Уже съ Пиацетты видно, что среднія двѣ колонны его почему-то другого цвѣта, именно краснаго. Такая кровавая окраска камня не случайность: отсюда объявлялся приговоръ осужденнымъ на смертную казнь.

Чтобы попасть въ парадные покои дворца, нужно подняться по широкой мраморной „лѣстницѣ гигантов“, украшенной огромными мраморными статуями Марса и Нептуна, долженствовавшими служить символомъ власти Венеціи на сушѣ и на морѣ. На верхней площадкѣ этой лѣстницы короновались дожи.

Начиная осмотръ дворца дожей, надо помнить, что это зданіе помимо покоевъ дожа вмѣщало въ себѣ самыя разнообразныя учрежденія, начиная отъ роскошныхъ пріемныхъ залъ, украшенныхъ картинами лучшихъ художниковъ, и кончая сырыми, покрытыми плѣсенью темницами.

Пройдя рядъ небольшихъ комнатъ, мы входимъ въ огромную залу „Верховнаго Совѣта“. Теперь здѣсь пусто, только великолѣпныя картины художниковъ Тинторетто и Паоло Веронеза говорятъ намъ о минувшей славѣ Венеціи и безумной роскоши, царившей въ ней.

По стѣнамъ портреты дожей. Какъ живые глядятъ на насъ бывшіе хозяева этихъ палатъ.

Но что это? Въ одной рамѣ вмѣсто портрета черная матерія съ надписью: „Здѣсь мѣсто Марино Фальери, обезглавленнаго за преступленіе“.

Этотъ дожъ въ 1355 г. заплатилъ жизнью за свой заговоръ противъ аристократіи, и эта надпись должна была служить угрозой всѣмъ, даже правителямъ, задумавшимъ идти противъ республики,

Мостъ вздоховъ (Ponte dei Sospiri). Ф. автора.

начавшей уже тогда усваивать нравы и обычаи восточных варваровъ.

Зала „Совѣта Десяти“ также великолѣпна. Тутъ подъ плафоновъ Паоло Веронеза засѣдали мрачные, неумолимые судьи, пролившіе столько человѣческой крови, что исторія заклеимила это судилище наименованіемъ „кроваваго“.

Отсюда можно спуститься въ темницы, гдѣ сидѣли заключенные. Проводникъ съ фонаремъ въ рукѣ сводитъ насъ по узкой лѣсенкѣ.

„Здѣсь — говоритъ онъ — обвиняемыхъ пытали. Здѣсь производилась казнь. Вотъ по этому желобу кровь стекала въ каналъ.“

„Смотрите, — продолжаетъ проводникъ — вотъ надписи, сдѣланныя заключенными и сохранившіяся до насъ.“

По нѣкоторымъ изъ нихъ съ увѣренностью можно сказать, что многіе попадали въ эти темницы невинно. И немудрено. Шпіонство и доносы постепенно, съ упадкомъ Венеціи, развивались какъ нигдѣ. До сихъ поръ сохранились дыры въ стѣнахъ дворца, гдѣ были прежде мраморныя пасти львовъ, въ которыя каждый могъ положить доносъ на кого угодно изъ гражданъ, и такимъ доносамъ придавали значеніе.

Хочется скорѣе выйти изъ этихъ мрачныхъ темницъ дворца дождей на свѣжій воздухъ, но намъ еще предлагаютъ посмотреть „мостъ вздоховъ“ — „Ponte dei Sospiri“.

Мостъ этотъ одинъ изъ самыхъ поэтичныхъ въ Венеціи. Однако, его назначеніе далеко не поэтично: его построили съ цѣлью соединить дворецъ съ находившейся по другую сторону канала тюрьмой, существующей и понынѣ. Въ прежнее время черезъ этотъ мостъ проводили обвиняемыхъ на судъ, пытку и казнь, а также отводили обратно приговоренныхъ къ тюремному заключенію.

На „мостъ вздоховъ“ лучше любоваться издали, тогда забываешь о его печальной роли, которую онъ исполнялъ.

Въ закоулкахъ Венеціи.

Почти каждый венеціанскій домъ, выходя своей парадной лѣстницей на каналъ, черной обращенъ въ переулокъ. Такимъ образомъ, вся Венеція, помимо каналовъ, изрѣзана сѣтью узкихъ и душныхъ переулковъ. Въ этомъ лабиринтѣ полутемныхъ закоулковъ узнаешь самую непривлекательную сторону города.

Двери и окна въ нижнихъ этажахъ Мастерская древностей. *Ф. авт.* домовъ почти всѣ открыты, и прохожій можетъ свободно наблюдать жизнь венеціанца. Прачки, сапожники, жестяники, портные — всѣ стараются помѣститься

либо у окна, либо въ самыхъ дверяхъ, такъ какъ въ ихъ комнаты солнечный свѣтъ почти не проникаетъ.

На порогѣ своей лавченки какой-то человѣкъ стучитъ молоткомъ по страннаго вида кольчугѣ — это „мастерская древностей“. Гдѣ-нибудь на площади Св. Марка въ шикарномъ магазинѣ издѣлія этой мастерской продаются, какъ древнія вещи, на которыя такъ падки пріѣзжіе иностранцы, а тутъ неподалеку въ переулкѣ ихъ готовятъ „дѣлатели древностей“, оглушая прохожихъ стучомъ своихъ молотковъ.

Жители такъ привыкли дѣлать все, даже свой туалетъ, на глазахъ прохожихъ, что большинство женщинъ причесываютъ другъ друга за дверьми своего дома, сидя на низкихъ стульчикахъ, а полуголые черноволосые ребятишки тутъ же ползаютъ по каменнымъ плитамъ около своихъ матерей.

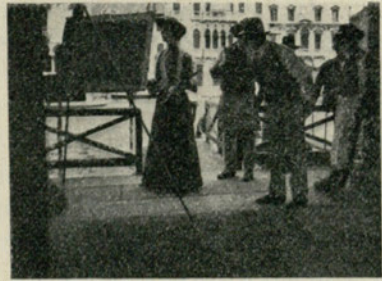
Изъ оконъ и дверей идетъ чадъ прогорклаго оливковаго масла, на которомъ здѣсь готовятъ.

Иногда переулокъ упирается въ стѣну или прямо спускается ступенями къ каналу, тогда приходится возвращаться обратно или просить встрѣчнаго указать дорогу.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чаще всего съ какого-либо изъ безчисленныхъ мостиковъ, открывается живописный видъ съ клочкомъ синяго неба наверху, съ темно-зеленымъ плющемъ на разрушающемся мраморномъ дворцѣ и съ отраженіемъ всего этого въ водѣ канала, по которому пробираются гондолы. Картина такъ и просится на полотно, — и художниковъ въ Венеціи очень много, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Они работаютъ прямо на улицѣ съ большими мольбертами и холстами. За спиной художника обычно собирается толпа цѣнителей, подчасъ очень чуткихъ, всегда деликатныхъ, съ благоговѣніемъ наблюдающихъ за работой „маэстро“, какъ величаютъ въ Италіи художниковъ.

Тамъ, гдѣ нѣсколько переулковъ сходятся вмѣстѣ, они образуютъ маленькую площадь, по большей части пустынную, но иногда и шумную, если на ней рынокъ; тогда уже издали слышно, какъ идетъ торгъ.

„Aqua fresca! (холодная вода) Aqua fresca!“ — оретъ громче другихъ продавецъ воды.

Художница и цѣнители. Ф. авт.

Продавецъ персиковъ.
Ф. автора.

Въ жару этотъ торговецъ не успѣваетъ наливать всѣмъ желающимъ освѣжиться его прохладительнымъ напиткомъ.

Продавцы морскихъ раковъ, разносчики съ черешнями и персиками стараются также перекричать другъ друга.

Въ дверяхъ и окнахъ лавченокъ лежитъ незатѣйливый товаръ: спички, свѣчи, мыло, глиняная посуда, разнаго сорта и формы макароны, овощи, фрукты, рыба и разные другіе дары моря.

А это что такое? На выставленномъ блюдѣ копошится какая-то безформенная масса. Это каракатицы. Что можетъ быть отвратительнѣе этихъ осминогихъ слизняковъ?! Неужели ихъ продаютъ для ѣды? Да! Въ Италіи ѣдятъ все, лишь бы не умереть съ голода.

Мнѣ однажды венеціанскій разносчикъ предложилъ купить такого отвратительнаго моллюска, что я усомнился въ его съѣдобности и, заплативъ деньги, попросилъ самого продавца съѣсть это морское животное, что тотъ съ удовольствіемъ и сдѣлалъ.

Четверть всего населенія Венеціи нищія, которымъ приходится питаться всякой дрянью и жить въ ужасныхъ условіяхъ: въ сырыхъ и темныхъ помѣщеніяхъ, а то и прямо на улицѣ. Благодаря такимъ условіямъ жизни, венеціанцы стали вырождаться нравственно и физически.

По совѣту врачей правительство рѣшило прежде всего улучшить жилища, поэтому городское управленіе Венеціи покупаетъ теперь участки земли и строитъ дома для бѣднаго люда, соблюдая требованія гигиены.

Улучшить санитарныя условія города очень важно, такъ какъ положеніе Венеціи и климатъ ея весьма благопріятны для легочныхъ больныхъ и нервныхъ людей.

Страдающіе сухимъ катарромъ дыхательныхъ органовъ чувствуютъ себя здѣсь хорошо вслѣдствіе обилія влаги и благодаря отсутствію пыли, а нервныхъ людей сюда привлекаетъ полная тишина, не нарушаемая обычнымъ въ городахъ грохотомъ экипажей и трамваевъ.

Устройствомъ сада Венеція обязана Наполеону I, который въ 1807 году приказалъ сломать нѣсколько монастырей и на мѣстѣ ихъ посадить деревья. Теперь это роскошный паркъ, въ которомъ отлично растутъ магноліи, юкки, пальмы. Здѣсь среди зелени можно подышать здоровымъ, чистымъ воздухомъ и совершенно забыть про вонючіе каналы Венеціи.

Лежащій около самой Венеціи песчаный островъ Лидо, благодаря своему мягкому климату, является теперь однимъ изъ самыхъ модныхъ купальныхъ курортовъ Европы.

Лѣтомъ, когда надъ Венеціей спускаются сумерки, а на небѣ начинаютъ вспыхивать одна за другой звѣздочки, и послѣ дневной жары наступаетъ прохлада, всѣ жители высыпаютъ изъ домовъ на площадь Св. Марка и на набережную города.

Тамъ и сямъ зажигаются огоньки. Вотъ съ Большого Канала раздалось пѣніе и музыка. Это венеціанскія серенады. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ свѣтятся разноцвѣтные фонарики, которыми украшены выѣхавшія барки съ пѣвцами.

Слушать серенаду лучше всего съ гондолы. Мы садимся у Піацетты въ одну изъ нихъ и подъѣзжаемъ къ ближайшей изъ барокъ, съ которой слышно пѣніе. Уже немолодая и некрасивая женщина очень просто, даже бѣдно одѣтая, исполняетъ арію изъ „Кармень“ подъ аккомпаниментъ маленькаго, но увлекательно играющаго оркестра. Толпа гондолъ окружила исполнителей.

Большинство слушателей, конечно, иностранцы, но и мѣстныхъ жителей много. Они пріѣхали цѣлыми семействами, забравъ съ собой даже маленькихъ дѣтей.

При громѣ апплодисментовъ оканчиваетъ пѣвица свою арію, и одинъ изъ музыкантовъ со шляпой въ рукѣ, ловко перепрыгивая изъ одной гондолы въ другую, собираетъ деньги.

Ни отъ кого такъ щедро не летятъ къ нему въ шляпу монеты, какъ отъ англичанъ, которые, развалившись на подушкахъ гондолы, казалось, слушали пѣніе совершенно безстрастно.

Не выборомъ арій, не количествомъ оркестра и даже не свѣжестью голосовъ славятся и привлекаютъ слушателей эти пѣвцы и музыканты, а своимъ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ и той необыкновенно поэтической обстановкой, въ которой исполняются знакомыя всѣмъ народныя пѣсни и аріи изъ оперъ.

РЕФОРМА ЗЕМЛЕДѢЛІЯ ВЪ ИТАЛІИ

по А. М. Чупрову.

Съ первыхъ годовъ объединенія итальянское правительство и общество по примѣру Германіи и Англіи стремились развить крупную промышленность и торговлю, но такъ какъ въ Италіи нѣтъ ни желѣзной руды, ни каменнаго угля, то опытъ оказался очень неудачнымъ.

Странѣ пришлось пережить жестокія испытанія и невзгоды, окончившіяся народными волненіями, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ.

Италія — одна изъ самыхъ густо населенныхъ странъ Европы. Средняя густота населенія составляетъ 110 человѣкъ на квадратный километръ, больше, чѣмъ въ Германіи (103 человѣка) и во Франціи

(72 человек), а в некоторых частях, например, на севере, в Кампании и в Сицилии живет до 200 человек на том же пространстве, т. е. почти столько же, как в Бельгии и Англии. При том же населении быстро возрастает, несмотря на усиливающуюся эмиграцию. Где же искать средств к жизни прибавляющимся народным массам? Надежды дать работу всему этому люду на фабриках и в торговых конторах, банках и других промышленных созданиях капитализма не оправдались. Поэтому пришлось остановить взоры на земледелие, которое на благоприятной почве Италии издревле прокармливало сотни человеческих поколений.

Италия обладает редкими задатками для успехов сельского хозяйства. Не говоря уже о том, что на всей площади Италии произрастает виноград, который в большинстве случаев возделывается на одних и тех же полях с хлебами и травами, — почти повсюду в Италии удается разведение оливковых деревьев, тутового дерева, миндаля, орехов, а что главное — апельсинов и лимонов, которые почти для целой Италии составляют главный источник дохода.

Однако выяснилось, что при всех несравненных естественных условиях итальянское земледелие находится в глубоком упадке. Те области, которые в былые времена слыли житницами Италии, представляют нередко безлюдны пустыри, от которых бьжит все из-за свирепствующей там малярии. Достаточно вспомнить о Римской Кампании или о местности, где некогда красовался Пестум, еще и ныне удивляющий путешественников развалинами своих грандиозных храмов или, наконец, о Тосканской Маремме с ее злокачественной лихорадкой. Нашлись в Италии места, где до сих пор употребляется тот же плуг и применяются тот же севооборот, которые 1900 лет тому назад были описаны Вергилием. Было установлено, что главной причиной упадка итальянского земледелия является его отсталость.

К счастью итальянского крестьянина, правительство с первых годов основания королевства, несмотря на смуту партий, стоявших у власти, и на острые финансовые затруднения, никогда не жалело средств на распространение начального образования. Поэтому, население, которое привыкло читать и мыслить, которому доступны книга и газета, все же пришло к заключению, что пора приниматься за реформу земледелия. Итальянская интеллигенция выдвинула из своих рядов многих ученых и практиков, которые с горячей готовностью принялись работать в этой области на пользу своего народа.

Первой задачей было вернуть плодородие истощенной почве. Открытия современной науки давно указали верные и повсюду до-

ступные способы къ достиженію этой цѣли. Съ тѣхъ поръ, какъ теорія и практика выяснили значеніе минеральныхъ удобреній и познакомили съ введеніемъ въ почву азота изъ воздуха при помощи бобовыхъ растений*), способы возстановить плодородіе почвы перестали считаться неосуществимыми. Итальянцы страстно ухватились за новые методы и въ результатѣ многолѣтнихъ опытовъ и изысканій выработали приемы хозяйствованія, примѣнимые къ разнымъ видамъ итальянскихъ почвъ.

Здѣсь много потрудился бывшій морской офицеръ Солари. Опираясь на изслѣдованія ученыхъ, установившихъ, что азотъ вводится не стеблями и листьями, а корнями бобовыхъ растений, Солари рекомендовалъ систему, практиковавшуюся еще у древнихъ — чередованіе кормовыхъ травъ съ хлѣбными растеніями. При этомъ Солари совѣтовалъ удобрять поля не передъ посѣвомъ пшеницы, а передъ посѣвомъ клевера или люцерны, и удобрять сразу въ двойномъ количествѣ. Затраты на двойное удобреніе съ избыткомъ покрываются усиленнымъ сборомъ кормовыхъ травъ и превосходнымъ урожаемъ пшеницы, который получается уже безъ всякаго удобренія, благодаря азоту, накопленному въ почвѣ корнями бобовыхъ растений. Приемы Солари и другихъ агрономовъ дали блестящіе результаты. Сборъ пшеницы на опытныхъ поляхъ поднимался до 300—350 пудовъ съ десятины. Теперь оставалось распространить эти свѣдѣнія среди населенія.

Италія еще съ 70-тыхъ годовъ стала заводить земледѣльческія школы. Въ ней существуетъ два высшихъ земледѣльческихъ института въ Миланѣ и въ Портичи и 34 среднихъ земледѣльческихъ училища. Но черезъ школу проходило лишь ничтожное количество молодыхъ людей, которые шли работать въ крупныя земледѣльческія хозяйства. Нужно было найти какіе-нибудь иные способы для распространенія среди населенія полезныхъ для него знаній. Пользуясь примѣромъ другихъ болѣе культурныхъ странъ, Италія начала вводить у себя „странствующія каѳедры земледѣлія“, поставившія себѣ цѣлью распространять сельскохозяйственныя знанія при помощи лекцій, опытныхъ полей, популярныхъ изданій и другихъ средствъ.

Выборный комитетъ, въ вѣдѣніи котораго находится каѳедра, приглашаетъ профессора для чтенія лекцій, вѣрнѣе бесѣдъ, въ разныхъ пунктахъ провинціи. Бесѣды устраиваются по праздникамъ, когда народъ свободенъ.

Простой человѣкъ больше вѣритъ фактамъ, нежели словамъ, поэтому лекторъ устраиваетъ и опытные поля, которыя наглядно убѣждаютъ невѣрующихъ въ преимущества новыхъ приемовъ.

*) Корни бобовыхъ растений всегда несутъ на себѣ въ значительномъ количествѣ небольшіе наросты — клубеньки. Образование клубеньковъ есть результатъ совместной жизни (симбіоза) бобовыхъ растений съ низшими микроорганизмами — бактеріями, способными расти въ почвѣ и усваивать азотъ.

Послѣ лекціи нерѣдко профессоръ со слушателями дѣлаетъ экскурсіи въ поля, гдѣ указываются существующіе недостатки земледѣлія и приемы для его улучшенія.

Во время отдыха и ѣды, въ кругу своихъ взрослыхъ учениковъ, за стаканомъ вина, профессоръ продолжаетъ вести задушевную бесѣду о разныхъ сельскихъ нуждахъ, такъ что является крестьянину другомъ и желаннымъ совѣтчикомъ. Недаромъ любимаго профессора крестьяне встрѣчаютъ и провожаютъ съ музыкой и веселымъ пѣніемъ.

„Я никогда не забуду впечатлѣнія, — говоритъ профессоръ А. И. Чупровъ — полученнаго мною въ Веронѣ на банкетѣ по окончаніи сельскохозяйственнаго конгресса. Въ залѣ собралось до трехъ сотенъ самыхъ видныхъ землевладѣльцевъ сѣверной Италіи. По итальянскому обычаю чуть не съ перваго блюда начались рѣчи, которыя, однако, мало слушались. Но лишь только поднялся, чтобы сказать свое слово, директоръ странствующей каѳедры, профессоръ Гито Поджи, все замолкло; по окончаніи же рѣчи на долю скромнаго труженика выпали такія оглушительныя рукоплесканія, которыхъ не удостоился ни одинъ изъ болѣе блестящихъ ораторовъ.“

Воочію убѣдившись въ томъ, какіе блестящіе результаты даетъ распространеніе сельскохозяйственныхъ знаній среди народныхъ массъ, итальянское правительство въ настоящее время учредило спеціальныя курсы для солдатъ.

На Миланской выставкѣ въ 1906 году одинъ русскій посѣтитель, войдя въ отдѣлъ военнаго министерства, такъ передаетъ свои впечатлѣнія: „Я былъ очень удивленъ, такъ какъ комната была наполнена обширными коллекціями прекрасныхъ образцовъ пшеницы, кукурузы, свеклы, моркови и т. п. Стѣны комнаты были увѣшаны таблицами урожайности различнаго рода злаковъ и плодовъ и фотографіями, на которыхъ можно было видѣть такую картину: напр., солдатъ въ формѣ сидитъ на жатвенной машинѣ, а рядомъ офицеръ слѣдитъ за правильностью его работы, или же группа солдатъ вокругъ офицера, разясняющаго имъ устройство того или другого земледѣльческаго орудія.“

Въ расчеты правительства въ данномъ случаѣ входитъ, что солдатъ, отбывъ срокъ службы, вернется въ деревню и научитъ своихъ односельчанъ лучшимъ приемамъ земледѣлія.

Помимо устной пропаганды въ сѣверной и средней Италіи, гдѣ населеніе грамотно, существуетъ обширная сельскохозяйственная литература въ видѣ журналовъ, отчетовъ, ежегодниковъ и дешевыхъ брошюръ. Всѣ эти изданія написаны простымъ доступнымъ языкомъ, а чтобы сдѣлать изложеніе и занимательнымъ, итальянскіе ученые иногда прибѣгаютъ къ такой, напимѣръ, формѣ разказа.

Въ брошюрѣ о воздѣлываніи свекловицы, послѣдняя ведетъ

полушутливый рассказ о себѣ. „У меня хорошей аппетитъ, но я не прожорлива, какъ обо мнѣ пускаютъ слухъ нѣкоторые недоброжелатели. Если земля хорошо вспахана, я ухожу глубоко въ землю, чтобы добывать тамъ себѣ пищу; ухожу туда, куда не могутъ добраться ни пшеница, ни кукуруза, вслѣдствіе чего я не приношу никакого вреда этимъ моимъ товаркамъ. Для меня хлѣбомъ служить азотъ, мясомъ — фосфорная кислота, десертомъ — поташъ и гипсъ. Если вы будете меня питать хорошо, я буду сильна, крупна и устойчива противъ болѣзней. Заботьтесь обо мнѣ, и я васъ вознагражу сторицею“ — такъ заканчиваетъ свекла свой рассказъ.

Чтобы получить средства на покупку удобреній и дорогихъ машинъ, бѣдные итальянскіе крестьяне начали объединяться въ союзы. Появились специальныя „аграрныя кассы“, поставившія себѣ задачей снабжать земледѣльца всѣмъ необходимымъ для него.

Результаты такихъ начинаній превзошли всякія ожиданія. Депутатъ Гверчи говоритъ, что „есть общины, какъ, напримѣръ, Тиццано, гдѣ земледѣльческое производство за десять лѣтъ выросло разъ въ двадцать.“ Появились большія пространства, покрытыя роскошными виноградниками, гдѣ не такъ давно росъ дикій кустарникъ, по которому бродилъ лишь полуголодный скотъ.

Профессоръ Чупровъ, пробывъ нѣсколько дней въ Пармѣ, говоритъ: „эти дни оставили въ моей душѣ глубокой слѣдъ. Мнѣ удалось воочию видѣть, какъ въ самый короткій срокъ преобразовывается сельское хозяйство въ цѣломъ краѣ. Еще недавно Парма считалась бесплоднѣе, рутиннѣе и бѣднѣе остальныхъ провинцій сѣверной Италіи, а въ настоящую минуту богатство растетъ въ ней не по днямъ, а по часамъ.“

Президентъ Пармской депутаціи, отвѣчая на многочисленныя запросы по поводу аграрныхъ учреждений, пишетъ, что сдѣланное въ Пармѣ можетъ повториться всюду, гдѣ подобныя пармскимъ учрежденія будутъ руководимы такой же любовью къ сельскому люду и столь же искреннимъ стремленіемъ къ его нравственному и экономическому усовершенствованію.

ПО ИТАЛЬЯНСКИМЪ ОЗЕРАМЪ.

Юр. Новоселовъ.

Каждый иностранецъ, пріѣхавъ въ Миланъ, — этотъ лучший по благоустройству городъ Италіи — въ тотъ же день непременно попадаетъ на центральную площадь, гдѣ находится извѣстный всему

міру соборъ. Это колоссальное сооруженіе изъ бѣлаго мрамора снаружи не поражаетъ своей величиной, благодаря обилію украшеній въ видѣ фигуръ, готическихъ колоннъ и выступовъ. Зато внутри человѣкъ чувствуетъ себя какимъ-то лилипутомъ, попавшимъ въ хоромы великана. 40.000 человѣкъ можетъ помѣститься въ этомъ громадномъ соборѣ.

Осмотрѣвъ миланскія картины знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ въ церквахъ и галереяхъ города, побродивъ по широкимъ улицамъ среди пестрой, нарядной и шумной толпы, иностранецъ, попавшій въ Миланъ лѣтомъ, когда главные театры закрыты, уже скучаетъ.

„Все это я видѣлъ въ большихъ европейскихъ городахъ — разсуждаетъ онъ. — Я пріѣхалъ въ Италію и хочу видѣть что-то другое.“

Такъ думалъ и я и собирался ѣхать дальше на югъ. „Нѣтъ. — сказалъ мнѣ одинъ миланецъ — теперь поѣзжайте лучше на сѣверъ: на берега озеръ. Мы сами лѣтомъ, кто только можетъ, уѣзжаемъ туда, чтобы отдохнуть и насладиться чудной природой нашихъ милыхъ озеръ.“

Мнѣ посовѣтовали взять круговой билетъ.

Когда я покупалъ его, то былъ пораженъ дешевизной. Проѣздъ на пароходѣ по Комо, Лугано и Лаго-Маджіоре и желѣзная дорога изъ Милана, между озерами и обратно стоитъ 12½ лиръ, т. е. меньше 5 рублей на наши деньги.

Стоялъ жаркій день, когда мы сѣли въ чистенькій и опрятный вагонъ третьяго класса дачнаго поѣзда, который доставилъ насъ черезъ часъ съ небольшимъ въ городокъ Комо, расположенный на берегу озера того же имени.

Живописный городокъ — родина гениальнаго ученаго Вольта*). Въ Комо насъ ожидалъ уже пароходъ, съ которымъ мы и отправились дальше по изумруднымъ водамъ озера. Съ нашимъ пароходомъ уѣзжали новобранцы, — ихъ отправляли куда-то на мѣсто службы. Съ глазами, полными слезъ, они пѣли хоромъ: „adio bello Como.“

Дѣйствительно, было о чемъ пожалѣть. Мягкій климатъ, роскошная растительность, высокія съ крутыми берегами горы, — здѣсь все ласкаетъ взоръ.

*) Вольта создалъ цѣлую эпоху въ области электричества. Его биографъ, другой ученый Араго, сказалъ: „Вольтовъ столбъ, составленный изъ кружковъ мѣднаго, цинковаго и влажнаго суконнаго, составляетъ снарядъ, чуднѣе котораго никогда не изобрѣталъ человѣкъ, не исключая даже телескопа и паровой машины.“

Здѣсь въ гимназіи роднаго города Вольта занималъ скромное мѣсто учителя физики, здѣсь же онъ доживалъ послѣдніе дни жизни и умеръ въ одинъ день и часъ со знаменитымъ своимъ современникомъ Лапласомъ, скончавшимся въ Парижѣ.

Берега озера густо заселены. Всюду бѣлыя виллы кокетливо выглядываютъ изъ темно-зеленой чащи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались цѣлыя дачныя поселенія.

Пароходъ нашъ пристаетъ то къ правому, то къ лѣвому берегу, высаживая и принимая пассажировъ. На каждой пристани насъ встрѣчаютъ

На озерѣ Комо. Ф. автора.

нарядныя дамы и дѣти. Прибытія парохода ждутъ шикарные кареты отелей; кажется, что жизнь обитателей этихъ береговъ легка и безпечна.

Да, для того, кто живетъ въ бѣлыхъ виллахъ, но посмотрите вверхъ: до самой вершины всѣ скалы, даже крутыя, изрѣзаны какими-то бороздами: это виноградники, узкія грядки кукурузы и пшеницы. Тутъ человѣкъ старается использовать каждый выступъ скалы, каждый торчащій камень. Онъ натаскалъ туда земли и насадилъ, что только могъ.

Ледники, наступавшіе и загромождавшіе эти заливы, сдѣлали воду прѣсной, а наносы, принесенные съ горъ въ большомъ коли-

чествѣ, отдѣлили ихъ отъ моря и превратили въ озера. Здѣсь сохранились еще до сихъ поръ морскія животныя. „Усатый головачъ“, родственникъ сардинки, водится во всѣхъ озерахъ. А въ озерѣ Гарда, отдѣлившемся позже другихъ отъ моря, водятся даже морскія креветки.

Озера и теперь не перестаютъ засоряться и убавляться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода озера Лаго-Маджіоре въ настоящее время такъ отступила отъ берега, что, напримѣръ, деревня Гордола, бывшая 700 лѣтъ тому назадъ пристанью, теперь лежитъ въ двухъ верстахъ отъ берега.

Итальянскія озера во время половодья собираютъ въ себя избытокъ воды, а когда наступаетъ засуха, рѣки, вытекающія изъ озеръ, продолжаютъ приносить жителямъ Ломбардіи желанную влагу. Не будь этихъ озеръ, долина рѣки По временами затоплялась бы, а временами страдала отъ засухи.

Поѣздъ, увозящій насъ отъ озера Комо, то виситъ надъ обрывомъ, то пробирается сквозь горныя тѣснины и, наконецъ, сдѣлавъ поворотъ къ западу, начинаетъ быстро спускаться къ маленькому итальянскому мѣстечку Порлецца, расположенному на берегу озера Лугано. Здѣсь мы сдѣлали остановку. Въ маленькомъ чистенькомъ отелѣ намъ отвели за очень недорогую цѣну комнаты. Ужинали мы на террасѣ, обвитой глициніями и виноградомъ. Изъ туристовъ была только наша компанія, а остальные столики были заняты мѣстными итальянцами. Они горячо спорили, много пили краснаго вина, а къ ночи устроили на озерѣ такую серенаду, что мы долго не могли уснуть, но на пѣвцовъ нисколько не сердились.

Намъ такъ понравилось здѣсь, что мы рѣшили прожить въ Порлеццѣ, сколько позволитъ нашъ круговой билетъ.

Днемъ мы катались въ лодкѣ, купались прямо съ берега, ходили въ горы собирать душистыя альпійскія фіалки, однимъ словомъ, наслаждались природой среди итальянцевъ, вдали отъ курортовъ съ ихъ нарядной, шумной, но скучающей публикой.

Случайно во время одной изъ прогулокъ мы забрели высоко въ горы и попали въ бѣдную деревушку. Ея населеніе поразило насъ своимъ печальнымъ видомъ. Мужчины, женщины носили на себѣ слѣды полнаго вырожденія. Это были какіе-то карлики. Особенно тяжело было смотрѣть на дѣтей; они производили впечатлѣніе маленькихъ уродцевъ съ большими головами на тоненькихъ кривыхъ ножкахъ.

Несомнѣнно, неблагоприятныя экономическія и бытовыя условія жизни въ горахъ служатъ причиной такого физическаго упадка цѣлыхъ поколѣній.

Тутъ высоко въ горахъ мы совершенно измѣнили свое мнѣніе относительно итальянской назойливости, алчности до денегъ, на ко-

тору ю такъ жалуются всѣ путешественники по Италіи. Молодой паренъ, которому я предложилъ плату за черешни, не хотѣлъ брать ничего, такъ какъ ихъ было мало и, по его словамъ, онѣ ему ничего не стоили.

Цѣлую недѣлю мы прожили въ Порлеццѣ и затѣмъ только рѣшили продолжать нашъ путь.

Проѣздъ по озеру Лугано послѣ Комо не далъ намъ новыхъ впечатлѣній. А пересадка съ одного парохода на другой въ швейцарскомъ городкѣ Лугано и затѣмъ ѣзда по желѣзной дорогѣ изъ мѣстечка Понте-Треза до озера Лаго-Маджіоре настолько утомили насъ, что мы не могли уже проникнуться тѣми чувствами восторга, о которыхъ обычно пишутъ увидавшіе впервые проставленный поэтами Маджіоре.

„Наслажденіе вливается здѣсь въ душу широкой волной, — пишетъ одинъ путешественникъ. — Здѣсь испытываешь наслажденіе отъ всей природы въ ея цѣломъ. Нѣтъ возможности налюбоваться озеромъ, еще безумнѣе было бы пытаться выразить словами все его очарованіе.“

По величинѣ Лаго-Маджіоре самое большое изъ итальянскихъ озеръ. Длина его 65 километровъ, а ширина не болѣе 3—5 километровъ. Интересно, что въ сѣверной его части вода — зеленая, а въ южной — синяя. Безспорно, самое красивое мѣсто на озерѣ это — Барромейскіе острова, расположенные въ центральной части его, гдѣ образуется въ западномъ направленіи широкой заливъ, защищенный съ сѣвера отрогами высокихъ Альпъ. Чтобы побывать на Барромейскихъ островахъ, путешественники обычно останавливаются въ излюбленномъ туристами благоустроенномъ городкѣ Полланца; но по берегамъ залива разбросано много маленькихъ мѣстечекъ, въ которыхъ не трудно найти уютный уголокъ; поселившись здѣсь, можно спокойно пожить и совершить нѣсколько интересныхъ экскурсій въ живописныя окрестности, въ томъ числѣ и на Барромейскіе острова.

Ѣзда по водѣ здѣсь особенно пріятна; каждая лодка, какъ и на другихъ итальянскихъ озерахъ, имѣетъ особое оригинальное приспособленіе: отъ борта до борта поперекъ лодки прилажено нѣсколько обручей, на которые натянута парусина; такимъ образомъ надъ сидящими въ лодкѣ образуется круглый навѣсъ, хорошо предохраняющій отъ палящихъ лучей солнца. Въ такой лодкѣ везутъ васъ прежде всего къ острову Изола-Белла; лодочникъ считаетъ своимъ долгомъ рассказать вамъ о красотѣ острова, а если вы не понимаете по-итальянски, то жестами и мимикой онъ укажетъ, гдѣ и когда нужно любоваться островомъ и видомъ утопающаго въ зелени замка, построеннаго въ срединѣ XVII столѣтія графомъ Барроме.

Когда потомъ вы попадаете внутрь замка и бродите по комнатамъ этого незаконченнаго постройкою дворца, то ваше вниманіе занято не предметами роскоши и не картинами, висящими по стѣнамъ, а восхитительными видами, которые открываются почти изъ каждаго окна. Кругомъ замка разбитъ въ итальянскомъ вкусѣ великолѣпнѣйшій садъ; онъ спускается десятью террасами прямо къ водѣ, такъ что островъ вмѣстѣ съ замкомъ издали кажется какой-то корзиной цвѣтовъ, поднимающейся изъ воды. Въ этомъ саду растутъ вѣчно зеленые олеандры, лавры, магноліи, апельсины, лимоны, пробковый дубъ, саговая пальма, хлѣбное дерево и много другихъ дивныхъ растеній, которыя въ другихъ мѣстахъ подъ этой широтой могутъ расти только въ оранжереяхъ, а здѣсь они, защищенныя съ сѣвера высокими Альпами, растутъ на воздухѣ, цвѣтутъ, приносятъ плоды и достигаютъ такихъ размѣровъ, какъ у себя на родинѣ въ теплыхъ краяхъ.

Другой островъ Isola-Madre по красотѣ не уступаетъ Isola-Bella, своему живописному сосѣду, а его растительность, пожалуй, еще пышнѣе, чѣмъ на Isola-Bella. Осмотромъ этихъ острововъ обычно заканчивается круговая поѣздка по озерамъ.

Отъ Лаго Маджіоре до Милана всего два часа ѣзды по желѣзной дорогѣ.

САМРО SANTO ВЪ ГЕНУѢ.

Юр. Новоселовъ.

Генуя, кажется, единственный городъ въ мірѣ, гдѣ пріѣзжему прежде всего рекомендуютъ поѣхать на кладбище, — и послѣдовавшій такому совѣту не будетъ раскаиваться.

Выйдя на площадь, гдѣ воздвигнутъ мраморный памятникъ Колумбу, мы сѣли въ трамвай, чтобы ѣхать на кладбище, именуемое здѣсь Campo Santo. Генуя расположена амфитеатромъ на берегу моря, и фундаментъ многихъ домовъ находится на уровнѣ крышъ ниже лежащихъ строеній. Намъ нужно подняться на верхнія улицы; поэтому трамвай пошелъ круто въ гору, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повезъ насъ черезъ темные тоннели. Мы съ любопытствомъ смотримъ въ окна вагона на быстро мѣняющіеся виды.

Передъ нами то великолѣпная картина генуэзской гавани съ безчисленными пароходами у пристаней и синимъ безконечнымъ моремъ, то тѣсная улица, то роскошная вилла, обсаженная лимонными и апельсиновыми деревьями, въ темной листвѣ которыхъ желтѣютъ плоды.

Но вотъ улицы сдѣлались шире и пышнѣе. Мы за городомъ.

Изъ пассажировъ остались только ѣдущіе на кладбище. Трамвай доставилъ насъ къ самымъ воротамъ Campo Santo.

Входимъ внутрь, но кладбища, какъ мы его обычно себѣ представляемъ, не видимъ. Нѣтъ могильныхъ холмовъ съ деревянными крестами, нѣтъ памятниковъ, отгороженныхъ чугунной рѣшеткой. Передъ нами безконечно длинная крытая галерея съ одной стороны съ арками, выходящими въ роскошный садъ. По обѣ стороны галереи цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ мраморныхъ скульптурныхъ произведеній, большинство которыхъ изображаетъ людей въ натуральную величину, ангеловъ, Иисуса Христа. Но вы сразу видите, что всѣ эти скульптурныя произведенія изваяны художниками, а не цеховыми мастерами, какъ то обычно дѣлается. Особый интересъ представляютъ памятники, изображающіе не умершихъ, а жи-

Кладбище въ Генуѣ.

вущихъ еще людей. Вотъ двѣ мраморныя дѣвушки, одна приподнялась на смертномъ одрѣ, а другая стоитъ передъ ней съ печальнымъ лицомъ. Глаза ея и вся поза говорятъ, что она съ сестрой прощается только на нѣкоторое время, а тамъ на небѣ, куда она указываетъ рукой, онѣ, конечно, встрѣтятся.

А вотъ мраморная группа, которая заставляетъ каждого остановиться, такъ она ясна и глубоко трогательна. Осиротѣлая семья: жена и маленькія дѣти стоятъ около монумента умершаго отца. Покойникъ изображенъ не умирающимъ и не больнымъ, а какимъ онъ былъ въ цвѣтѣ силъ. Мать подняла одного сына, и тотъ цѣ-

луеть изображеніе отца. Въ этой печальной сценѣ, однако, не чувствуется могильнаго тлѣнія. Группа дѣтей говоритъ не о смерти, а скорѣе о непрерывности бытія. Духъ умершаго живъ, онъ остался въ дѣтяхъ, которыя пришли съ матерью навѣстить дорогой имъ образъ отца.

Съ глубокимъ чувствомъ удовлетворенія уходишь отъ этой сцены къ другимъ памятникамъ. Надъ прахомъ одного генуэзца поставлена аллегорическая фигура, изображающая смерть; надъ другой могилой изваяна фигура жизни, торжествующей надъ смертью. Но самое сильное впечатлѣніе производитъ мраморное изваяніе, которое по замыслу на первый взглядъ кажется очень простымъ. У надгробной плиты своей жены стоитъ убитый горемъ мужъ. Изображенія умершей нѣтъ, лица мужа также не видно, онъ закрылъ его рукой, но вы прямо чувствуете, что этотъ человѣкъ рыдаетъ. Скульпторъ-художникъ сумѣлъ передать намъ внутренній міръ страдающаго человѣка такъ правдиво, что хочется подойти къ этому мраморному изваянію со словами утѣшенія.

Уходя съ генуэзскаго Campo Santo, невольно вспоминаешь наши безотрадные кладбища, которыя мы обычно стараемся какъ-нибудь обойти, а если и посѣщаемъ, то лишь потому, что тамъ лежитъ прахъ намъ близкихъ и дорогихъ людей, а здѣсь въ Генуѣ мы цѣлыхъ 2 часа бродили среди могилъ чужихъ намъ людей и вынесли столько глубокихъ впечатлѣній. Тутъ воочию убѣждаешься, что истинное искусство способно дѣлать чудеса; оно можетъ превратить мрачный могильный склепъ въ свѣтлый храмъ и пробудить въ душѣ человѣка чувства, о существованіи которыхъ онъ раньше, быть можетъ, даже и не подозрѣвалъ.

ВОЗРОЖДЕНІЕ ВЪ ИТАЛІИ.

М. Корелинъ.

Гуманизмъ или Возрожденіе — такъ называется движеніе, освободившее на Западѣ Европы личность и культуру отъ порабощенія католической церковью и положившее прочное начало новой независимой наукѣ, свѣтской философіи, литературѣ, школѣ и самостоятельному искусству. Оно началось въ Италіи, откуда распространилось по всей Европѣ и было первымъ проявленіемъ въ новой исторіи культурнаго роста личности.

Гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ себѣ самому, къ своему внутреннему міру; во-вторыхъ, интересомъ къ внѣшнему міру, преимущественно къ

человѣку; въ третьихъ, убѣжденіемъ въ высококомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка.

Въ средніе вѣка человѣческая природа считалась, наряду съ внѣшнимъ міромъ и дьяволомъ, источникомъ соблазна и причиною вѣчной гибели. Въ силу этого слѣдуетъ интересоваться только божественнымъ, а не человѣческимъ; умственное развитіе — опасное излишество, которое можетъ повести къ смертному грѣху, т. е. къ дьявольской гордынѣ; отъ міра лучше всего бѣжать за монастырскія стѣны, а съ человѣческими потребностями нужно вести упорную борьбу. Разойдясь такимъ образомъ съ средневѣковыми ученіями, гуманисты должны были искать опоры для своихъ воззрѣній за предѣлами христіанства, которое они знали только въ формѣ католицизма, — и нашли эту опору въ античной литературѣ.

Гуманисты любятъ древность, высоко цѣнятъ ея авторитетъ и стараются у нея учиться; но живой интересъ къ дѣйствительности, пониманіе ея жизненности, силы и важности препятствуютъ слѣпому преклоненію передъ античнымъ прошлымъ.

Классическая древность по временамъ служила опорой для новаго міросозерцанія, а современная дѣйствительность — его регуляторомъ.

Отвергнувъ средневѣковой аскетизмъ, гуманисты попытались выработать новыя *религіозныя воззрѣнія*. Это было самой слабой стороной итальянскаго Возрожденія.

Ранніе гуманисты, какъ Петрарка, Салютати и нѣкоторые другіе, старались примирить свое настроеніе съ церковнымъ ученіемъ; но съ католицизмомъ оно было непримиримо, а ниспровергнуть папство, опираясь на Евангеліе, они не были въ состояніи по недостатку религіознаго одушевленія.

Гораздо смѣлѣе, чѣмъ церковное ученье, отрицали гуманисты средневѣковую философію и ея госпожу — теологію, и въ этой области пытались противопоставить средневѣковому собственное ученье. Петрарка и вообще ранніе гуманисты отрицали метафизику и сводили философію на мораль; но гуманистамъ не удалось создать самостоятельной свѣтской философіи.

Многочисленные трактаты гуманистовъ проникнуты тою мыслию, что человѣкъ по природѣ существо нравственное и что на лучшихъ сторонахъ нашей природы должна быть построена новая этика.

Эта сторона гуманистической нравственности особенно благотворно повліяла на школу. Средневѣковая школа была проникнута аскетическимъ духомъ, что вызвало враждебное отношеніе къ ней

гуманистовъ и ихъ стремленіе противопоставить ей новыя педагогическія требованія; кромѣ того, многіе гуманисты были педагогами по спеціальности. Этимъ объясняется обиліе трактатовъ, которые всѣ проникнуты однимъ духомъ: *воспитаніе должно быть основано на изученіи индивидуальныхъ свойствъ ребенка, должно готовить его къ жизни, а для этого необходимо развивать всѣ хорошія духовныя и физическія стороны его природы.*

Мантуанскій педагогъ Витторино да Фельтре, назвавъ свою школу „радостный домъ“, сдѣлалъ первую и весьма удачную попытку практическаго осуществленія этихъ теорій.

Въ основѣ политическихъ воззрѣній гуманистовъ лежала вѣра въ могущество отдельной личности, въ установленіи общественныхъ порядковъ и наблюденія надъ современной дѣйствительностью.

Вѣра въ личность заставила большинство гуманистовъ предпочитать монархію республикѣ и притомъ монархію абсолютную: происходившая у нихъ на глазахъ внутренняя борьба падающихъ республикъ приводила гуманистовъ къ убѣжденію въ большей жизненности монархіи и внушала презрѣніе къ закону, который одинаково попирается и въ республикахъ, и въ тиранніяхъ.

Исходя изъ своего основнаго воззрѣнія на человѣческую природу, почти всѣ гуманисты, кромѣ венеціанскихъ, не допускаютъ никакой справедливой разницы между людьми, кромѣ различія въ нравственныхъ и умственныхъ свойствахъ, и въ силу этого рѣзко нападаютъ на аристократію; но идея народовластія имъ совершенно чужда: наоборотъ, большинство изъ нихъ относится къ грубой и невѣжественной толпѣ съ открытымъ презрѣніемъ.

Итальянскимъ гуманистамъ не удалось выработать стройной политической системы, если не считать макиавеллизма; тѣмъ не менѣе *ихъ заслуга заключается въ томъ, что ихъ политическіе трактаты въ новое время положили основаніе политикѣ, какъ наукѣ и какъ искусству, а ихъ борьба противъ аристократіи и сословныхъ различій вообще во имя индивидуальныхъ свойствъ представляетъ первую попытку теоретическаго обоснованія политическаго равенства.*

Культурный ростъ личности имѣлъ слѣдствіемъ признаніе важности стремленія человѣка къ знанію — и *Гуманизмъ создалъ самостоятельную и свободную науку.*

Гуманисты отождествляютъ науку съ добродѣтелью и на этомъ основаніи выдѣляютъ себя изъ толпы, а затѣмъ стремленіе къ знанію, какъ одна изъ важнѣйшихъ потребностей человѣчества, признается и само по себѣ за высокое благо.

Сдѣлавшись самостоятельной и свободной, гуманистическая наука, дѣлавшая первые шаги подъ вліяніемъ борьбы съ схоластикой, съ самаго начала носитъ критическій характеръ. Этотъ крити-

цизмъ повелъ къ выработкѣ научныхъ методовъ, при чемъ первую школою послужило здѣсь изученіе классической древности.

Въ виду важности для гуманистовъ античной литературы, ея изученіе сдѣлалось настоящей страстью: собираніе древнихъ рукописей считалось дѣломъ почти государственной важности; государи, республиканскія правительства и частные люди основывали публичныя бібліотеки; знатоки классической латыни и особенно рѣдкіе учителя греческаго языка на расхватъ приглашались городами и частными людьми; ради изученія греческаго языка гуманисты отправлялись въ Византію.

Съ увлеченіемъ изучая форму древнихъ писателей, гуманисты находили главный интересъ въ ихъ содержаніи, которое они критиковали съ разныхъ точекъ зрѣнія. Съ этой эпохи ведутъ начало критическія изданія латинскихъ авторовъ и разнообразныя комментаріи къ нимъ. Наконецъ, гуманисты впервые предъявили строгонаучныя требованія къ переводамъ. Переводы на національный языкъ встрѣчаются рѣдко: но съ самаго начала движенія менѣе доступныя греческіе писатели усердно переводятся на латинскій языкъ.

Чѣмъ ближе касается человѣка извѣстная наука, тѣмъ болѣе занимаетъ она гуманистовъ. Поэтому исторія становится любимымъ предметомъ ихъ научной дѣятельности; но первые гуманисты понимаютъ ее весьма односторонне: исторія для нихъ — агрегатъ біографій, а ея цѣль — воспитаніе индивидуальныхъ добродѣтелей. Вскорѣ однако взглядъ на исторію расширился, ея цѣль стала пониматься глубже: объектомъ исторіи признають не только отдѣльнаго человѣка, но и государство, а ея назидательность видятъ въ замѣнѣ ею политическаго опыта. Предметомъ историческаго изученія становится не только античный міръ, но также средніе вѣка и болѣе близкое прошлое; въ этомъ же направленіи дѣйствовало желаніе меценатовъ прославить прошлое своихъ фамилій и своихъ владѣній.

На юриспруденцію итальянскіе гуманисты имѣли только весьма общее и косвенное вліяніе, и обнаружилось оно значительно позже. Гуманисты непосредственно не интересовались правомъ, ни современнымъ, ни римскимъ. Современные юристы казались имъ обыкновенными схоластиками, и съ ними они вели непрерывную и ожесточенную борьбу; къ законамъ вообще, включая сюда и римскіе, они чувствовали пренебреженіе. Тѣмъ не менѣе ихъ филологическія работы, ихъ историческіе и философскіе интересы, свойственный имъ критицизмъ, который они особенно изоощряли въ политикѣ съ юристами, въ концѣ концовъ благотворно подѣйствовали на развитіе научной юриспруденціи.

Также косвенное, хотя и болѣе непосредственное вліяніе имѣло гуманистическое движеніе на естественныя науки. Уже первые гуманисты обнаруживаютъ любовь къ природѣ и почти религіозное благоговѣніе передъ ея красотами, и эта черта проходитъ черезъ все движеніе; но оно отразилось прежде всего и сильнѣе всего на искусствѣ и на поэзіи; затѣмъ развившаяся страсть къ путешествіямъ повліяла на развитіе географіи; наконецъ, среди самихъ гуманистовъ появляются натуралисты.

На ряду съ философійей и наукой, а иногда даже выше ихъ гуманисты ставили поэзію, въ которой Петрарка и его ближайшіе послѣдователи видѣли моральное назиданіе въ аллегорической формѣ; поэтому всѣ гуманисты называли себя поэтами и весьма многіе изъ нихъ писали стихи.

Петрарка и Боккаччіо не только оказали сильное вліяніе на развитіе итальянскаго стихосложенія и прозы, но измѣнили самое отношеніе къ сюжету.

Интересъ къ человѣку развилъ наблюдательность къ своей и чужой психической жизни; лирика сдѣлалась точнымъ изображеніемъ внутренняго міра человѣка, а въ произведеніяхъ Боккаччіо встрѣчаются первые образцы психологическаго романа.

Гуманисты не оставались только теоретиками, но и практически проводили въ жизнь свои воззрѣнія.

Выходя, по большей части, изъ среднихъ и даже низшихъ классовъ городскаго населенія, они или принимали духовный санъ, чтобы имѣть какіе-нибудь доходы, оставаясь чисто свѣтскими людьми по жизни и убѣжденіямъ, или добивались университетскихъ каедръ, или открывали свои школы, или, чаще и охотнѣе всего, поступали на службу къ частнымъ лицамъ, къ республиканскимъ правительствамъ, государямъ и въ папскую курію. Являясь выразителями назрѣвшихъ общественныхъ потребностей, гуманисты скоро пріобрѣли широкое вліяніе, которымъ они пользовались для распространенія своихъ воззрѣній и вкусовъ. Средствомъ для этого служили публичныя рѣчи, переписка и инвективы (памфлеты).

Уже въ XIV ст. развился обычай сопровождать рѣчами дипломатическія сношенія и всѣ болѣе или менѣе важные акты внутренней жизни государства, что заставляло правительства приглашать на службу гуманистовъ. Позже появляется мода произносить рѣчи на домашнихъ торжествахъ — и гуманистъ являлся въ такихъ случаяхъ или почетнымъ гостемъ, или наемнымъ ораторомъ.

Письма гуманистовъ носятъ иногда характеръ настоящей передовой статьи по политическому вопросу. А чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе, гуманисты прибѣгали къ инвективѣ. Обыкновенно инвективы писались гуманистами другъ противъ друга; но иногда онѣ выходили за предѣлы личныхъ отношеній.

Такимъ образомъ гуманисты *создаютъ новый общественный классъ — свѣтскую интеллигенцію, а ихъ рѣчи, письма и инвективы служатъ органами руководимаго ими общественнаго мнѣнія и являются протипомъ новой публицистики.*

Несмотря на блестящій успѣхъ, гуманистическое движеніе не успѣло приобрести прочной почвы въ Италіи, вслѣдствіе недостатковъ, заключавшихся отчасти въ міросозерцаніи гуманистовъ, отчасти въ ихъ общественномъ положеніи. Совершивъ переворотъ въ воззрѣніяхъ образованнаго общества, гуманизмъ не былъ въ состояніи проникнуть въ массу, не сохранилъ для интеллигенціи связей съ народомъ, заключающихся въ религіи и патріотизмъ, и остался безъ твердыхъ корней на поверхности итальянскаго общества.

Неустойчивость гуманистической морали рѣзко обнаружилась и на самихъ представителяхъ движенія. Реакція противъ аскетизма во имя потребностей человѣческой природы разнуздывала чувственность; стремленіе къ славѣ часто извращалось въ необузданное тщеславіе и самохвальство; развращающее положеніе на службѣ у меценатовъ заставляло кривить душой и писать по заказу. Въ силу всего этого гуманистическое движеніе заглохло въ Италіи къ концу XVI в.; но созданный имъ культурный переворотъ не ограничился родиной гуманизма, а распространился за Альпы.

Движеніе захватило Германію, Англію, Францію, Испанію и даже Польшу, при чемъ въ каждой странѣ оно имѣло мѣстныя особенности.

ВЕЛИКОЕ ИТАЛЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО И КУЛЬТУРНЫЙ УРОВЕНЬ ОБЩЕСТВА.

М. Тэнъ.

Мы приступаемъ къ той славной эпохѣ, которую единогласно **1.** признають самою прекрасной порой итальянскаго творчества и которая, вмѣстѣ съ послѣдней четвертью XV-го вѣка, обнимаетъ тридцать или сорокъ первыхъ лѣтъ XVI-го.

Въ этомъ тѣсномъ, небольшомъ кругу блистають имена превосходныхъ художниковъ: Леонардо да-Винчи, Рафаэля, Микель-Анджело, Тиціана, Корреджіо, и др. Кругъ этотъ рѣзко отграниченъ; переступите его въ ту или другую сторону, — вы встрѣтите или незаконченное еще искусство, или искусство уже испорченное, по сю сторону грани — невыработавшіеся еще искатели, сухіе и

мало гибкіе; по ту сторону — преувеличивающіе ученики или плохіе подражатели.

Сперва искусство только еще прозябало, послѣ оно стало увядать.

Успѣшный ростъ виноградныхъ лозъ связанъ съ особеннымъ родомъ почвы и температуры, такъ же точно непоколебимъ и законъ, управляющій возникновеніемъ великой живописи, и мы смѣло можемъ искать умственного и нравственного состоянія, отъ котораго живопись зависитъ.

Прежде всего надо опредѣлить ее самое, ибо называя живопись общепринятымъ именемъ изящной или классической, мы не обозначаемъ этимъ ея характеристическихъ признаковъ.

Итальянскій живописецъ эпохи Возрожденія избираетъ сюжетомъ своимъ человѣка; деревья, сельскій видъ составляютъ для него только второстепенныя принадлежности, аксессуары. Микель-Анджело, безспорный глава всей этой школы, объявляетъ, что ихъ, какъ забаву, слѣдуетъ предоставить меньшимъ талантамъ, и что истинный предметъ искусства есть человѣческое тѣло.

Художники обращаются къ пейзажамъ только въ эпоху послѣднихъ венеціанцевъ, когда великая живопись уже падаетъ, да и употребляютъ они ихъ только въ качествѣ декораций.

Они предоставляютъ фламандцамъ подражаніе дѣйствительной жизни, предоставляютъ имъ изображать современнаго человѣка въ обычномъ его костюмѣ, среди повседневныхъ его привычекъ, среди его домашней обстановки, на гуляньѣ, на рынкѣ, за столомъ, въ городской думѣ, въ кабацѣ, такого, какимъ видишь его сплошь и рядомъ своими глазами, — дворянина, мѣщанина, крестьянина, съ безчисленными и рѣзкими особенностями его характера, его ремесла и званія. Великіе художники устраняютъ всѣ эти черты, какъ нѣчто пошлое; по мѣрѣ совершенствованія своей живописи, они все болѣе и болѣе избѣгаютъ буквальной точности и положительнаго сходства. Великій шагъ, отдѣляющій окончательное искусство отъ искусства первоначальнаго, и есть именно изобрѣтеніе тѣхъ совершенныхъ формъ, которыя открываются только духовному зрѣнію и которыхъ никогда не увидишь обыкновеннымъ глазомъ.

Отмежеванное такимъ образомъ поле классической живописи должно еще болѣе ограничить. Если въ идеальной личности, которую она избираетъ своимъ центромъ, мы отдѣлимъ мысленно духъ отъ тѣла, то замѣтимъ сейчасъ же, что не духу предоставляетъ она первое мѣсто. Стремленіе поразить и потрясти болѣзненно-возбужденную чувствительность, противно дорогому для нея равновѣсію. Нравственная жизнь не захватываетъ ее въ ущербъ физической; одинъ только живописецъ, преждевременный изобрѣтатель всѣхъ идей и всѣхъ особенностей, интересующихъ новѣйшее время,

только Леонардо да-Винчи, всеобъемлющій и утонченный геній, одинокій и ненасытный искатель новизны, заходитъ въ своихъ прозрѣніяхъ за предѣлы той эпохи и идетъ иногда навстрѣчу нашей. Но для другихъ артистовъ, да часто и для него самого, форма составляетъ цѣль, а не средство; она не подчинена фізіономіи, выразительности, жестамъ, положенію, дѣйствию: задача этихъ художниковъ чисто живописная, а не литературная и не поэтическая. „Для пластическаго искусства — говоритъ Челлини — главное дѣло отлично изобразить нагого мужчину и нагую женщину.“

Художники первой поры Возрожденія создали единственную въ мірѣ породу рослыхъ благородныхъ тѣлъ, благородно же живущихъ. Отъ этой породы произошли въ другихъ странахъ, во Франціи, въ Испаніи, во Фландріи, тѣ идеальныя фигуры, которыми человекъ словно поучаетъ природу, какимъ она должна была создать его и какимъ не создала.

Таково было художественное произведеніе, теперь остается из- II. слѣдовать его средѣ.

Воображеніе итальянца отличается классическимъ характеромъ, подобнымъ характеру древнихъ грековъ и римлянъ: въ доказательство этого мы имѣемъ не только произведенія временъ Возрожденія, скульптуру, зданія и живопись, но и средневѣковую архитектуру и новѣйшую музыку.

Въ средніе вѣка готическая архитектура, распространившаяся по всей Европѣ, проникала въ Италію медленно, и то въ формѣ слабыхъ подражаній: встрѣчаемая въ ней двѣ вполне готическія церкви — одна въ Миланѣ, а другая въ Ассизскомъ монастырѣ — построены иностранными архитекторами. Даже въ эпоху германскаго нашествія, при самомъ сильномъ увлеченіи христіанствомъ, итальянцы строили все въ древнемъ еще стилѣ; возобновивъ этотъ стиль, они сохранили вкусъ къ прочнымъ формамъ, къ сплошнымъ стѣнамъ, къ умѣренному украшенію, къ естественному и ясному освѣщенію, и зданія ихъ составляютъ контрастъ съ грандіозной сложностью, обиліемъ мелкихъ украшеній, скорбнымъ величіемъ и мрачнымъ освѣщеніемъ по ту сторону Альпійскихъ горъ.

Точно также и въ наше время пѣвучая, отчетливо ритмованная музыка итальянцевъ, пріятная даже и въ выраженіи трагическихъ чувствъ, противопоставляетъ свою симметричность, свою округленность, свои каденціи, свой театральныи геній, горделивый, блестящій, ясный и вмѣстѣ ограниченный — нѣмецкой инструментальной музыкѣ, столь грандіозной и свободной, подчасъ столь неопредѣленной, способной съ такимъ совершенствомъ выражать самыя легкія, воздушныя грезы, самыя завѣтныя сердечныя движенія и тѣ недоступныя

тайны мечтательной души, которыми она въ своихъ гаданіяхъ и своихъ уединенныхъ волненіяхъ прозрѣваетъ безконечное и всю прелесть запредѣльнаго заманчиваго „dahin“.

Если мы обратимъ вниманіе на то, какъ итальянцы и вообще народы латинскаго племени понимаютъ любовь, нравственность и религію, если рассмотримъ ихъ литературу, нравы и ихъ взглядъ на жизнь, — мы подмѣтимъ тотъ же самый родъ или складъ воображенія. Отличительная черта его — талантъ и вкусъ къ порядку, стало-быть къ правильности, къ гармонической и строгой формѣ; оно не такъ гибко и проницательно, какъ германское воображеніе, оно болѣе держится внѣшности, нежели идетъ въ глубину. Наружное украшеніе предпочитаетъ оно внутренней правдѣ; оно болѣе расположено къ идолопоклонству, чѣмъ къ религіозности, болѣе живописно и менѣе умозрительно, болѣе опредѣленно и изящно. Оно лучше понимаетъ человѣка, нежели природу, лучше понимаетъ человѣка въ обществѣ, нежели человѣка варвара. Но въ своемъ царствѣ, въ царствѣ формы — оно всемогуще; умы другихъ племенъ кажутся передъ нимъ грубыми и дикими.

Изъ двухъ великихъ народовъ, у которыхъ воображеніе это выразилось самымъ полнымъ образомъ, одинъ французы — болѣе сѣверный, болѣе прозаическій и болѣе общежительный народъ — избралъ своимъ дѣломъ порядокъ чистыхъ идей, т. е. методъ разсужденія и искусство бесѣды; другой, итальянцы — болѣе южный, художественный и болѣе склонный къ образамъ народъ — избралъ своимъ дѣломъ порядокъ чувственныхъ формъ, я хочу сказать: музыку и пластическія искусства.

Этотъ-то врожденный талантъ, встрѣтивъ въ концѣ XV-го столѣтія благоприятныя обстоятельства, произвелъ обильную жатву въ высшей степени художественныхъ произведеній.

Италія въ то время вдругъ или почти вдругъ имѣла не только пять или шесть великихъ живописцевъ необыкновеннаго таланта и выше всѣхъ тѣхъ, какіе появлялись впоследствии: Леонардо да Винчи, Микель Анджело, Рафаэля, Джорджоне, Тиціана, Веронезе, Корреджіо, но еще цѣлую массу знаменитыхъ и превосходныхъ живописцевъ и безчисленное множество другихъ менѣе извѣстныхъ живописцевъ, воспитанныхъ въ томъ же вкусѣ. Сверхъ того, тутъ вы встрѣтите почти столько же отличныхъ ваятелей и зодчихъ. Наконецъ, вокругъ этихъ другихъ художниковъ тѣснится толпа знатоковъ, покровителей, покупателей, а за ними многочисленное общество не только изъ дворянъ и ученыхъ, но и изъ мѣщанъ, ремесленниковъ, монаховъ, простолюдиновъ.

Отсюда понятно, почему произведенія, отмѣченныя именами великихъ художниковъ, возникали подъ непосредственнымъ вліяніемъ симпатіи и пониманія всего окружающаго общества.

Итакъ, на искусство эпохи Возрожденія нельзя смотрѣть, какъ на результатъ счастливой случайности. Едва-ли можно отрицать, что причины такого чуднаго процвѣтанія искусства крылись въ общемъ расположеніи къ нему умовъ, въ изумительной къ нему способности, распространенной во всѣхъ слояхъ народа.

Способность эта — тѣло, а искусство — его отраженіе.

Чтобы человѣкъ могъ не только наслаждаться великой живописью, но и породить ее, прежде всего надо ему быть образованнымъ. III.

Бѣдный, огрубѣлый людъ, весь день не разгибающій спины надъ своимъ полемъ, вожди военныхъ дружинъ, страстные къ охотѣ, обжоры и пьяницы до того еще погружены въ животную жизнь, что имъ не понять изящества формъ и гармоніи красокъ.

Чтобы смотрѣть на картину со смысломъ и удовольствіемъ, необходимо, чтобы человѣкъ вышелъ изъ варварства, изъ-подъ первобытнаго гнета, чтобы, кромѣ упражненія мускуловъ и утоленія животныхъ потребностей, у него явилось желаніе болѣе тонкихъ и благородныхъ наслажденій.

Прежде онъ былъ грубъ, а теперь сталъ вдумчивъ, созерцателенъ. Прежде онъ только жилъ, теперь онъ хочетъ скрасить свою жизнь.

Человѣкъ переходитъ тутъ отъ феодальныхъ нравовъ къ духу новаго времени, и этотъ великій поворотъ совершается въ Италіи ранѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ краяхъ Европы по многимъ причинамъ.

Первая та, что итальянцы одарены необыкновенной тонкостью и быстротою пониманія. Цивилизація какъ будто врождена имъ. Даже въ грубыхъ, необразованныхъ классахъ пониманіе отличается живостью и свободой. Сравните ихъ съ людьми того же званія на сѣверѣ Франціи, въ Германіи, въ Англии: разница выйдетъ безконечная.

Въ Италіи любой трактирный слуга, любой поселянинъ или простой носильщикъ — факкино, — которыхъ вы встрѣтите на улицѣ, умѣютъ разговаривать, понимать, судить; у нихъ есть природное и къ тому же страстное чувство красоты. Только въ этой странѣ вы услышите простолюдина, невольно вскрикивающего передъ какой-нибудь картиной: *O Dio, com'è bello!* Боже, что за прелесть!

И для выраженія этого искренняго, задушевнаго порыва итальянскій языкъ какъ нарочно обладаетъ такой звучностью, такой воисторженностью и такимъ акцентомъ, что сухими французскими словами и не передать всѣхъ впечатлѣній.

Этому столь смышленому народу посчастливилось избѣгнуть *германизациі*, то есть, онъ не былъ раздавленъ и преобразенъ вторженіемъ сѣверныхъ племенъ, наравнѣ съ другими странами Европы. Варвары осѣдали здѣсь только временно или слегка. Поэтому-то, если вы сравните Италію въ XV-мъ вѣкѣ съ другими народами Европы, вы найдете ее гораздо болѣе ученой, болѣе богатой, болѣе образованной, болѣе способной украсить себѣ жизнь, т. е. наслаждаться и производить художественныя созданія. По всей Европѣ феодальные порядки держатся еще въ полной силѣ, и люди, подобно свирѣпымъ и сильнымъ животнымъ, только и дѣлаютъ, что пьютъ, ѣдятъ, дерутся и всячески упражняютъ члены своего тѣла. Напротивъ, Италія — страна почти новой культуры.

Подъ верховенствомъ Медичи во Флоренціи водворился миръ; граждане царятъ въ ней и царятъ спокойно. Подобно главамъ своимъ, Медичи, они фабрикують, занимаются торговлей, банковыми операціями и наживаютъ деньги съ тѣмъ, чтобы издерживать ихъ, какъ подобаетъ умнымъ людямъ. Заботы войны не тревожатъ ихъ болѣе, какъ прежде; они ведутъ ее наемными руками кондотьеровъ, а тѣ, какъ смѣтливые торгаши, обращаютъ войну въ рядъ кавалерійскихъ разъѣздовъ. Если они и убиваютъ другъ друга, то лишь чисто невзначай. Повѣствуется о нѣкоторыхъ сраженіяхъ, гдѣ на полѣ битвы оставалось какихъ-нибудь три солдата, даже иногда всего одинъ.

Дипломатія заступаетъ мѣсто силы. „Итальянскіе правители, говоритъ Макіавели, думаютъ, что достоинство государя состоитъ въ умѣнии оцѣнить любую остроумную отповѣдь въ писателѣ, сочинить отличное письмо, обнаружить въ своихъ рѣчахъ живость и утонченность.“ Правители становятся знатоками, начитанными, любителями ученыхъ бесѣдъ.

Впервые послѣ паденія древней цивилизаціи мы встрѣчаемъ общество, дающее первое мѣсто умственнымъ наслажденіямъ. Видными передовыми людьми этого времени становятся гуманисты. Они не составляютъ уже маленькой, безвѣстной кучки, замкнутой въ библіотекахъ, удаленной отъ общественной благосклонности. Напротивъ, имя гуманиста достаточно теперь для того, чтобы вызвать къ человѣку вниманіе и благодѣяніе государей.

Князья торговли и владѣтельныя особы окружаютъ себя философами, художниками и учеными для того, чтобы бесѣдовать съ ними изящнымъ языкомъ, безъ этикета и чиновочитаній, съ тѣмъ привѣтливимъ и благороднымъ любопытствомъ, которое, расширяя и украшая науку, преобразуетъ удушливую замкнутость схоластическихъ преній въ широкое празднество мыслящихъ людей.

Народный языкъ, почти совершенно забытый, создаетъ теперь новую литературу. Лаврентій Медичи, главный банкиръ и первый

сановникъ въ городѣ, является и первымъ изъ новыхъ итальянскихъ поэтовъ.

Въ то время безъ поэзіи не обходилось ни полного праздника, ни хорошаго обѣда. Однажды папа Левъ X далъ 500 червонцевъ поэту Тебалдео за эпиграмму, которая ему понравилась. Въ Римѣ другой поэтъ, Бернардо Акколти, до того былъ любимъ всѣми, что когда у него назначалось публичное чтеніе, всѣ лавки затворялись, и все стекалось слушать его. Онъ читалъ въ большой залѣ при свѣтѣ факеловъ. Тутъ бывали даже прелаты, окруженные стражею изъ швейцарцевъ. Его называли *единственнымъ*.

Итакъ, вотъ умственная культура, утонченная и всеобщая, вновь появляющаяся въ Италіи одновременно съ новымъ искусствомъ.

Есть книга этого времени: „Il Cortegiano“ графа Кастиліоне, изображающая кавалера и даму, т. е. двухъ такихъ лицъ, которыхъ современники могли считать для себя образцомъ.

Посмотрите-ка, что требовалось тогда отъ человѣка хорошо воспитаннаго — какая утонченность, какой тактъ, какое разнообразіе знаній!

„Я хочу, пишетъ графъ, чтобы нашъ придворный былъ болѣе чѣмъ посредственно знакомъ съ литературою; по крайней мѣрѣ съ той, которая называется изящной, и чтобы онъ зналъ не только латинскій языкъ, но еще и греческій; чтобы онъ хорошо зналъ поэтовъ, а равно ораторовъ и историковъ и, что важнѣе всего, умѣлъ бы самъ хорошо писать стихами и прозой, главнымъ образомъ на простонародномъ нарѣчій.

Я не буду доволенъ нашимъ кавалеромъ, если онъ еще не музыкантъ, ибо кромѣ развлеченія послѣ работъ, какое музыка доставляетъ каждому, она часто служитъ средствомъ потѣшить дамъ.

Есть еще одна вещь, которой я придаю большую важность, и нашъ кавалеръ не долженъ оставлять ее безъ вниманія: это умѣніе рисовать и знаніе живописи.“

Лицо его должно быть, покойно, какъ у испанца. Онъ долженъ быть опрятенъ и тщателенъ въ одеждѣ; вкусъ его въ этомъ долженъ быть мужской, а не женскій, онъ долженъ предпочитать черный цвѣтъ, какъ признакъ болѣе серьезнаго и положительнаго характера.

Ему слѣдуетъ избѣгать грубыхъ выходокъ, грязныхъ выраженій, словъ, которыя могутъ ввести въ краску дамъ. Желательно, чтобы онъ умѣлъ при случаѣ и пошутить, рассказать какую-нибудь забавную исторію, но не выходя изъ границъ приличій.

Лучшее правило, какое можно ему дать, состоитъ въ томъ, чтобы онъ всегда управлялъ своими поступками, „имѣя въ виду понравиться благовоспитанной дамѣ.“

„Дама, живущая при дворѣ, прежде всегда должна обладать

извѣстнаго рода привѣтливой любезностью, благодаря которой она умѣла бы граціозно бесѣдовать съ каждымъ въ выраженіяхъ пріятныхъ, вполнѣ приличныхъ и соотвѣтственныхъ времени, мѣсту и званію лица, съ кѣмъ говорить.

Она должна быть спокойна и скромна въ своихъ пріемахъ, должна соразмѣрять свои поступки съ приличіемъ; но имѣть при этомъ живость ума, которая бы удаляла ее отъ всего тяжелаго, и вмѣстѣ съ этимъ, ту особенную доброту, которая заставляла бы уважать въ ней женщину столько же осторожную, стыдливую и кроткую, сколько любезную, разсудительную и тонкую.

Она должна знать литературу, музыку, живопись, умѣть хорошо танцовать и вести бесѣду.

Если теперь припомните портреты того времени, находящіеся въ Луврѣ, — блѣдныхъ и задумчивыхъ венеціанцевъ, одѣтыхъ въ черное, пламеннаго и однакожъ неподвижнаго молодого человѣка, писаннаго Франціей, нѣжную Иоанну Неаполитанскую съ ея лебединой шеей, юношу со статуэткой, всѣ эти умныя и вмѣстѣ спокойныя лица, всѣ эти богатые и строгія при этомъ одѣянія, — вы, быть можетъ, составите себѣ нѣкоторое понятіе объ изысканной утонченности, обильныхъ дарованіяхъ и превосходной культурѣ общества, которое за три столѣтія до насъ ворочало идеями, понимало красоту и знало правила свѣтской жизни не хуже, а пожалуй и лучше нашего.

ВЪ РИМСКОМЪ ЦИРКѢ.

Л. Сенкевичъ.

Крики: „христіанъ на арену!“ раздавались во всѣхъ частяхъ города.

Неронъ желалъ потопить воспоминаніе о пожарѣ въ крови и упоить ею Римъ, и никогда разливъ этой крови не общалъ быть такимъ великолѣпнымъ.

Прежде, чѣмъ Флавіи воздвигли Колизей, амфитеатры въ Римѣ преимущественно строились изъ дерева, — они всѣ и сгорѣли во время пожара. Неронъ, для обѣщанныхъ имъ игрищъ, приказалъ построить нѣсколько новыхъ амфитеатровъ, въ томъ числѣ одинъ гигантскихъ размѣровъ. Для постройки его, тотчасъ послѣ конца пожара, начали по морю и по Тибру свозить огромныя деревья изъ лѣсовъ Атласа. Такъ какъ игрища великолѣпіемъ и числомъ жертвъ должны были превзойти всѣ предыдущія, то явилась надобность въ

болѣе обширномъ помѣщеніи для людей и для звѣрей. Тысячи плотниковъ день и ночь строили и украшали новыя зданія. Въ народѣ шли толки о какихъ-то необыкновенныхъ колоннахъ, украшенныхъ бронзою, янтаремъ, слоновою костью и черепахой. Каналы, бѣгущіе вдоль сидѣній и наполненные ледяною водою съ горъ, должны были поддерживать прохладу даже во время самаго сильнаго зноя. Огромный пурпурный *velarium**) прекращалъ доступъ солнечныхъ лучей. Въ проходахъ были кадилницы, для сжиганія арабскихъ куреній, вверху — снаряды, при помощи которыхъ можно было окроплять зрителей шафранною водою и вервеной. Знаменитые архитекторы, Северъ и Целеръ, напрягали всѣ свои знанія, чтобы создать амфитеатръ небывалый и вмѣстѣ съ тѣмъ могущій вмѣстить такое число зрителей, какое не вмѣщало еще ни одинъ амфитеатръ.

И вотъ, въ тотъ день, когда долженъ былъ начаться „*ludus matutinus*“, толпы черни съ разсвѣта ожидали открытія воротъ и съ наслажденіемъ прислушивались къ рычанію львовъ, хриплымъ голосамъ пантеръ и вою собакъ. Звѣрей не кормили вотъ уже два дня, но этого мало: мимо нихъ проносили окровавленные куски мяса чтобы тѣмъ болѣе возбудить ихъ бѣшенство и голодь. Отъ времени до времени раздражалась такая буря дикихъ голосовъ, что люди, стоящіе возлѣ цирка, не могли разговаривать, а болѣе впечатлительные блѣднѣли отъ страха.

Съ восходомъ солнца изъ цирка слышались пѣсни громкія, но спокойныя, и толпа прислушивалась къ нимъ съ изумленіемъ. „Христіане, христіане!“ Дѣйствительно, христіанъ во множествѣ пригнали ночью въ амфитеатръ и не изъ одной только темницы, какъ предполагалось раньше, но изо всѣхъ понемногу. Римляне знали, что зрѣлища продлятся цѣлыя недѣли и мѣсяцы, но спорили другъ съ другомъ о томъ, справятся ли въ одинъ день съ христіанами, предназначенными для этого дня. Голоса мужчинъ, женщинъ и дѣтей, поющихъ утреннюю молитву, были такъ многочисленны, что знатоки утверждали, что если будутъ на арену посылать сразу по сту, по двѣсти человекъ, звѣри утомятся, насытятся и не успѣютъ разорвать всѣхъ до вечера. Другіе утверждали, что большое число жертвъ, выступающихъ на арену, развлекаетъ вниманіе и не позволяетъ любоваться зрѣлищемъ, какъ слѣдуетъ. По мѣрѣ того, какъ приближалось время открытія *vomitorіевъ*, — коридоровъ, ведущихъ внутрь зданія, — толпа оживилась, повеселѣла и заспорила о тысячѣ вещей, касающихся зрѣлища. Начали образовываться партіи: одни утверждали, что людей лучше всего разрываютъ львы, другіе стояли за тигровъ. Здѣсь и тамъ

*) Такъ какъ мѣста для зрителей въ римскомъ театрѣ и амфитеатрѣ были подъ открытымъ небомъ, то для защиты зрителей отъ дождя и солнца надъ мѣстами натягивали большіе пологи или занавѣси — *velarium*.

стали биться объ закладъ. А были и такіе, что разсуждали только о гладіаторахъ, которые должны были выступить раньше христіанъ, и мнѣнія опять дѣлились то за самнитовъ, то за галловъ, то за мирмиллоновъ, то за еракійцевъ, то за ретіаріевъ *).

Еще раннимъ утромъ отряды гладіаторовъ, подъ предводительствомъ ихъ учителей — ланистовъ, начали стекаться въ амфитеатръ. Не желая себя утомлять раньше времени, они шли безъ оружія, иногда совершенно нагіе, иногда съ зелеными вѣтвями въ рукахъ или украшенные цвѣтами, молодые, прекрасные, полные жизни. Ихъ тѣло, натертое масломъ, мускулистое, какъ бы изваянное изъ мрамора, приводило въ восторгъ народъ, поклоняющійся красотѣ формъ. Многіе были извѣстны толпѣ. То и дѣло раздавались крики: „Здравствуй, Фурній! здравствуй, Леонъ! здравствуй, Максимъ! здравствуй, Діомедъ!“ . . . Но новые отряды привлекали въ свою сторону вниманіе толпы. За гладіаторами шли мастигифоры, то-есть люди, вооруженные плетью, на обязанности которыхъ лежало бичевать борющихся и приводить ихъ въ большую ярость. Затѣмъ мулы тащили по направленію къ „сполиарію“ цѣлые ряды телѣгъ съ деревянными гробами. При видѣ ихъ народъ радовался и по числу ихъ заключалъ о размѣрахъ зрѣлища. Потомъ слѣдовали люди, которые должны были добывать раненыхъ, наряженные или Харономъ, или Меркуріемъ, охранители порядка въ циркѣ, невольники, на долю которыхъ выпала обязанность разносить яства и напитки зрителямъ, наконецъ, преторіанцы, которыхъ всякій цезарь постоянно держалъ подъ рукою въ амфитеатрѣ.

Наконецъ, vomitorіи были открыты, и толпа хлынула внутрь цирка. Собравшихся было такое множество, что они текли и текли въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; нужно было удивляться, что амфитеатръ въ состояніи поглотить такое число людей. Рычаніе звѣрей, почуявшихъ испаренія человѣческихъ тѣлъ, еще болѣе усилилось. Занимая мѣста, толпа шумѣла, какъ волна во время бури.

Наконецъ, прибылъ префектъ города, окруженный вигилами, а вслѣдъ за нимъ непрерывною цѣпью потянулись носилки сенаторовъ, консуловъ, преторовъ, эдиловъ, правительственныхъ и дворцовыхъ чиновниковъ, патриціевъ и изящныхъ женщинъ. Одни носилки сопровождали ликторы съ пучками розогъ въ рукахъ, другіе были окружены толпою невольниковъ. Подъ солнечными лучами сверкала позолота носилокъ, бѣлыя и цвѣтныя платья, серьги, драгоценныя каменья и сталь топоровъ. Изъ цирка доносились крики,

*) Разнаго рода гладіаторы, отличавшіеся между собою вооруженіемъ и способами сраженія. Такъ, *retiarii* не имѣли ни шлемовъ, ни другого оборонительнаго оружія, а вмѣсто наступательнаго оружія — сѣть, которую они накидывали на противника, легкій трезубецъ и малый мечъ.

которыми народъ привѣтствовалъ особенно сильныхъ царедворцевъ. Преторіанцы все еще прибывали маленькими отрядами.

Жрецы изъ различныхъ храмовъ явились нѣсколько позднѣе, а за ними принесли великую дѣву Весты, которой предшествовали ликторы. Для начала зрѣлища недоставало только цезаря, который, не желая томить народъ долгимъ ожиданіемъ и рассчитывая привлечь его къ себѣ своею поспѣшностью, прибылъ тотчасъ же, вмѣстѣ съ августою и августіанами.

Но что за великолѣпный амфитеатръ!

Дѣйствительно, зрѣлище было великолѣпное. Нижнія скамьи, занятыя мужами въ тогахъ, бѣлѣли какъ снѣгъ. Въ раззолоченномъ *podium* *) сидѣлъ цезарь въ брилліантовомъ ожерельѣ, съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ, рядомъ съ нимъ — прекрасная и угрюмая августа, а по сторонамъ ихъ весталки, высшіе сановники, сенаторы въ плащахъ, обшитыхъ пурпуромъ, воины въ блестящихъ латахъ, — словомъ, все, что въ Римѣ было сильно, блестяще и богато. Дальнѣйшіе ряды были заняты воинами, а выше чернѣло море человѣческихъ головъ, надъ которымъ отъ столба до столба свѣшивались гирлянды, сплетенныя изъ розъ, лилій, плюща и виноградныхъ листьевъ.

Народъ разговаривалъ громко, распѣвалъ пѣсни, иногда раздражался хохотомъ при какомъ-нибудь остроумномъ словѣ, которое переходило изъ ряда въ рядъ, и нетерпѣливо стучалъ ногами, чтобъ ускорить начало зрѣлища.

Наконецъ, топотъ дошелъ до крайности. Тогда городской префектъ, который еще раньше съ блестящею свитой объѣхалъ арену, далъ знакъ платкомъ, и весь амфитеатръ потрясся отъ дружнаго крика.

Обыкновенно зрѣлища открывались охотою на дикихъ звѣрей, въ которой показывали свое искусство сѣверные и южные варвары, но на этотъ разъ звѣрей и такъ было черезчуръ много, и поэтому дѣло началось съ андабатовъ **), то-есть съ людей, носящихъ шлемы безъ отверстій для глазъ и поэтому разсыпающихъ свои удары наудачу. Нѣсколько андабатовъ, выйдя на арену, начали размахивать мечами въ воздухѣ, а мастигифоры, при помощи длинныхъ виль, подвигали ихъ другъ къ другу. Болѣе избалованные зрители равнодушно, чуть не съ презрѣніемъ смотрѣли на это, но народъ забавлялся неловкими движеніями андабатовъ, а когда имъ приходилось

*) Арену амфитеатра окружала довольно высокая, гладко отполированная каменная стѣна, для безопасности зрителей отъ нападеній дикихъ звѣрей, выпускаемыхъ на арену. Эта стѣна служила основаніемъ галереѣ — *podium* — на которой находились мѣста для императора, весталокъ, высшихъ сановниковъ и другихъ почетныхъ лицъ.

**) *Andabatae* -- особый родъ гладіаторовъ.

сталкиваться спинами, разражался громкимъ хохотомъ и кричалъ „вправо!“ „влѣво!“ „прямо!“ Нѣсколько паръ, однако, сцѣпились и борьба начинала становиться кровавою. Разъяренные борцы бросали щиты, подавали другъ другу лѣвую руку, чтобы не разлучаться больше, и бились на смерть. Кто падалъ, поднималъ палецъ кверху, вымаливая снисхожденія, но при началѣ зрѣлища народъ обыкновенно добивался смерти раненыхъ, лица которыхъ никто не могъ различить подъ ихъ шлемомъ. Число борющихся становилось все меньше и меньше, наконецъ, когда осталось только двое, ихъ столкнули такъ, что они упали на песокъ и закололи другъ друга. При крикахъ народа „peractum est!“ слуги убрали труны, мальчики заровняли кровавые слѣды на аренѣ и посыпали ее листьями шафрана.

Теперь дошла очередь болѣе важнаго состязанія, возбуждающаго любопытство не только толпы, но и людей съ тонкимъ вкусомъ. Обыкновенно при такихъ случаяхъ молодые патриціи бились объ закладъ на огромныя суммы и часто проигрывались до нитки. Изъ рукъ въ руки начали уже переходить дощечки, — на нихъ начертывались имена гладиаторовъ, а также количество сестерцій, которыя какой-нибудь патрицій ставилъ на своего избранника. „Spectati“, то-есть борцы, которые уже выступали на арену и одерживали побѣды, находили больше сторонниковъ, но между играющими были и такіе, что ставили значительныя суммы на новыхъ, никому неизвѣстныхъ гладиаторовъ, — если они побѣдятъ, то держащій за нихъ оставался въ огромномъ выигрышѣ. Бились объ закладъ и самъ цезарь, и жрецы, и весталки, и сенаторы, и воины, и народъ. У кого не хватало денегъ, тотъ часто ставилъ свою собственную свободу. Толпа съ біеніемъ сердца и тревогой ожидала появленія борцовъ, иные громко обѣщали принести жертву богамъ, чтобы привлечь ихъ благоволеніе на своего избранника.

Раздался оглушительный звукъ трубъ; въ амфитеатрѣ все смолкло. Тысячи глазъ обратились на огромныя засовы, къ которымъ приблизился человѣкъ, одѣтый Харономъ и, среди всеобщаго молчанія, три раза стукнулъ въ нихъ молотомъ, какъ бы вызывая на смерть людей, находящихся за этими засовами. Обѣ половины воротъ медленно отворились, показывая свою черную пасть, изъ которой на яркоосвѣщенную арену начали появляться гладиаторы. Шли они отрядами, по двадцати-пяти человѣкъ, еракійцы, мирмиллоны, самниты, галлы, — всѣ отдѣльно, всѣ тяжело вооруженные. Наконецъ, появились ретиаріи, съ сѣтью въ одной рукѣ, съ трезубцемъ въ другой. Послышались одиночныя рукоплесканія, которыя вскорѣ слились въ оглушительную бурю. Сверху до низу были видны разгорѣвшіяся лица и открытыя уста, изъ которыхъ вырывались крики. Гладиаторы обошли всю арену ровнымъ и твердымъ

шагомъ, сверкая оружіемъ и богатыми латами, потомъ остановились у „подія“ цезаря, гордые, спокойные, блестящіе. Пронзительный голосъ рога укротилъ рукоплесканія; тогда гладіаторы протянули кверху правую руку и, поднимая глаза къ цезарю, закричали, или, вѣрнѣе, заплѣли протяжными голосами:

„Ave, caesar imperator!
Morituri te salutant!“*)

Потомъ они быстро разошлись и заняли свои мѣста на аренѣ.

Они должны были нападать другъ на друга цѣлыми отрядами, но сначала знаменитымъ борцамъ былъ дозволенъ рядъ отдѣльныхъ состязаній, въ которыхъ лучше выказывались ихъ сила, ловкость и отвага. Изъ отряда „галловъ“ выдѣлился гладіаторъ, знакомый любителямъ амфитеатра подъ именемъ „Мясника“ (Lanio), побѣдитель на многихъ игрищахъ. Въ большомъ шлемѣ и панцырѣ, который заковывалъ спереди и сзади его могучій станъ, онъ, на фонѣ желтой арены, казался какимъ-то огромнымъ, блестящимъ жукомъ. Не менѣе славный ретиарій, Календіонъ, выступилъ противъ него.

Между зрителями пошли заклады.

— Пятьсотъ сестерцій за галла!

— Пятьсотъ за Календіона!

— Клянусь Геркулесомъ! Тысячу!

— Двѣ тысячи!

Тѣмъ временемъ галлъ, дойдя до середины арены, началъ отступать назадъ съ наставленнымъ мечомъ и, наклоня голову, внимательно слѣдилъ сквозь отверстія забрала за движеніями противника, а ретиарій, легкій, съ пластическими формами, совершенно голый, за исключеніемъ повязки вокругъ бедеръ, быстро носился вокругъ своего тяжелаго врага, изящно махая сѣтью, и распѣвалъ обычную пѣсню ретиаріевъ:

„Non te peto, piscem peto,
Quid me fugis, Galle!**).

Но галлъ не бѣжалъ; онъ остановился и началъ незамѣтно поворачиваться на мѣстѣ, чтобы всегда имѣть врага передъ собою. Въ его фигурѣ и уродливо большой головѣ теперь было что-то страшное. Зрители хорошо понимали, что эта тяжелая, закованная въ мѣдь масса готовится къ неожиданному прыжку, который можетъ положить конецъ борьбѣ. Тѣмъ временемъ ретиарій то подскакивалъ къ нему, то отпрыгивалъ назадъ, такъ быстро размахивая своими тройными вилами, что человѣческій взглядъ съ трудомъ могъ слѣдить за ними. Звукъ трезубца о щитъ раздавался не одинъ разъ, но галлъ не пошатнулся, — настолько велика была его сила. Каза-

*) „Здравствуй, цезарь императоръ! люди, приготовившіеся къ смерти, тебя привѣтствуютъ!“

***) Я не тебя ловлю; я ловлю рыбу; что ты бѣжишь отъ меня галлъ!

лось, все его вниманіе сосредоточивается не на трезубцѣ, а на сѣти, которая постоянно кружилась надъ его головою, какъ зловѣщая птица. Зрители, задерживая духъ въ груди, слѣдили за мастерской игрой гладиаторовъ. Ланіонъ, воспользовавшись удобною минутой, наконецъ, ринулся на противника, но тотъ съ одинаковою ловкостью проскользнулъ подъ его мечомъ и поднятою рукой, выпрямился и бросилъ сѣть.

Галлъ, повернувшись на мѣстѣ, отбросилъ сѣть щитомъ, потомъ оба соперники разошлись въ разныя стороны. Въ амфитеатрѣ загремѣли крики: „macte“! — въ нижнихъ рядахъ составлялись новые заклады. Самъ цезарь, который разговаривалъ съ весталкой Рубріей и не обращалъ до сихъ поръ особеннаго вниманія на зрѣлище, теперь повернулъ голову къ аренѣ.

Гладиаторы снова начали бороться такъ ловко, съ такимъ знаніемъ дѣла, что по временамъ казалось, будто рѣчь идетъ не о жизни и смерти, а только о томъ, какъ бы лучше выказать свое искусство. Ланіонъ еще два раза увернулся отъ сѣти и снова началъ пятиться къ концу арены. Тогда зрители, держащіе противъ него и не желающіе дать ему перевести духъ, начали кричать: „Нападай!“ Галлъ послушался и напалъ. Плечо ретиарія обагрилось кровью, сѣть повисла въ его рукѣ. Ланіонъ съежился и прыгнулъ, намѣреваясь нанести послѣдній ударъ. Но въ эту минуту Календіонъ, который нарочно притворился, что не можетъ владѣть сѣтью, перегнулся на бокъ, избѣжалъ удара меча и, просунувъ трезубецъ между колѣнъ своего противника, повалилъ его наземь.

Ланіонъ хотѣлъ встать, но его во мгновеніе ока опутали роковые шнуры, которые съ каждымъ движеніемъ все сильнѣе и сильнѣе обвивались вокругъ его рукъ и ногъ. А удары трезубца съ неслыханною быстротой пригвождали его къ землѣ. Онъ еще разъ собралъ всѣ усилія, оперся на руки, напрягся, чтобъ встать, — напрасно! Ланіонъ поднялъ къ головѣ безоружную руку и упалъ на взничъ. Календіонъ зубцами своихъ вилъ притиснулъ его шею къ землѣ, оперся обѣими руками на древко и повернулся въ сторону ложи цезаря.

Весь циркъ затрясся отъ рукоплесканій и рева людскихъ головъ. Для тѣхъ, кто держалъ за Календіона, онъ въ настоящую минуту былъ — больше цезаря, но поэтому они и пылали ненавистью противъ Ланіона, который цѣною собственной крови долженъ былъ наполнить ихъ кошельки. Желанія народа раздвоились. Половина желала смерти Ланіона, другая требовала его помилованія, но ретиарій смотрѣлъ только на ложу цезаря и весталокъ и ждалъ рѣшенія.

Къ несчастью, Неронъ не любилъ Ланіона. На предыдущихъ играхъ онъ держалъ противъ него и проигралъ большую сумму де-

негъ. Цезарь протянулъ руку изъ подія и обратилъ большой палецъ къ землѣ.

Весталки тотчасъ же повторили этотъ знакъ. Тогда Календіонъ сталъ колѣномъ на грудь галла, вынулъ изъ-за пояса короткій ножъ и, отстранивъ панцырь отъ шеи противника, вонзилъ ему въ горло по рукоять трехгранное остріе.

— *Peractum est!* — раздались голоса въ амфитеатрѣ.

Ланіонъ вздрогнулъ, какъ зарѣзанный быкъ, ноги его судорожно взрывали песокъ, потомъ онъ выпрямился и остался неподвижнымъ.

Меркурію не нужно было прижигать его раскаленнымъ желѣзомъ и удостовѣряться, живъ ли онъ еще. Галла вытащили вонъ. Появились другія пары, и только послѣ нихъ началось состязаніе цѣлыхъ отрядовъ. Народъ принималъ въ немъ участіе душой, сердцемъ и глазами, вылъ, рычалъ, свисталъ, рукоплескалъ, смѣялся, ободрялъ состязающихся, приходилъ въ безуміе. На аренѣ два отряда гладиаторовъ бились съ яростью дикихъ звѣрей, — грудь ударялась о грудь, тѣла сплетались въ смертельныхъ объятіяхъ, кости трещали, мечи пронзали груди, побѣлѣвшія губы обагрjali песокъ потоками крови. Нѣсколькими новичками подъ конецъ овладѣла такая страшная тревога, что они вырвались изъ свалки и хотѣли бѣжать, но мастигифоры вновь загнали ихъ въ толпу палками со свинцовымъ набалдашникомъ. На песокѣ образовались большія темныя пятна, обнаженные и одѣтыя тѣла цѣлыми кучами валялись тамъ и здѣсь. Живые бились на трупахъ, спотыкались объ оружіе, о щиты, разбивали въ кровь ноги о поломанное оружіе и падали. Народъ былъ внѣ себя отъ восторга, упивался смертью, дышалъ ею, наслаждался ея зрѣлищемъ и съ восторгомъ вбиралъ въ грудь ея испаренія.

Побѣжденные полегли почти всѣ, лишь нѣсколько раненыхъ пали на колѣна по срединѣ арены и простирали къ зрителямъ руки съ мольбой о пощадѣ. Побѣдителямъ раздали награды, вѣнки, вѣтви оливы, — наступила минута отдыха, которая, по повелѣнію всемогущаго цезаря, обратилась въ пиръ. Въ вазахъ задымились благоуханія; особые невольники окропляли народъ шафранной и фіалковою водой. Повсюду разносили жареное мясо, пирожное, вино и плоды. Народъ пожиралъ все это, разговаривалъ и поднималъ возгласы въ честь цезаря, чтобы склонить его этимъ къ еще большей щедрости. И дѣйствительно, когда голодъ и жажда были утолены, сотни невольниковъ вынесли корзинки съ подарками, а мальчики, одѣтые амурами, вынимали оттуда различныя вещи и обѣими руками бросали ихъ зрителямъ. При раздачѣ лотерейныхъ „тессеръ“ среди скамей образовалась свалка; народъ тѣснился, давилъ другъ друга, перескакивалъ черезъ скамьи. Кто получалъ счастливый би-

летъ, тотъ могъ выиграть домъ съ садомъ, невольника, великолѣпную одежду или какого-нибудь рѣдкостнаго дикаго звѣря, котораго впослѣдствіи могъ продать въ амфитеатръ. Происходили такія сцены, что преторіанцы часто принуждены были прибѣгать къ силѣ.

Тѣмъ временемъ трубы дали знать, что перерывъ оконченъ, и зрѣлище возобновится. Народъ началъ расходиться изъ проходовъ, куда собрался, чтобы размять ноги и поболтать. Опять пошли обычные ссоры изъ-за мѣстъ, но шумъ мало-по-малу утихалъ, и амфитеатръ приходилъ въ порядокъ. На аренѣ появились прислужники и начали разбивать песокъ, кое-гдѣ слипшійся комками.

Приходила очередь христіанъ. Такъ какъ для народа предстоящее зрѣлище являлось новостью, никто не зналъ, какъ христіане будутъ держать себя, и ихъ ждали съ любопытствомъ. Ожидалось что-то необычайное, — настроеніе толпы было сосредоточенное, но непріязненное къ христіанамъ. Какъ бы то ни было, люди, которые должны появиться сейчасъ, сожгли Римъ и его собранныя вѣнками сокровища. Они питались кровью дѣтей, отравляли источники, проклинали весь человѣческій родъ и совершали самыя омерзительныя преступленія. Пробужденной ненависти недостаточно было самыхъ суровыхъ каръ, и если какое-нибудь опасеніе стѣсняло сердце народа, то только опасеніе, будутъ ли мученія равняться преступленіямъ осужденныхъ.

Солнце поднялось высоко, и лучи его, проходя сквозь пурпуровый „velarium“, залили амфитеатръ кровавымъ свѣтомъ. Песокъ принялъ огненную окраску, и въ этомъ освѣщеніи, и въ лицахъ зрителей, и въ огромной пустой аренѣ, которая вскорѣ должна была сдѣлаться свидѣтельницей человѣческой муки и свирѣпости людей, было что-то страшное. Казалось, что въ воздухѣ носятся страхъ и смерть. Толпа, обыкновенно веселая, подъ вліяніемъ ненависти, закаменѣла въ молчаніи. Лица всѣхъ носили отпечатокъ ожесточенія.

Префектъ далъ знакъ. Появился тотъ самый старикъ, одѣтый Харономъ, который призывалъ на смерть гладиаторовъ, медленными шагами прошелъ черезъ всю арену и, среди глухой тишины, снова трижды стукнулъ молотомъ въ двери.

По амфитеатру пронесся ропотъ:

— Христіане!... христіане!...

Желѣзныя рѣшетчатыя двери скрипнули; изъ темной пасти подземелья послышались обычные крики мастигаторовъ: „На песокъ!“ Арена въ одну минуту наполнилась какими-то силванами, покрытыми звѣринными шкурами. Всѣ бѣжали скоро, лихорадочно и, добѣжавъ до середины круга, падали на колѣна, одинъ возлѣ другого, съ руками, поднятыми кверху. Зрители думали, что это — мольба о помилованіи, и, взбѣшенные такою трусостью, начали стучать ногами, свистать, бросать пустыми сосудами изъ-подъ вина, обгрызанными

костями и рычать: „Звѣрей, звѣрей!“... Но вдругъ произошло что-то неожиданное. Изъ середины косматого сборища послышались поющие голоса; загремѣла пѣснь, которую въ первый разъ слышали въ римскомъ циркѣ:

„Christus regnat!...“ *)

Тогда римлянъ охватило изумленіе. Осужденные пѣли съ глазами, поднятыми къ веларію. Лица ихъ были блѣдны, но вдохновенны. Амфитеатръ понялъ, что эти люди просятъ не о снисхожденіи и, казалось, не видятъ ни цирка, ни народа, ни сената, ни цезаря. „Christus regnat!“ — раздавалось все громче, а на скамьяхъ, отъ низу до самаго верха, не одинъ человѣкъ задавалъ себѣ вопросъ: что такое происходитъ, и кто этотъ „Christus“, который царствуетъ на устахъ людей, долженствующихъ умереть такъ скоро? Но въ это время открылась новая рѣшетка, и на арену, дикими прыжками, съ лаемъ, высыпала цѣлая стая собакъ, свѣтложелтыхъ огромныхъ молоссовъ изъ Пелопоннеса, полосатыхъ пиренейскихъ псовъ и похожихъ на волковъ овчарокъ изъ Гиберніи, со впалыми боками и налитыми кровью глазами. Вой и визгъ наполняли весь амфитеатръ. Христіане, окончивъ свою пѣснь, неподвижно, точно окаменѣлые, оставались на кодѣняхъ и только повторяли хоромъ: „Pro Christo, pro Christo!“ Собаки, почуявъ людей подъ звѣриными шкурами и удивленные ихъ неподвижностью, не смѣли сразу броситься на нихъ. Одни карабкались на загородки ложъ, какъ будто хотѣли проникнуть къ зрителямъ, другія съ отчаяннымъ лаемъ бѣгали кругомъ, какъ будто преслѣдовали какого-то невидимаго звѣря. Зрители начали негодовать. Загремѣли тысячи голосовъ; одни изъ зрителей подражали рычанію звѣрей, другіе лаяли, какъ собаки. Весь амфитеатръ дрожалъ отъ крика. Раздразненные собаки начали то подбираться къ христіанамъ, то отступать назадъ; наконецъ, одинъ изъ молоссовъ впился зубами въ затылокъ стоящей впереди женщины и подмялъ ее подъ себя.

Тогда десятки собакъ, словно черезъ пробоину, бросились въ толпу христіанъ. Зрители перестали рычать, чтобы съ большимъ вниманіемъ наблюдать за зрѣлищемъ. Среди воя еще слышались страдальческіе голоса мужчинъ и женщинъ: „Pro Christo, pro Christo!“ На аренѣ образовались точно какіе-то подвижные клубы изъ собачьихъ и человѣческихъ тѣлъ. Теперь кровь лилась уже ручьями. Собаки вырывали другъ у друга кровавые куски человѣческаго мяса. Запахъ крови и растерзанныхъ внутренностей заглушилъ арабскія благовонія и наполнилъ весь циркъ. Въ концѣ только кое-гдѣ вид-

*) „Христосъ царствуетъ.“

нѣлись колѣнопреклоненныя фигуры, да и тѣ исчезали подъ подвижными, воющими клубами.

На арену начали выгонять новыя жертвы, также зашитыя въ звѣриныя кожи.

Онѣ, такъ же, какъ и ихъ предшественники, становились на колѣна, но утомленныя собаки не хотѣли терзать ихъ. Нѣсколько штукъ бросились на христіанъ, остальные улеглись на песокъ и, поднимая кверху свои окровавленныя пасти, тяжело дышали и зѣвали.

Удовлетворенный, но упившійся кровью и обезумѣвшій народъ кричалъ пронзительными голосами:

„Львовъ, львовъ! Выпустить львовъ!...“

Львы приберегались къ слѣдующему дню, но амфитеатръ навязывалъ свою волю всѣмъ, даже цезарю. Только одинъ Калигула, дерзкій и измѣнчивый въ своихъ прихотяхъ, осмѣливался противиться ему, даже иногда приказывалъ бить толпу палками, но и тотъ часто уступалъ. Неронъ, которому рукоплесканія были дороже всего на свѣтѣ, не сопротивлялся толпѣ никогда, а тѣмъ болѣе теперь, когда дѣло шло объ умиротвореніи толпы и о христіанахъ, на которыхъ онъ желалъ свалить всю вину пожара.

Цезарь далъ знакъ, чтобъ открыли „куникулъ“, и народъ тотчасъ же успокоился. Послышался скрипъ рѣшетокъ, за которыми находились львы. Собаки, при видѣ ихъ, сбились въ одну кучу на противоположной сторонѣ арены и завyli, а львы одинъ за другимъ начали выходить наружу, — огромные, свѣтложелтые, съ кудластыми головами. Самъ цезарь обратилъ въ ихъ сторону свое скачущее лицо и, чтобы видѣть ихъ лучше, приложилъ къ глазу изумрудъ. Августіане привѣтствовали львовъ рукоплесканіями; толпа считала ихъ по пальцамъ, жадно наблюдая при этомъ, какое впечатлѣніе производятъ они на колѣнопреклоненныхъ христіанъ, а тѣ все повторяли непонятныя для многихъ и раздражающія всѣхъ свои слова: „Pro Christo, pro Christo!...“

Но львы, хотя и были голодны, не спѣшили къ своимъ жертвамъ. Красный свѣтъ арены пугалъ ихъ, и они щурили глаза. Одни лѣниво потягивались, другіе широко разѣвали свои огромныя пасти и зѣвали, какъ будто желая показать зрителямъ свои страшныя клыки. Но запахъ крови и растерзанныхъ тѣлъ началъ дѣйствовать и на нихъ. Движенія ихъ стали безпокойными, ноздри хрипло втягивали воздухъ. Одинъ вдругъ припалъ къ трупу женщины, оперся на него лапами и началъ шероховатымъ языкомъ слизывать запекшуюся кровь, другой приблизился къ христіанину, держащему на рукахъ ребенка, зашитаго въ шкуру оленя.

Ребенокъ трясся отъ крика и плача, конвульсивно хватался за шею отца, а тотъ, желая продлить его жизнь хоть на минуту, уси-

ливался оторвать его отъ себя и передать другому, стоявшему дальше. Но движеніе и крикъ раздражали льва. Онъ издалъ короткое, отрывистое рычаніе, смялъ ребенка однимъ ударомъ лапы и, схвативъ въ пасть черепъ отца, разможилъ его во мгновеніе ока.

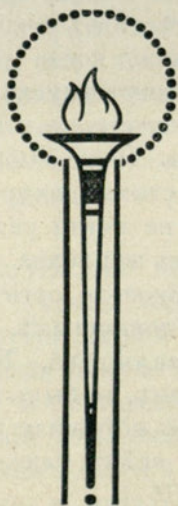
Видя это, всѣ львы накинулись на христіанъ. Нѣкоторыя женщины не могли удержать крика ужаса, но толпа заглушила его рукоплесканіями, которыя, однако, тотчасъ же смолкли. На аренѣ происходило что-то страшное: человѣческія головы сразу исчезали въ львиной пасти, — видны были груди, разсѣченныя однимъ ударомъ клыка, видны были вырванныя и еще трепещущія сердца, слышенъ былъ трескъ костей. Иныя львы, схвативъ свою жертву за бокъ или за спину, бѣшенными скачками мчались съ нею по аренѣ, какъ-бы отыскивая болѣе уединенное мѣсто, другіе въ свалкѣ становились на заднія лапы, обхватывали другъ друга передними и оглушали амфитеатръ громовымъ рычаніемъ. Зрители вставали съ мѣстъ, спускались ниже, чтобы видѣть лучше, и давили другъ друга на смерть. Казалось, что приведенная въ восторгъ толпа въ концѣ сама кинется на арену и начнетъ вмѣстѣ со львами раздирать христіанъ. Слышались уже почти нечеловѣческіе возгласы, рычанія, скрежетъ зубовъ, вытье молоссовъ, и только изрѣдка къ этому примѣшивался стонъ.

Цезарь, держа изумрудъ у глаза, теперь внимательнѣе смотрѣлъ на арену. Пришелъ ли онъ въ неистовство, или ему хотѣлось, чтобы игрище превзошло все, что до сихъ поръ видѣли въ Римѣ, — шепнулъ нѣсколько словъ префекту города. Префектъ тотчасъ же оставилъ свое мѣсто въ подіи и пошелъ въ куникулы. Даже толпа — и та удивилась, когда увидѣла, что рѣшетки открываются снова. Теперь на арену выпускали разныхъ звѣрей: тигровъ съ Евфрата, нумидійскихъ пантеръ, медвѣдей, волковъ, гіенъ и шакаловъ. Вся арена покрылась точно подвижною волною полосатыхъ, желтыхъ, темныхъ и пятнистыхъ шкуръ. Образовался хаосъ, въ которомъ глаза уже ничего не могли различить: видно было только, какъ клубилась и разливалась эта волна. Зрѣлище потеряло подобіе вѣроятности и смѣнилось какою-то оргіей крови, какимъ-то страшнымъ сномъ, какимъ-то чудовищнымъ кошмаромъ помутившагося ума. Всякая мѣра была превзойдена. Къ рычанію, вою и лаю примѣшивался истерическій крикъ, то былъ крикъ женщинъ, сидѣвшихъ въ амфитеатрѣ, которыя уже истощили всѣ свои силы. Толпѣ становилось страшно, лица у всѣхъ какъ-то поблекли. Послышались голоса: „довольно! довольно!“

Но звѣрей легче было выпустить изъ клѣтокъ, чѣмъ загнать обратно. Но цезарь зналъ, какъ очистить отъ нихъ арену; это могло, вмѣстѣ съ тѣмъ, послужить и новою забавой для народа. Во всѣхъ промежуткахъ между скамьями появились отряды чер-

ныхъ нумидійцевъ, украшенныхъ перьями. Въ ухахъ у нихъ были висячія серьги, въ рукахъ луки. Народъ понялъ, что ему предстоитъ видѣть, и привѣтствовалъ нумидійцевъ радостными криками, а они приблизились къ барьеру и, наложивъ стрѣлы на тетиву луковъ, начали поражать звѣрей. Дѣйствительно, то было новое зрѣлище. Стройныя, словно изваянныя изъ чернаго мрамора тѣла, отгибались назадъ, напрягая гибкіе луки и посылая ударъ за ударомъ. Гулъ тетивы и свистъ стрѣлъ примѣшивался къ вою звѣрей и удивленному крику зрителей. Волки, медвѣди, пантеры и люди, которые еще остались живы, падали въ повалку одинъ возлѣ другого. Кое-гдѣ левъ, почувствовавъ боль, внезапнымъ движеніемъ поворачивалъ свою искаженную бѣшенствомъ голову, чтобы схватить и изломать стрѣлу, вонзившуюся въ его бокъ. Мелкое звѣрье тревожно металось по аренѣ, билось головой о рѣшетку, а стрѣлы все свистали и свистали, пока все, что было живо на аренѣ, не полегло въ предсмертныхъ судорогахъ.

Тогда на арену явились сотни цирковыхъ прислужниковъ, вооруженныхъ заступами, лопатами, метлами, тачками, корзинами и мѣшками съ пескомъ. Арену мигомъ очистили отъ труповъ, перекопали, сравняли, посыпали толстымъ слоемъ свѣжаго песка. Затѣмъ прибѣжали амуры и разбросали повсюду лепестки розъ, лилій и другихъ цвѣтовъ. Изъ курильницъ вновь заструились ароматы, веларій исчезъ: солнце уже сильно спустилось къ закату.

Via Appia пиова съ остатками водопровода Клавдія.

ПО АППИЕВОЙ ДОРОГѢ.

Юр. Новоселовъ.

Въ 312 году до Р. Х. римскій цензоръ Аппій-Клавдій Цекусъ для военныхъ цѣлей провелъ дорогу изъ Рима въ юго-восточномъ направленіи до города Капуи; впоследствии неизвѣстно кѣмъ дорога была продолжена до Бриндизи.

Просуществовавъ болѣе чѣмъ 2 тысячи лѣтъ, Аппіева дорога сохранилась до насъ. Весь секретъ такой капитальной, несокрушимой вѣками постройки заключается въ томъ, что древніе инженеры въ основаніе мостовой клали многоугольные камни и такъ плотно пригоняли ихъ другъ къ другу, что не требовалось никакого цемента.

Лѣтомъ 1906 года въ свое пребываніе въ Римѣ мы рѣшили сдѣлать нѣсколько верстъ пѣшкомъ по этому историческому пути, чтобы осмотрѣть его достопримѣчательности, а кромѣ того ознакомиться съ бытомъ окрестныхъ жителей Рима и полюбоваться видами Кампаньи. Очувившись за городскими воротами, мы были очень огорчены, такъ какъ наши ожиданія не оправдались. По обѣ стороны тянулись безконечные высокіе каменные заборы, заслоняшіе отъ насъ окрестные виды. Къ тому же сама дорога показалась

намъ очень пустынной: по ней ѣхали лишь тяжелыя телѣги, запряженныя волами, да легкія двуколки, которыя везли мулы. Между тѣмъ въ древнее время Аппіева дорога была оживлена и должна была производить сильное впечатлѣніе на подѣзжавшихъ по ней къ Риму, такъ какъ по обѣ стороны она сплошь была обставлена великолѣпными надгробными памятниками. До сихъ поръ нѣкоторыя руины свидѣтельствуютъ о быломъ ихъ величіи.

Такіе надгробные памятники и мавзолеи воздвигались надъ прахомъ богатыхъ и знатныхъ римлянъ.

Самыя похороны сопровождались слѣдующими церемоніями. Когда умирающій испускалъ послѣдній вздохъ, близкіе начинали звать его по имени, чтобы убѣдиться, не живъ ли онъ. Затѣмъ, обмывъ тѣло и обливъ его благовоніемъ, клали на ложе ногами къ выходу, а у наружной двери прикрѣпляли кипарисовую вѣтвь, по которой всѣ знали, что въ домѣ покойникъ.

Черезъ недѣлю приступали къ похоронамъ. Покойника торжественно несли на форумъ. Впереди шли музыканты, за ними наемныя плакальщицы, а въ позднѣйшее время актеры, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ въ маскѣ умершаго и старался походкой подражать покойнику. За актерами на роскошномъ одрѣ, покрытое пурпуровымъ покрываломъ, слѣдовало тѣло умершаго; его несли ближайшіе родственники, а сзади шли остальные провожавшіе.

На форумѣ обычно произносилось близкими родственниками хвалебное слово, послѣ чего процессія направлялась за городъ, гдѣ былъ сложенъ костеръ.

При воѣ плакальщицъ и звукахъ музыки трупъ сжигали, пепель собирали въ погребальную урну и ее ставили въ фамильный мавзолей.

Такъ погребали богатаго. Но въ Римѣ существовали особыя общества, дававшія возможность и бѣдному гражданину за недорогую плату быть погребеннымъ при довольно торжественной обстановкѣ. Кромѣ того императоры и богатые люди устраивали общія усыпальницы для своихъ рабовъ и отпущенниковъ.

Урны съ прахомъ покойника помѣщались внутри склеповъ въ небольшихъ нишахъ. Такія ниши называются колумбаріями (отъ слова columba — голубь), такъ какъ похожи на голубятни. Теперь совершенно неправильно этимъ словомъ называютъ самыя помѣщенія, гдѣ находятся ниши. На Аппіевой дорогѣ сохранилось очень много такихъ колумбаріевъ; между ними попадаются сооруженія, устроенныя болѣе чѣмъ на 1000 урнъ.

Древній колумбарій, превращенный въ сарай, намъ показали хозяева простой таверны, куда мы зашли чего-нибудь выпить, истомленные полуденнымъ зноемъ и ходьбой по Аппіевой дорогѣ. Осмотръ колумбарія не отнял у насъ много времени, такъ какъ

сами по себѣ эти ниши, гдѣ стояли урны съ прахомъ древнихъ римлянъ, не представляли особаго интереса, тѣмъ болѣе, что намъ предстояло увидѣть нѣсколько дальше по Аппіевой дорогѣ самое обширное подземное кладбище первыхъ христіанъ, именно катакомбы Св. Каллиста.

Отыскать потаенное убѣжище христіанъ теперь не трудно, такъ какъ все дома и постройки по Аппіевой дорогѣ перенумерованы, и самыя цифры написаны на стѣнахъ чуть не въ аршинъ величиною; поэтому, узнавъ заранѣе, что катакомбы Каллиста подъ 33 номеромъ, мы уже не могли пройти мимо нихъ.

Небольшая дверь въ каменной стѣнѣ ввела насъ съ дороги въ небольшой дворикъ, вѣрнѣе садикъ съ довольно чахлой растительностью. Зато встрѣтившіе насъ монахи — траписты, въ вѣдѣніи которыхъ теперь находятся катакомбы, поразили насъ своимъ пышущимъ здоровьемъ и веселымъ расположеніемъ духа. Они намъ немедленно предложили купить тоненькія восковыя свѣчи, и затѣмъ дородный трапистъ очень любезно попросилъ насъ слѣдовать за собою.

Мы подошли къ лѣстницѣ, которая вела въ подземелье. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ внизъ, какъ пришлось зажигать свѣчи. Мы шли по какимъ-то низкимъ и узкимъ корридорамъ. Пламя свѣчей освѣщало только насъ, а кругомъ царилъ таинственный мракъ. Скоро мы начали различать по обѣимъ сторонамъ въ стѣнахъ углубленія въ ростъ человѣка — это и были мѣста погребенія христіанъ. Сожженіе было противно духу христіанской идеи воскресенія. Монахъ не замедлил намъ пояснить, что покойника клали въ нишу безъ гроба, при чемъ замуравливали ее кирпичами или плитой. На такой плитѣ вырѣзывали имя покойнаго и ставили разные символическіе знаки.

Существуютъ ниши для 2-хъ покойниковъ, а также семейныя усыпальницы, въ которыхъ сохранились каменные саркофаги. Но вотъ впереди блеснулъ солнечный лучъ и мы очутились въ небольшой подземной часовнѣ или криптѣ, въ которую дневной свѣтъ проникалъ изъ отверстія продѣланнаго въ потолокъ. Такія болѣе просторныя помѣщенія играли роль подземныхъ церквей, гдѣ могли собираться въ значительномъ числѣ христіане для совершения общей молитвы. Престоломъ обычно служила мраморная доска, покрывавшая гробницу какого-либо чтимаго народомъ мученика.

Катакомбы тянутся подъ землею на цѣлыя версты; иногда онѣ углубляются на 25 сажень и образуютъ нѣсколько этажей.

Исслѣдованіе катакомбъ имѣетъ то важное значеніе, что въ нихъ мы знакомимся съ древнехристіанскимъ искусствомъ по найденнымъ тамъ сосудамъ изъ глины, стекла и металла, а глав-

нымъ образомъ, по сохранившейся живописи на могильныхъ плитахъ, стѣнахъ и потолкахъ криптъ.

Живопись эта носитъ символическій характеръ, что вполне естественно. Первые христіане принуждены были скрывать сущность своей вѣры отъ язычниковъ, а кромѣ того самой христіанской религіи свойствененъ аллегорическій способъ поученія, на примѣръ, въ видѣ притчъ. Вотъ изображена пальма -- это знакъ торжества надъ земными искушеніями, надъ смертью. Вотъ голубь съ оливковой вѣтвью въ клювѣ. Птица эта изображала собою невинность, чистосердіе, а оливковая вѣтка служила символомъ мира. Корабль символизировалъ собою церковь, какъ общину вѣрующихъ. Изображеніе рыбы означало Христа, на томъ основаніи, что, если взять первыя буквы греческой фразы „Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій,“ то получается слово „*ichtys*“ — по гречески значить рыба.

Помимо аллегорическихъ знаковъ и фигуръ мы видимъ здѣсь цѣлыя сцены изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Особенно интересны фрески, изображающія, какъ Іону бросаютъ съ корабля, какъ китъ выбрасываетъ Іону на берегъ. Китъ со своей лошадиной головой, копытами и съ длиннымъ хвостомъ напоминаетъ змѣя — Горыныча, хорошо знакомаго намъ по русскимъ лубочнымъ картинамъ.

Іона, поглощенный и выброшенный на берегъ морскимъ чудовищемъ, служилъ прообразомъ воскресенія Спасителя и предвѣщалъ людямъ будущее возстаніе изъ мертвыхъ.

Къ сожалѣнію, въ катакомбахъ совсѣмъ нѣтъ картинъ, рисующихъ жизнь христіанъ, которая была полна тяжкихъ испытаній, и вся живопись носитъ скорѣе характеръ жизнерадостный, чѣмъ печальный. Это объясняютъ тѣмъ, что христіане, не желая того, все же слѣдовали примѣру римлянъ-язычниковъ, которые украшали свои гробницы фресками съ игривымъ содержаніемъ. Не смотря на всю примитивность, подчасъ даже наивность рисунка, живопись катакомбъ все же производитъ сильное впечатлѣніе своимъ глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ; она заставляетъ перенестись въ ту эпоху, когда христіане, какъ носители новыхъ идей, чуждыхъ язычеству, старались пробудить въ людяхъ прекрасную любовь къ ближнему.

Свѣчи, освѣщавшія намъ путь, начали догорать, и монахъ скоро повелъ насъ къ выходу.

Дневной свѣтъ ослѣпилъ насъ. Мы какъ бы проснулись отъ долгаго сна и вернулись снова къ дѣйствительности. „Не угодно ли купить шоколаду, — вдругъ неожиданно и какъ-то совсѣмъ неумѣстно сказала сопровождавшій насъ монахъ и добавилъ — мы его сами приготовляемъ.“

Настроеніе, охватившее насъ въ катакомбахъ, мгновенно про-

пало. Мы пошли за монахомъ къ его лавочкѣ, гдѣ вмѣстѣ со всякими „сувенирами“ о первыхъ христіанахъ онъ торговалъ и шоколадомъ „своего производства“. Послѣдній оказался очень вкуснымъ, но, какъ все это было ничтожно, какъ далеко отъ того, что мы видѣли только что въ катакомбахъ.

ПРИЕМНЫЙ ДЕНЬ ВЪ ВАТИКАНѢ.

Буква.

Въ Ватиканѣ, кромѣ воскресеній, почти ежедневно бываютъ такъ-называемые „малые выходы“ папы. Съѣздъ начинается съ 10 часовъ утра. Въ немъ много совершенно свѣтскаго оживленія и движенія. На площади св. Петра стоитъ толпа любопытныхъ. Известно, что нигдѣ она такъ скоро не собирается и такъ долго не расходится, какъ въ Италіи. У правой соборной колоннады, открывающей главный входъ въ ватиканскіе дворцы, папскіе жандармы въ полной парадной формѣ, въ ботфортахъ, бѣлыхъ лосиныхъ брюкахъ и медвѣжьихъ гренадерскихъ шапкахъ. На ихъ обязанности лежитъ охрана во владѣніяхъ св. отца тишины, порядка и благочинія. Въ вѣдѣніи жандармовъ не только полицейская, но и слѣдственная, судебная и тюремная части (при Ватиканѣ есть тюрьма, всегда, впрочемъ, пустая, на шесть заключенныхъ). Жандармы ранжируютъ длинные ряды частныхъ и наемныхъ экипажей, изъ которыхъ выходятъ мужчины во фракахъ и высокихъ шляпахъ, дамы хотя и въ черныхъ, но по — бальному — воздушныхъ платьяхъ, съ вѣерами, въ брилліантахъ. Всѣ обязательно въ черномъ; дамы въ черныхъ, довольно густыхъ вуаляхъ, безъ шляпокъ. Подъѣзжающихъ окружаютъ съ просьбами и выкрикиваніями женщины, продающія букеты изъ великолѣпныхъ римскихъ, — лучшихъ въ Европѣ, — розъ, и мальчишки, навязывающіе какія-то тоненькія красныя книжечки въ родѣ театральныхъ либретто. Это -- ватиканское либретто. Оно описываетъ папскіе дворцы, музей и галереи, знакомитъ съ бытомъ, порядками и персоналомъ Ватикана, рассказываетъ про домашнюю жизнь папы и пр.

Главная лѣстница Ватикана необыкновенно красива и величественна. Она представляетъ собою вступленіе, вполнѣ соответствующее размѣрамъ и богатствамъ единственнаго въ мірѣ дворцоваго лабиринта, въ которомъ насчитываютъ 11,000 комнатъ, кромѣ церкви, часовенъ, приемныхъ залъ, галлерей, 22 внутреннихъ двора

и болѣе 200 лѣстницъ. Вся главная лѣстница изъ бѣлаго каррарскаго мрамора. На ступеняхъ лѣстницы, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, парные часовые швейцарской гвардіи. Швейцарская гвардія больше другихъ папскихъ воинъ бросается въ глаза прїѣзжимъ и остается въ ихъ памяти. Она до сихъ поръ носитъ архаическій средневѣковый костюмъ, скомпонованный для нея Микель-Анджело. Онъ очень живописенъ и кажется взятымъ напрокатъ изъ театральнаго опернаго гардероба. Весь онъ изъ шелковой полосатой матеріи въ три цвѣта (желтый, красный и черный); на рукавахъ; — буффы; широкіе панталоны собраны у колѣнъ; черные чулки и туфли, на груди — золоченый кирасирскій панцырь, металлическая каска съ бѣлымъ шишакомъ; какъ оружіе — шпага и высокая алебарда. Эта гвардія до сихъ поръ рекрутируется въ католическихъ кантонахъ Швейцаріи, вышколена по-военному и всюду несетъ фактическую дневную и ночную караульную службу. Между прочимъ она стоитъ у ватиканскихъ входовъ, для публики закрытыхъ, и съ величайшею готовностью открываетъ эти входы, почувствовавъ въ ладони серебряную монету.

Швейцарцы папы — народъ рослый, молодой, и держатся они молодцовато и красиво. Они составляютъ два отряда, по сто человекъ въ каждомъ. Жалованье имъ полагается при всемъ готовомъ маленькое (оно не превышаетъ 400 лиръ, 130 рублей въ годъ), но денежные подарки богомольцевъ и публики составляютъ значительное къ нему подспорье.

Тутъ же въ оконныхъ нишахъ лѣстницы, генералы и офицеры нобилей и папской гвардіи щеголяютъ своими плюмажами, шишаками, султанами, кирасами, эполетами, аксельбантами, палашами; они бесѣдуютъ, курятъ, читаютъ газеты, обмѣниваются привѣтствіями со знакомыми. Въ почетной гвардіи, первомъ, ближайшемъ къ папѣ, его войскѣ, числится молодежь клерикальной римской знати. Служба въ ней обязываетъ только участвовать въ парадныхъ выходахъ ватиканскаго двора. Почетные гвардейцы живутъ въ городѣ на своихъ квартирахъ или даже и въ провинціи, не получаютъ никакого содержанія, но щедро награждаются папскими орденами. Всѣ дѣти папскихъ почетныхъ гвардейцевъ считаются крестниками папы и получаютъ отъ него при рожденіи болѣе или менѣе цѣнные подарки.

Публика оставляетъ верхнюю одежду внизу лѣстницы; платяныя вѣшалки, очевидно, сданы въ аренду частной антрепризѣ; прислуги у вѣшалокъ мало, и она, нисколько не стѣсняясь, впередъ требуетъ причитающіяся ей по таксѣ деньги за сохраненіе платья.

На верху — опять нобили и алебардисты у бронзовыхъ, чудесно орнаментированныхъ дверей королевской залы (Sala Regia), въ которой устраивались торжественные приемы папами коронован-

ныхъ особъ и чрезвычайныхъ пословъ. Зала имѣетъ видъ небольшого собора четырехугольной формы. Она очень высока и прекрасно освѣщена. Въ ней нѣтъ никакой обстановки. Верхняя часть ея стѣнъ покрыта старыми фресками крупныхъ, преимущественно средневѣковыхъ мастеровъ. Онѣ изображаютъ разные, особенно для Ватикана знаменательные эпизоды изъ исторіи папства. Сюжетъ главной фрески не можетъ доставлять никакого удовольствія нѣмцамъ бисмарковского культа. Тутъ императоръ Фридрихъ Барбарусса въ Венеціи, на площади св. Марка, стоя на колѣняхъ передъ папою Александромъ III, цѣлуетъ у него туфлю. Выраженіе лица у папы насмѣшливое и радостное. Любопытно, что коварство художника придало и кающемуся императору видъ вполне довольный. У боковой, по отношенію ко входу, стѣны — папскій тронъ.

Королевская зала прилегаетъ, какъ вестибюль, къ знаменитой сикстинской капеллѣ. Двери въ послѣднюю открыты, и въ нихъ видна художественная роскошь этого самаго художественнаго храма въ мірѣ, -- стѣнная и плафонная живопись Микель-Анджело, — поистинѣ дивная, восхищающая и подавляющая глаза оргія геніальной творческой мощи и творческаго энтузіазма. Только именно геній въ порывѣ неослабѣвавшаго энтузіазма могъ превратить всю часовню (20 саж. × 7 саж.) какъ бы въ одну картину небывалыхъ, невиданныхъ размѣровъ, выразивъ въ ней сценами и моментами изъ Ветхаго Заветъ всѣ свойства и качества, всѣ движенія, колебанія и терзанія челоуѣческаго духа. Въ одной изъ стѣнъ королевской залы, на значительной высотѣ, — окно — рѣшетка изъ сикстинской часовни; за рѣшеткою помѣщается для духовныхъ концертовъ хоръ папскихъ пѣвчихъ; онъ только слышенъ, но не виденъ.

Церемоніймейстеры размѣщаютъ публику. Въ данный день ея много. Въ залѣ не просторно, хотя и не тѣсно. Повидимому, предстоящій выходъ послѣдуетъ еще не сейчасъ, и публика въ ожиданіи его принимается сокращать время, какъ можетъ. Одни украдкой достаютъ изъ кармана утреннія римскія газеты, другіе перелистываютъ названную выше красную брошюрку. Она читается съ интересомъ. Въ ней много неизданныхъ подробностей о личности и жизни Пія X. Это — простой, простодушный и очень скромный старецъ. И въ Ватиканѣ онъ остается такимъ же, какимъ былъ въ Венеціи. Встаетъ онъ очень рано, не позже 5-ти часовъ, а одѣвается самъ безъ помощи камердинера; въ 6 час. утра служитъ мессу при участіи одного изъ своихъ двухъ капеллановъ, лицъ, наиболѣе къ нему приближенныхъ. На этой мессѣ не присутствуетъ никто. Послѣ нея — другая месса, которую служитъ капелланъ. Въ 7 часовъ утра — завтракъ. Меню его неизмѣнно. Оно состоитъ изъ чашки бульона, макаронъ, кофе и ликерной рюмочки мадеры.

Покормивъ изъ своихъ рукъ въ открытое окно, — по венеціанской привычкѣ, голубей, Пій X занимается до 9-ти часовъ въ своемъ частномъ кабинетѣ одинъ и затѣмъ спускается въ свои служебные апартаменты. Это — цѣлый бюрократическій лабиринтъ. Въ немъ болѣе 80 залъ, пріемныхъ и кабинетовъ; въ нихъ работаетъ около 600 человекъ клира, составляющаго высшее центральное управление римскою церковью. Въ немъ 4 главныхъ отдѣла, соотвѣтствующихъ четыремъ частямъ свѣта (Африка и Австралія въ одномъ отдѣлѣ); отдѣлы подраздѣлены на департаменты, въ которыхъ сосредоточены дѣла отдѣльныхъ государствъ: Франціи, Германіи, Китая, Бразиліи и т. д. О размѣрахъ дѣятельности этой, въ мірѣ единственной, всемірной канцеляріи можно судить хотя бы по такимъ даннымъ: она отправляетъ въ годъ свыше 80-ти тысячъ почтовыхъ пакетовъ и расходуетъ на телеграммы около 50-ти тысячъ лиръ. Въ своемъ официальномъ кабинетѣ папа принимаетъ главу своего управления, кардинала статсъ-секретаря Мерри-де-Валя, выслушиваетъ особенно важные доклады, кладетъ по нимъ свои резолюціи и наблюдаетъ за классификаціею своей, лично ему адресованной корреспонденціи. Эту работу исполняютъ 4 секретаря. Папа получаетъ ежедневно на всѣхъ языкахъ свыше двухсотъ писемъ и телеграммъ. Огромное большинство первыхъ заключаетъ въ себѣ просьбы о денежныхъ пособіяхъ. Послѣ дѣловыхъ занятій наступаетъ очередь аудіенцій — частныхъ и публичныхъ. Особенно много отнимаютъ времени свиданія, бесѣды и совѣщанія съ кардиналами. Пій X держитъ себя съ ними очень внимательно и предупредительно. Послѣ полудня — коротенькая прогулка на открытомъ воздухѣ, во внутреннемъ ватиканскомъ садикѣ, разбитомъ противъ личныхъ покоевъ папы. Въ часъ — обѣдъ. Пій X человекъ общительный и неохотно выноситъ застольное одиночество. У метръ д'отеля поэтому всегда подъ рукою два — три куверта для экспромтомъ приглашенныхъ. Въ обѣдѣ 4 блюда: супъ, рыба, жаркое и фрукты; красное вино и кофе. Послѣ обѣда — часовой отдыхъ. Вставъ отъ сна, папа направляется въ сопровожденіи двухъ — трехъ лицъ въ большіе ватиканскіе сады и остается въ нихъ при хорошей погодѣ часа полтора или два. Вечеромъ у папы еще добавочныя неофициальныя аудіенціи. Въ 7 часовъ — легкій ужинъ и затѣмъ до 9-ти часовъ Пій X еще читаетъ газеты, пишетъ письма или слушаетъ духовную музыку въ камерномъ ея исполненіи. Онъ вообще любитъ музыку и знаетъ ее, особенно старыхъ, средневѣковыхъ композиторовъ. Папа самъ хорошо играетъ на рояли и органѣ. Къ одиннадцати часамъ вечера уже всѣ огни въ Ватиканѣ погашены. Такъ распределенъ трудовой день духовнаго повелителя двухсотъ двадцати милліоновъ. Авторъ брошюры относится съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ къ личности бывшаго венеціанскаго патріарха.

Протяжный мелодичный звонъ серебрянаго колокола сикстинской капеллы возвѣстилъ о приближеніи папскаго шествія. По этому сигналу церемоніймейстеры трижды ударили о полъ своими большими палками-жезлами. Публика притихла и подтянулась. Въ ложѣ раздалось пѣніе. Папскій хоръ исполнилъ привѣтственную кантату въ честь первосвященника, и всѣ присутствовавшіе разомъ ушли въ слухъ. Залу наполнило пѣніе превосходное, высокаго артистическаго качества. Процессія показала изъ боковыхъ дверей залы, ведущихъ внутрь ватиканскихъ палатъ. Въ ней участвовало немного лицъ, но она производила впечатлѣніе очень яркой, красочной картины. Сіяющее оружіе и шитые золотомъ мундиры папской гвардіи и нобилей, черныя рясы монаховъ, фіолетовыя сутаны архіепископовъ, алая мантия кардиналовъ и бѣлоснѣжное, перепоясанное широкимъ золотымъ кушакомъ облаченіе папы слились для глаза въ причудливую движущуюся смѣсь рѣзкихъ, несогласенныхъ красокъ. Процессія шла попарно. У трона она раздвоилась обычнымъ маневромъ; всего ближе къ папскому креслу стали кардиналы; однимъ изъ нихъ былъ исповѣдникъ покойнаго папы, старецъ феноменальный; при его жизни смѣнились семь папъ: Пій VII, Пій VIII, Левъ XII, Григорій XVI, Пій IX, Левъ XIII и Пій X; гражданскіе чины папскаго двора и офицеры почетной гвардіи заняли мѣста подале. Пій X шелъ твердымъ, увѣреннымъ шагомъ, держась на ходу прямо и для его возраста еще молодо. На эстраду онъ поднялся также довольно легко. У папы — открытое, очень пріятное и еще красивое лицо. Оно очень выразительно. Въ немъ много доброты и привѣтливости, но много въ то же время мысли и воли.

Пѣніе оборвалось мажорнымъ финаломъ, на фонѣ котораго чудесно обозначился высокій сольный взмахъ перваго тенора. Водворилась глубокая тишина. Папа подошелъ къ краю возвышенія и обратился съ рѣчью къ французскимъ делегаціямъ. Онъ говорилъ красивою и звучною цвѣтистою латынью. Короткія, ясныя и хорошо заполненныя фразы плавно и связно слѣдовали одна за другою. Общій стиль рѣчи былъ благородный и литературный. Устами папы говорилъ не только глава церкви и богословъ, но и философъ, историкъ, соціологъ, психологъ, аналитикъ, критикъ. Въ проповѣди были цитаты, ссылки, факты, примѣры.

Папа кончилъ и сѣлъ на престолъ, но до конца еще было далеко. Одинъ изъ секретарей папы, молодой священникъ, началъ читать полный переводъ папской рѣчи съ латинскаго на французскій. На это ушло минутъ двадцать; оно утомило присутствовавшихъ, въ общемъ болѣе часа на ногахъ стоявшихъ. Въ заключеніе папа поднялся съ кресла, осѣнилъ опустившуюся на колѣни публику широкимъ крестомъ и нараспѣвъ произнесъ обычныя слова своего благословенія.

— Benedicat vos omnipotens Deus Pater et Filius et Spiritus Sanctus
in saecula saeculorum!

Хоръ вновь запѣлъ. Онъ исполнялъ кантату Палестрины съ аккомпаниментомъ органа. Шествіе направилось въ прежнемъ порядкѣ въ тѣ же двери, въ которыя вошло, а публика стала спускаться по главной лѣстницѣ къ выходу.

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ ВЪ РИМѢ.

По В. Дѣдлову и В. Стасову.

Было время, и не такъ давно, когда выдающіеся русскіе художники проводили лучшіе свои годы въ Римѣ, гдѣ имѣли даже собственныя мастерскія.

Такое стремленіе въ Римъ теперь уже миновало. Когда русское искусство отдѣлалось отъ слѣпого подражанія античнымъ образцамъ, и русскіе художники стали черпать свое вдохновеніе у себя на родинѣ, то уже посѣщеніе Рима утратило свою прежнюю привлекательность. Теперь художникъ, по пріѣздѣ въ Римъ, съ увлеченіемъ принимается осматривать художественныя сокровища въ музеяхъ и галереяхъ, съ охотой работаетъ въ римскихъ мастерскихъ, но все же скоро его начинаетъ тянуть къ себѣ на родину.

Писатель Дѣдловъ, не такъ давно посѣтившій римскія мастерскія, въ которыхъ работаютъ русскіе художники, такъ передаетъ свои впечатлѣнія.

Мы постучали тяжелой желѣзной щеколдой, дверь открылась, — и мы очутились въ мастерской братьевъ Свѣдомскихъ, бывшей Семирадскаго, откуда вышла его картина „Свѣточы Нерона“. Уже самый входъ обѣщалъ нѣчто фантастическое своими корридорами, двориками и нигда, кромѣ Рима, невиданными дрянными дверями, неожиданно открывавшими прекрасныя картинки неба, апельсиновыхъ садовъ, холмовъ и стѣнъ, завѣшанныхъ просушиваемымъ бѣльемъ и вьющимися розами.

Мастерская оказалась еще чуднѣе, съ ея фантастическимъ устройствомъ, фантастическимъ убранствомъ и фантастическимъ существованіемъ хозяевъ. Это двѣ громадныя комнаты вродѣ какой-нибудь танцевальной залы губернскаго клуба. Въ то же время мастерская походила и на оранжерею, потому что одна стѣна и потолокъ были сплошь стеклянные. На окнахъ и подъ потолокомъ висятъ полотняныя занавѣсы для регулированія свѣта. Это настоящіе паруса,

а веревки, которыми ихъ задергиваютъ и отдергиваютъ, цѣлыя снасти. Не знаю, изъ чего сдѣланы стѣны фантастическаго зданія, но, какъ видно, изъ чего-то промокаемаго: вездѣ пятна и потѣки. Въ обѣихъ комнатахъ стоитъ по печкѣ, — конечно, римской, — въ видѣ жестяной коробки съ желѣзной трубой, фантастически изгибающейся по всему обширному пространству мастерской.

Огонь гудитъ, какъ отдаленный водопадъ, но въ комнатахъ холодно такъ, что синѣютъ руки и видно дыханіе.

Немало способствуетъ низкой температурѣ фонтанъ холодной, какъ ледъ, воды, бьющій изъ стѣны въ мраморный ящикъ — бассейнъ. Около бассейна мы застаемъ А. А. Свѣдомскаго, который, мурлыча что-то веселое, моетъ палитру и изрѣдка перекидывается словами съ натурщицей, пришедшей за расчетомъ и присѣвшей на минутку, въ шляпкѣ и съ муфтой, на какой-то пустой деревянный ящикъ, покрытый шелковой драпировкой золотистаго цвѣта, давно уже запачканной тѣмъ, что на ней стоитъ приборъ для чистки сапоговъ и самые сапоги.

Стѣны мастерской изображаютъ нѣчто уже окончательно причудливое: не то гигантскій персидскій коверъ, не то цвѣтникъ, не то палитру. Все цвѣтныя пятна, пятна и пятна, одно красивѣе другого, одно искуснѣй и нѣжнѣй другого.

Хозяева зажигаютъ двѣ колоссальныя лампы, и мы можемъ оглядѣться. Оказывается, пятна — все картины, эскизы, этюды. Между ними драпировки красивыхъ матерій, ковровъ, блестящее старое оружіе, характерные костюмы, полки съ художественной посудой. Пыль и паутина постарались придать этому бойкому фейерверку красокъ меланхолическій видъ артистической задумчивости.

А огромная начатая картина и нѣсколько свѣжихъ этюдовъ на мольбертахъ указываютъ, на чемъ въ настоящее время цѣликомъ сосредоточились хозяева, забывая про пыль, паутину и холодъ.

— Гдѣ же вы спите? спрашиваемъ мы. Намъ указываютъ на какіе-то хоры въ первой комнатѣ. На хоры ведетъ живая деревянная лѣсенка. Хоры тоже живые и ходятъ ходуномъ.

Такова мастерская, въ которой работаютъ художники уже составившіе себѣ имя и не нуждающіеся матеріально.

А итальянская студія небогатаго русскаго художника устраивается очень просто. Когда итальянецъ, рассчитывающій получить доходъ съ артистовъ масляной краски и мокрой глины, строитъ домъ, то въ нижнемъ этажѣ онъ устраиваетъ не комнаты, а конюшни, не окна, а дыры, не двери, а ворота.

Сколько конюшенъ, дыръ и воротъ, — столько студій. Въ каждой поселяется артистъ и первымъ дѣломъ ставитъ на свой счетъ маленькую желѣзную печку, которая чадитъ и накаляется докрасна, но не грѣетъ. Когда печка готова, конюшня наполняется разнымъ

хламомъ, который „ласкаетъ глазъ“ художника: старыми ружьями, изъ которыхъ никто никогда не стрѣлялъ, потому что они никогда не были новыми и ихъ такъ старыми и поддѣляли; старыми латами, передѣланными изъ печныхъ заслонокъ; масками, снятыми съ мертвецовъ, халатами, лоскутьями манчестера „чудныхъ“ тоновъ и, наконецъ, японскими бумажными вѣрами. Когда все это развѣшано, — тогда ставится въ мастерской [одинъ стулъ и одинъ мольбертъ. И на этомъ-то стулѣ, на этомъ-то мольбертѣ, среди живописнаго мусора часто создаются дивныя картины и статуи.

Наружная дверь ни подъ какимъ видомъ не должна имѣть на себѣ мѣдной доски, но и визитной карточки хозяина. Его фамилія пишется прямо на двери масляной краской, криво и косо.

Мы обошли студіи, видѣли пропасть хорошо нарисованныхъ и отлично написанныхъ картинъ и картинокъ, видѣли хорошіе бюсты, статуи и барельефы. Нѣкоторыми мы восхищались — у Свѣдомскихъ, Бакаловича, Котарбинскаго. Много искусства, бездна вкуса и блеска. Но всѣмъ чего-то недостаетъ. Художники думаютъ больше объ исполненіи, чѣмъ о замыслѣ. Конечно, это объясняется тѣмъ, что они живутъ не дома, не настоящей жизнью; а молодежь прямо пріѣхала учиться техникѣ.

А красивое, не согрѣтое кровью сердца, не конечная цѣль искусства. Художникамъ, окончившимъ свое артистическое образованіе, слѣдуетъ скорѣе бѣжать домой въ Россію. Безъ національности, безъ своего народа, нѣтъ отдѣльнаго человѣка, нѣтъ и художника.

И дѣйствительно, наиболѣе извѣстные русскіе художники теперь не живутъ подолгу въ Римѣ. Изъ современныхъ крупныхъ художниковъ только для одного Семирадскаго Римъ былъ постояннымъ мѣстопробываніемъ, но его картины, какъ справедливо замѣчаетъ извѣстный знатокъ живописи А. Сомовъ „грѣшатъ слабымъ выраженіемъ внутренняго содержанія, лишены истиннаго драматизма, напоминаютъ собою театральныя живыя картины, въ которыхъ участвуютъ актеры, недостаточно проникшіеся своими ролями“.

Говоря о современныхъ русскихъ художникахъ въ Римѣ, нужно вспомнить то время, когда въ немъ жили такіе выдающіеся художники слова и кисти, какъ Гоголь, Брюлловъ, Ивановъ.

Послѣдній прожилъ въ Римѣ 28 лѣтъ, и его письма намъ характеризуютъ не только жизнь художниковъ того времени, но и содержатъ много цѣнныхъ мыслей и взглядовъ на русское искусство. Въ письмѣ къ сестрѣ онъ описываетъ праздную, пустую жизнь своихъ товарищей. „Гостинница въ Субіако называется „Au rendez-vous des artistes“. Мы, художники, тутъ въ самомъ дѣлѣ имѣемъ наше свиданіе: утромъ, передъ восходомъ солнца — за чашками кофею, въ полдень — за обѣдомъ, и при закатѣ солнца — за

ужиномъ, гдѣ, послѣ трудовъ, мы предаемся веселью каждый разъ. Поемъ хоромъ швейцарскія, итальянскія, французскія, нѣмецкія сентиментальныя пѣсни, пляшемъ по-итальянски подъ звуки барабановъ и бубновъ, представляемъ комедіи, играемъ въ солдаты, при всѣхъ, на улицѣ, послѣ ужина; а зять хозяина, французъ, на смѣхъ всѣмъ идетъ впереди насъ въ видѣ тамбуръ-мажора, представляя эту должность въ самомъ каррикатурномъ видѣ; швыряемъ пряники мальчишкамъ на драку, коихъ всегда собирается безъ счету, чтобы видѣть всѣ наши сумасшествія“.

Иванову была не по душѣ шумная, пустая жизнь въ Римѣ большинства русскихъ художниковъ, а послѣ того, какъ нѣкій Солнцевъ при всѣхъ оскорбилъ его словами, то Ивановъ совершенно отстранился отъ общества.

„Я далъ слово, писалъ онъ, не показаться въ русское общество до окончанія моей картины“.

Въ это время онъ всецѣло былъ поглощенъ своей картиной: „Явленіе Мессіи народу“, находящейся теперь въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ. Ивановъ дѣлалъ для нея десятки лѣтъ сряду безчисленные рисунки, этюды и эскизы. Чтобы изучить типъ, характеръ и костюмъ евреевъ, художникъ ходилъ въ синагогу. По этому поводу онъ писалъ Гоголю „Евреи меня полюбили, они подозрѣваютъ во мнѣ еврея и полагаютъ, что я скрываю это, какъ и многіе другіе. Я имъ очень нравлюсь моею начитанностью библіи, и они мнѣ очень нравятся въ своихъ синагогахъ, гдѣ я вижу гораздо болѣе набожности, чѣмъ въ нынѣшнихъ церквахъ христіанскихъ“.

Друзья часто торопили Иванова поскорѣе окончить картину, тѣмъ болѣе, что средствъ у него никакихъ не было, но художникъ предпочиталъ терпѣть лучше нужду, чѣмъ оставить какую-либо мелочь въ картинѣ необработанной. А между тѣмъ нужда перешла уже въ нищету, которая, по словамъ близкихъ къ нему лицъ, была такова, „что онъ по суткамъ довольствовался стаканомъ кофе и черствой булкой, или чашкой чечевицы, сваренной изъ экономіи имъ самимъ въ этой самой студии, гдѣ работалъ, — и на водѣ, за которою художникъ ходилъ самъ къ ближайшему фонтану“.

Но свою нужду онъ переносилъ мужественно. „Я имѣю огромный капиталъ, писалъ онъ отцу, и какіе бы слухи до васъ не доходили о моей бѣдности, не вѣрьте. Капиталъ въ самомъ дѣлѣ есть у меня -- это четыре, пять образованныхъ друзей“. Это были художники Моллеръ и Иорданъ, ученые Погодинъ, Шевыревъ, Чижевъ, писатели — Гоголь, Жуковский, Языковъ, Плетневъ. Особенно близокъ и дорогъ для Иванова былъ Гоголь, въ письмахъ къ которому можно встрѣтить такія мѣста: „Грусть и скука намъ безъ васъ въ Римѣ“. „Въ бесѣдахъ съ вами, и только съ одними вами, духъ мой

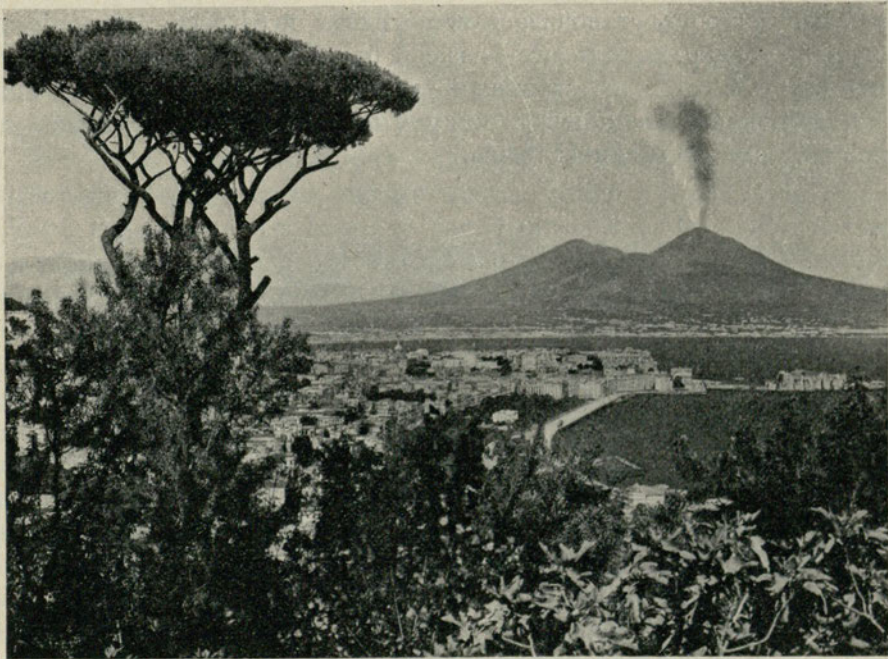
не утомляется“. Однако изъ писемъ Иванова видно, что ни одинъ изъ упомянутыхъ близкихъ ему друзей, не исключая даже и Гоголя, не могъ понять его. Только для одного Даргомыжскаго, извѣстнаго музыканта и русскаго композитора, была совершенно ясна натура Иванова: „Великій нашъ живописецъ Ивановъ, говорилъ Даргомыжскій, въ теченіи 20-ти лѣтъ жилъ въ своей мастерской въ Римѣ. По временамъ онъ испытывалъ тревоженія, но, преслѣдуя съ гениальнымъ упорствомъ одну святую мысль, погружаясь въ чудныя подробности внѣшней природы — онъ былъ счастливъ“.

Дѣйствительно, претерпѣвая нужду, окруженный со всѣхъ сторонъ недоброжелателями, не понятый друзьями, не оцѣненный по заслугамъ обществомъ, великій художникъ былъ счастливъ и съ глубокой надеждой смотрѣлъ въ будущее. „У насъ въ молодомъ отечествѣ, писалъ онъ, есть ощутительное невѣжество — это подавлять таланты, но за то свѣжесть силъ молодого народа обѣщаетъ золотой вѣкъ для грядущаго поколѣнія“.

ВЪ НЕАПОЛѢ

Ю. Новоселовъ.

„Vedi Napoli e poi muori!“

„Взгляни на Неаполь и потомъ умри,“ говоритъ старинная итальянская пословица, которую такъ любятъ повторять неаполитанцы.

„Неаполь нельзя не любить, и если бы вы только пробыли въ немъ одинъ день, всю жизнь стали-бы вспоминать со вздохомъ объ этомъ днѣ“ — говоритъ одинъ русскій путешественникъ. А, вотъ, что пишетъ другой: „Въ Неаполѣ столько прекраснаго и гнуснаго, столько величественнаго и подлаго, столько восхитительнаго и отвратительнаго, что путешественникъ, прожившій въ немъ нѣсколько дней, спѣшитъ вырваться изъ этого хаоса, точно такъ, какъ при страшномъ сновидѣннн напрягаешь всѣ силы, чтобы проснуться. Я ждалъ съ нетерпѣннѣмъ минуты отъѣзда и, миновавъ городскія ворота, отъ глубины сердца возблагодарилъ Бога, что оттуда

выбрался“. „Неаполь — клоака, изъ которой разносится по всей странѣ нравственная зараза; это гнойная язва“.

Всѣ эти восторженныя похвалы однихъ и проклятія, посылаемая городу другими, заставляютъ путешественника, впервые подъѣзжающаго къ Неаполю, испытывать сильное волненіе, такъ какъ вскорѣ ему самому придется переживать все слышанное раньше.

Для меня, ѣхавшаго въ этотъ городъ изъ Рима въ вагонѣ 3-яго класса, Неаполь сталъ чувствоваться уже очень рано. Чѣмъ дальше къ югу шель поѣздъ, тѣмъ одежда подсаживавшихся къ намъ пассажировъ становилась все бѣднѣе и бѣднѣе. Куреніе табаку и плеваніе на полъ все болѣе и болѣе усиливалось; а между тѣмъ по обѣ стороны желѣзной дороги разстилались роскошныя поля, засѣянныя пшеницей и кукурузой съ рядами тутовыхъ деревьевъ, обвитыхъ виноградомъ.

И вотъ, какъ-то сразу слѣва, высоко надъ горизонтомъ, вырисовался знакомый раньше по безчисленнымъ изображеніямъ конусъ Везувія. Затѣмъ вулканъ началъ расти, и очертанія его становились яснѣе. Вдали показалась полоска моря. Вскорѣ замелькали высокие дома, заборы, вагоны, и поѣздъ съ грохотомъ подкатилъ къ вокзалу.

На улицѣ Умберто, вблизи самага вокзала мы нашли недурную комнату, при чемъ хозяйка съ гордостью заявила: „Вы будете довольны, у меня очень чисто, я не мѣстная уроженка, а изъ Рима“.

Было 8 часовъ вечера, а между тѣмъ жара и не думала спадать. Въ комнатѣ было страшно душно, хотя окна и двери на балконъ были открыты. Наступившая ночь также не принесла прохлады, но она принесла нѣчто другое — москитовъ. „Неаполитанская римлянка“ не дала намъ кисейнаго полога на кровать, какъ то было въ другихъ итальянскихъ городахъ, поэтому первая неаполитанская ночь была для насъ страшно мучительной. Мы были въ полномъ смыслѣ слова изъѣдены этими кровожаднѣйшими, но невидимыми для глазъ челоуѣка насѣкомыми.

Съ восходомъ солнца москиты куда-то попрятались. Но тутъ началъ пробуждаться Неаполь, а наша комната къ несчастью выходила окнами на улицу. Загремѣли о мостовую колеса экипажей, зазвонилъ трамвай, завозились, застучали и закричали разные люди какъ-то особенно громко. Но надъ всѣмъ этимъ шумомъ и крикомъ царилъ одинъ вопль челоуѣка, котораго, казалось, рѣзали. Я не выдержалъ, всталъ съ постели и высунулся въ окно, чтобы посмотрѣть, кто это, и отчего такъ ореть.

На противоположной сторонѣ улицы стоялъ по серединѣ тротуара, заграждая дорогу прохожимъ, челоуѣкъ въ костюмѣ повара. Это онъ и оралъ. Передъ „поваромъ“ находился на подставкѣ лотокъ съ какими-то лепешками, которыми онъ торговалъ. Въ рукахъ „поварь“ держалъ длинный ножикъ, которымъ онъ рѣзалъ лепешки,

отгонялъ мухъ и стучалъ по лотку для привлеченія еще большаго вниманія къ себѣ и своему товару.

Иногда какой-либо бѣднякъ быстро подходилъ, бросалъ на лотокъ монету, выбиралъ кусокъ лепешки, а затѣмъ на ходу съ жадностью ее уписывалъ.

Изъ моего окна видно было, какъ эти лепешки приготовлялись. Въ сосѣдномъ переулкѣ, вѣроятно, жена „повара“ за дверьми дома раскатывала на столѣ тонкимъ слоемъ тѣсто, затѣмъ запускала поочередно руку въ стоявшіе передъ ней сосуды и доставала оттуда маленькіе кусочки мяса, жира, овощей, головки рыбешекъ и посыпала ими тѣсто; послѣ чего лепешка уносилась въ печь и вскорѣ попадала на лотокъ къ „оралѣ“. Нужно быть голоднымъ итальянцемъ, чтобы рѣшиться съѣсть эту неаполитанскую снѣдь. У мухъ же тутъ шелъ пиръ горой, онѣ ничуть не боялись ни „оралы“, ни его ножа, и тучами насѣдали на лакомые куски.

Перевозка тяжестей. *фот. автора.*

Не одинъ „орало“ будилъ меня каждое утро въ Неаполѣ, погонщики ословъ и муловъ также прерывали мой сладкій сонъ. Ихъ понуканіе производитъ впечатлѣніе, будто человекъ неожиданно бросили въ кипятокъ, и тотъ хриплымъ голосомъ отчаянно просить о помощи.

Интересно, что неаполитанецъ умудряется впрягать въ одну повозку сразу нѣсколько различныхъ животныхъ: лошадь, мула, осла, а иногда на придачу и корову. Вся эта разношерстная компа-

нія, выбиваясь изъ силъ, тащить повозку, перегруженную до нельзя, а самъ хозяинъ лежитъ наверху и оттуда оретъ, щелкаетъ по воздуху бичемъ и стегаетъ имъ по тощимъ спинамъ длинноухихъ и длиннорогихъ мучениковъ.

Первая наша прогулка по городу ознаменовалась тѣмъ, что мы попали въ лапы неаполитанскаго извозчика. Когда мы проходили черезъ площадь, неожиданно сзади меня раздался окрикъ: „Синьоръ, остановитесь на одну минуту, я Васъ не задержу. Извините, что я обращаюсь къ Вамъ. Вѣдь Вы русскій!? Посмотрите, это должно быть для Васъ интересно. Вотъ, карточки лицъ, которыхъ я возилъ“. Съ этими словами извозчикъ протянулъ цѣлую кипу какихъ-то бумажекъ, среди которыхъ было много визитныхъ карточекъ, между прочимъ, и съ русскими фамиліями.

„Я возилъ много русскихъ, — продолжалъ извозчикъ — и всѣ были довольны. Прочтите, какія благодарности и рекомендаціи они написали мнѣ“.

Дѣйствительно, на первой же визитной карточкѣ была написана карандашемъ такого рода рекомендація: „этотъ извозчикъ всюду возилъ меня на своей клячѣ и жестоко билъ ее“. Другой русскій написалъ еще лучшую рекомендацію: „этотъ возница плутъ и мошенникъ, какъ и всѣ извозчики въ Неаполѣ“.

А „плутъ и мошенникъ“, пока мы читали, влѣзъ на козлы и дѣлалъ видъ, что мы его наняли: онъ щелкалъ бичемъ, и осаживалъ свою тощую лошаденку, приглашая насъ садиться въ экипажъ.

„Этотъ, вѣроятно, не хуже другихъ“, рѣшили мы и условились съ нимъ проѣхать небольшое разстояніе.

Но лишь только мы тронулись, какъ извозчикъ сталъ уговаривать насъ проѣхать немного за городъ, обѣщая намъ показать самыя лучшіе виды на Неаполь и заливъ. Трудно устоять туристу передъ такими заманчивыми предложеніями, и мы согласились.

Какъ только мы очутились за городомъ, наша лошадь захотѣла ѣсть, и за нашъ счетъ было ей куплено сѣна. Когда же мы захотѣли ѣсть и заѣхали въ ресторанъ, то за нашъ счетъ пообѣдалъ извозчикъ и, кромѣ того, вступилъ въ какое-то соглашеніе съ хозяиномъ гостиницы, результатомъ чего намъ пришлось за все платить двойную цѣну.

Вскорѣ у насъ на козлахъ рядомъ съ извозчикомъ появилась новая личность, которую нашъ возница отрекомендовалъ, какъ проводника. Хотя мы въ немъ совершенно не нуждались, но отвязаться отъ него не удалось, и мы поступили въ полное распоряженіе двухъ неаполитанцевъ.

При каждой остановкѣ приходилось давать „маккарони“, т. е. на макароны, по нашему „на чай“, разнымъ людямъ за разныя неожиданныя и ненужныя услуги.

Передъ нами, какъ изъ земли, выросли нищѣ, специально для насъ играла шарманка, какія-то женщины, похожія на фурій, втыкали мнѣ въ петлицу цвѣты и требовали денегъ; передъ нами плясали, пѣли, и въ заключеніе стали снаряжать экспедицію для ловли коралловъ.

Когда я увидѣлъ, что для насъ двоихъ готовятъ большой баркасъ, что туда уже влѣзло, неизвѣстно для чего, девять человѣкъ самаго подозрительнаго вида, и проводникъ любезно предложилъ намъ садиться туда, я набрался храбрости, на отрѣзъ отказался ѣхать на баркасѣ и потребовалъ, чтобы извозчикъ немедленно везъ насъ обратно въ Неаполь. Но, увы, возница началъ говорить, что лошадь его измучена, и посоветовалъ ѣхать въ городъ по трамваю. А когда мы согласились на это, онъ потребовалъ съ насъ всю плату и за обратный путь.

Мы были рады заплатить, что угодно, лишь бы вырваться на свободу отъ этихъ грабителей въ образѣ возницы и проводника. И только тогда мы свободно вздохнули, когда трамвай тронулся, а наши неаполитанскіе плуты привѣтливо замахали шляпами.

Чтобы узнать неаполитанца и понять причины его порочныхъ наклонностей, нужно побродить по набережной и по прилегающимъ къ ней переулкамъ. Никакія описанія не могутъ передать впечатлѣній, охватывающихъ каждого свѣжаго человѣка при видѣ картинъ страшной нищеты, заставляющей неаполитанца терять всякое человѣческое достоинство.

Какъ щели узкіе переулки, черная отъ грязи и отбросовъ мостовая, высокіе, въ нѣсколько этажей, сѣрые дома, сплошь завѣшанные рубашками, простынями, чулками, дѣтскими пеленками и другимъ бѣльемъ, для просушки котораго нѣтъ ни чердаковъ, ни дворовъ. — Таковы улицы и большинство домовъ въ Неаполѣ.

Тутъ же можно видѣть, чѣмъ питаются его жители. Повара прямо на улицѣ готовятъ и продаютъ знаменитыя итальянскія макароны. На лоткахъ лежитъ мясо, вѣрнѣе обрѣзки отъ него, и

Въ центрѣ города. Фот. автора.

какія-то внутрѣнности, порѣзанныя на куски. Иногда навстрѣчу попадаетъ передвижная „мясная торговля“, очень примитивнаго устройства. Продавецъ несетъ на плечахъ длинный шестъ съ крючками, на которыхъ болтается мясо и требуха. Но макароны и даже внутрѣнности — лакомство для бѣднаго неаполитанца. Главная же его пища — кукуруза. Всюду на улицѣ вы видите, какъ ее варятъ въ большихъ чанахъ. Для иностранца эта ѣда можетъ показаться очень аппетитной, но къ несчастью постоянное употребленіе въ пищу кукурузы влечетъ за собою заболѣваніе пеллагрой.

Врачи объясняютъ, что кукуруза портится, такъ какъ въ ней заводится особый грибокъ, порождающій болѣзнь пеллагру. Она развивается съ особой силой весной. Захворавшій жалуется на боли въ позвоночникѣ, которыя переходятъ потомъ къ конечностямъ. Появляется рвота, судороги, зрѣніе притупляется, кожа темнѣетъ; на больного нападаетъ апатія и угнетенное состояніе духа. Болѣзнь постепенно истощаетъ организмъ человѣка, приводя его къ преждевременной смерти.

Вскрытіе умершихъ отъ пеллагры обнаружило у нихъ помутнѣніе и отеки мозговыхъ оболочекъ, а также воспаленіе спинного мозга.

На улицахъ Неаполя вы встрѣчаете очень часто людей, мучимыхъ этой ужасной болѣзью.

Вотъ, у высокаго каменнаго забора сидятъ двѣ женщины. На лицѣ одной изъ нихъ и во всей ея фигурѣ видны признаки пеллагры. Рядомъ съ ней на каменныхъ плитахъ тротуара лежитъ ея полуголый ребенокъ, которому съ малыхъ лѣтъ приходится испытывать голодъ и нищету, а впослѣдствіи предстоить заболѣть пеллагрой, болѣзью зависящей исключительно отъ плохого питанія. Статистика установила ужасный фактъ: „въ Неаполѣ съ каждымъ годомъ потребляется все меньше и меньше сѣстныхъ припасовъ, подобнаго явленія не отмѣчено ни въ одномъ европейскомъ значительномъ городѣ“.

На тротуарахъ даже главныхъ улицъ встрѣчаешь спокойно отдыхающихъ козъ; многія изъ нихъ принуждены подниматься по каменной лѣстницѣ въ шестой этажъ, чтобы ихъ тамъ подоили. Иногда дорогу вамъ преграждаетъ корова, которую доить какой-то малый лѣтъ 18. Это продавецъ молока. Жители верхнихъ этажей спустили ему на веревкѣ корзиночку съ посудой и деньгами, чтобы онъ надоилъ молока прямо въ посуду покупателя, иначе легко можно получить молоко на половину съ водою. Но, какъ рассказываютъ, иной ловкій неаполитанецъ и тутъ ухитряется смощенничать: „Онъ держитъ подъ платьемъ пузырь съ водою, отъ котораго проведена резиновая трубка въ рукавъ; въ то время, когда доить корову, онъ успѣваетъ изъ рукава прилить воды“.

Если такъ обманываютъ неаполитанцы другъ друга, то иностранецъ рискуетъ быть обманутымъ всюду. Покупая что-либо въ неаполитанскихъ магазинахъ, нужно торговаться, даже въ аптекахъ это необходимо. Мнѣ рассказывалъ одинъ русскій ученый, жившій долго въ Неаполѣ, что за спиртъ, цѣна которому 25 коп., въ аптекѣ съ него потребовали около рубля. Тогда онъ, ни слова не говоря, направился къ выходу; но его немедленно вернули и спросили, какую же цѣну даетъ синьоръ. Русскій предложилъ одну треть. Видя, что иностранецъ знаетъ мѣстныя цѣны и не хочетъ уступать, съ благодарностью приняли вмѣсто 2-хъ лиръ, нѣсколько чентезимо.

Не взирая на окружающую нищету, въ Неаполѣ, какъ нигдѣ въ Италіи, процвѣтають лотереи. Живущему постоянно въ невыносимо тяжелыхъ условіяхъ неаполитанцу обезпеченная жизнь рисуется земнымъ раемъ, и онъ мечтаетъ получить ее путемъ лотереи. Онъ покупаетъ на послѣднія деньги лотерейный билетъ, который по большей части пустъ и лишь изрѣдка даетъ въ руки счастливица нѣсколько лиръ, никогда впрочемъ не приносящихъ ему счастья. Особенно много женщинъ и подростковъ среди покупателей такихъ билетовъ. И, къ сожалѣнію, власти не предпринимають никакихъ шаговъ къ прекращенію этого зла; наоборотъ, поощряють. Само государство устраиваетъ эти лотереи и на порочной страсти народа къ азартной игрѣ извлекаетъ ежегодно около 60—70 милліоновъ лиръ.

Необразованный, суевѣрный неаполитанецъ вѣрить, что съ Божіей помощью можно получить счастливый билетъ, поэтому нечего удивляться, если въ конторахъ, гдѣ продаются выигрышные билеты, вѣшаютъ на самомъ видномъ мѣстѣ большую икону Богоматери.

„Праздность въ Италіи кажется чѣмъ-то естественнымъ и даже почетнымъ“ — говоритъ Тэнъ. Эти слова нагляднымъ образомъ иллюстрируются въ Неаполѣ. Вы видите на каждомъ шагу слоняющихся безъ дѣла людей: стариковъ, женщинъ, дѣтей и мужчинъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Они лежатъ, сидятъ на ступеняхъ церкви, бродятъ около оконъ магазиновъ; лежатъ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ всюду, гдѣ только можно лечь.

Въ Неаполѣ, благодаря невѣжеству массъ, каждый шарлатанъ можетъ найти себѣ легкій заработокъ; нужно только умѣніе собрать вокругъ себя толпу, а это не мудрено, такъ какъ толпа падка на зрѣлища, за неимѣніемъ дѣла она сама ихъ ищетъ.

Вотъ, собралось много народу! Пойдемте и посмотримъ, что тамъ? Какой-то господинъ, по наружности фокусникъ, стоитъ на пролеткѣ извозчика, лошадь котораго отпряжена; сильно жестикулируя, онъ держитъ рѣчь толпѣ; въ правой рукѣ у него какой-то окровавленный предметъ. Всматриваясь внимательнѣй, можно разглядѣть, что это щипцы съ только что вырваннымъ зубомъ, а самъ фокусникъ никто иной, какъ бродячій зубной врачъ.

Передъ нимъ въ пролеткѣ уже сидитъ пациентъ — молодой безусый солдатикъ, которому онъ только что выдралъ зубъ и притомъ, быть можетъ, здоровый, такъ какъ познанія такого „врача“ едва-ли кто-либо контролировалъ.

Погоня за зрѣлищами, страстная любовь къ празднествамъ не имѣетъ предѣловъ у неаполитанца. Съ особенной пышностью справляются праздники въ честь святыхъ. Самые бѣдные кварталы украшаются безчисленными флагами, а вечеромъ зажигается волшебная иллюминація. Тутъ неаполитанецъ предается неподдѣльному, почти дѣтскому веселью, забывая свои болѣзни, свой голодъ, свой поношенный костюмъ.

Даже мертвые, по понятіямъ неаполитанца, любятъ процессіи и пиршества.

„Въ Неаполѣ, говорятъ, существуетъ обычай устраивать въ годовщину смерти близкаго человѣка дутыя похороны: по городу носятъ гробъ пустой, безъ покойника. Шествіе обходится безъ духовенства, но въ немъ участвуютъ церковные братчики, которые попарно несутъ хоругви, флаги и зажженные свѣчи; процессія выходитъ изъ дома семьи покойнаго и направляется на кладбище, къ его могилѣ, гдѣ друзья и товарищи чествуемаго покойника раскупориваютъ бутылки и справляютъ очень шумную тризну.“

НЕАПОЛИТАНСКАЯ ЗООЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦІЯ

Ю. Новоселовъ.

Въ лучшемъ мѣстѣ Неаполя, на берегу моря, раскинулся великолѣпный паркъ „Villa Nazionale“. Здѣсь среди густой зелени дубовъ, акацій, роскошныхъ финиковыхъ и вѣрныхъ пальмъ построено большое бѣлое зданіе, которое снаружи если и обращаетъ

„Villa Nazionale“. Фот. автора.

на себя вниманіе, то лишь благодаря своей простотѣ. Это не храмъ и не дворецъ, а, какъ гласитъ надпись, — „зоологическая станція“ или, какъ ее называютъ неаполитанцы, „il acquario“, т. е. акваріумъ.

Нѣтъ на свѣтѣ такого ученаго натуралиста, который бы не зналъ объ этой станціи, нѣтъ такого зоолога, который бы не стремился сюда, чтобы поработать въ этомъ учрежденіи въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ.

Когда я вошелъ въ подвальное помѣщеніе съ улицы, то меня охватила пріятная прохлада, и я очутился, какъ въ сказкѣ, среди обитате-

лей подводнаго царства. Эффектъ заключается въ томъ, что зритель находится въ темнотѣ, а животныя ярко освѣщены дневнымъ свѣтомъ, проникающимъ въ акваріумъ сверху. Куда ни взглянешь, всюду за толстыми стеклами плаваютъ рыбы, ползаютъ раки, пресмыкаются разныя морскія чудовища.

„Хотите посмотрѣть, какъ осьминогъ охотится за своей добычей?“ спросилъ сопровождавшій насъ русскій ученый И., который

работалъ на станціи, и теперь любезно согласился показать ее соотечественникамъ.

„Будемъ Вамъ очень благодарны!“ былъ нашъ отвѣтъ. Тогда И. сказалъ что-то служителю и подвелъ насъ къ большому отвратительному осьминогу, который притаился у скалы и какъ бы дремалъ, слегка перебирая своими щупальцами.

Вдругъ сверху въ воду упалъ ракъ и началъ медленно опускаться на дно. Осьминогъ вытянулся въ линію и какъ стрѣла кинулся на добычу. Ракъ мгновенно былъ схваченъ щупальцами и отправленъ въ ротъ чудовища. Затѣмъ намъ было показано, какъ сеія скрывается отъ своихъ враговъ.

Когда служитель палкой дотронулся до этого морского чудовища, сеія мгновенно выпустила изъ своего чернильнаго мѣшка сильно красящее вещество. Вода кругомъ помутилась, и хитрое животное исчезло изъ нашихъ глазъ неизвѣстно куда.

Знаменитый путешественникъ Нансенъ, работавшій на неаполитанской станціи, говоритъ: „Естествоиспытатель можетъ провести здѣсь цѣлые часы лицомъ къ лицу съ рѣдчайшими явленіями морской фауны, наблюдая жизнь въ самыхъ рѣдкихъ ея формахъ, и можетъ за это время научиться куда большому, чѣмъ прочитавъ массу толстыхъ, мудреныхъ книжищъ и перерывъ мертвыя сокровища всѣхъ музеевъ“.

Изъ подвального помѣщенія, гдѣ находится акваріумъ, И. провелъ насъ наверхъ и показалъ библіотеку, въ которой есть и русскія книги. Затѣмъ мы прошли въ помѣщеніе, гдѣ занимаются ученые. Каждому изъ нихъ отведена отдѣльная комната; но при большомъ сѣздѣ приходится садиться и по двое въ томъ же помѣщеніи.

Всѣ нужныя естествоиспытателю животныя, въ какомъ угодно количествѣ, доставляются сюда, такъ какъ при станціи имѣются свои пароходы, лодки и даже опытные рыболовы. Достаточно лишь заявить о своемъ требованіи консерватору.

Говоря о неаполитанской станціи, необходимо сказать объ ученомъ, благодаря энергіи и трудамъ котораго возникло это полезнѣйшее учрежденіе.

Въ 1870 году приватъ-доцентъ Іенскаго университета Антонъ Дорнъ обратился къ городу Неаполю съ просьбой отвести ему мѣсто въ паркѣ, „Villa Nazionale“, для устройства зоологической станціи. Городскія власти сначала очень недовѣрчиво и недружелюбно отнеслись къ ходатайству чужестранца.

Послѣ долгихъ трудовъ и разочарованій молодому ученому всетаки удалось добиться своей цѣли. Черезъ 4 года станція была построена и открыта. Теперь всѣ культурныя государства, чтобы дать своимъ ученымъ возможность поработать на станціи, поддержи-

вають ее. Помимо Германіи, дають средства Італія, Бельгія, Голландія, Англія, Швейцарія. Россія также имѣетъ право на 4 мѣста.

„Черезъ одно, много черезъ 2 столѣтія, земля покроеся цѣлой сѣтью подобныхъ же зоологическихъ станцій“, говорилъ Дорнъ, и предсказанія ученаго сбываются.

По примѣру Неаполитанской станціи стали основываться такія же въ разныхъ мѣстахъ Европы и въ другихъ частяхъ свѣта: въ Японіи, въ Сѣверной Америкѣ.

Первой русской станціей была „Севастопольская біологическая“, второй — „Соловецкая“ на Бѣломъ морѣ, третьей — маленькая въ Финскомъ заливѣ около Гельсингфорса.

Геніальная идея Дорна повела ученыхъ дальше. Стали изучать такимъ путемъ не только море, но и рѣки.

ВЕЗУВІЙ И ЕГО ИЗВЕРЖЕНІЕ ВЪ 1906 ГОДУ.

(Извлеченіе изъ реферата проф. Д. Н. Анучина и по разсказамъ очевидца).

Везувій находится въ 10 верстахъ отъ Неаполя, недалеко отъ берега Неаполитанскаго залива. Онъ представляетъ собою полого возвышающійся конусъ, расположенный передъ другой горой, monte Somma, имѣющей форму полукольца. Эта гора — тоже вулканъ, но очень древній, наполовину разрушенный, отъ котораго осталась только сѣверная часть.

Везувій впервые на памяти исторіи заявилъ себя вулканомъ въ 79 году, когда массой пепла, lapilli и грязевыми потоками были засыпаны и занесены цвѣтушіе города: Помпея, Геркуланумъ и Стабія.

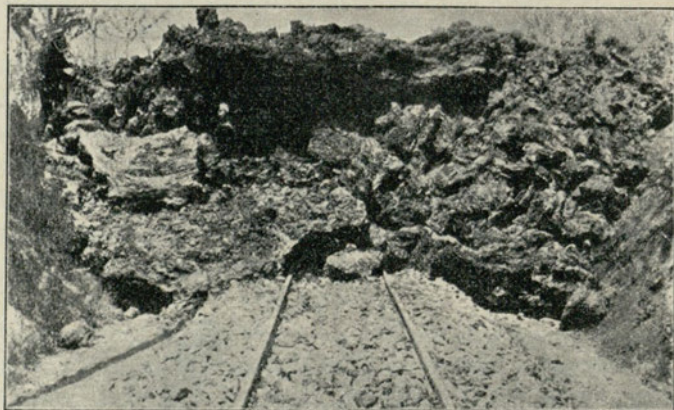
Послѣ того Везувій много разъ проявлялъ свою дѣятельность. Временами десятки, даже сотни лѣтъ, вулканъ оставался спокоенъ. Съ 12-го до 17-го вѣка, въ теченіе почти пяти столѣтій не было ни одного изверженія. Цѣлыя поколѣнія привыкли видѣть въ Везувіи простую гору; кругомъ его распространились поля, виноградники, въ самомъ кратерѣ выросла роща деревьевъ, и только немногія отверстія, испускавшія газы (фумаролы) напоминали о вулканической дѣятельности. Но въ декабрѣ 1631 года Везувій снова заявилъ о таящихся въ немъ силахъ.

Въ 17-омъ вѣкѣ было четыре изверженія, въ 18-мъ уже 23 и въ 19-мъ можно насчитать ихъ 24. При нѣкоторыхъ изверженіяхъ потоки лавы спускались до моря и выливались въ него.

Въ 1905 году съ мая началось небольшое изверженіе, сопровождавшееся истеченіемъ лавы. Возникли два потока лавы.

Западный потокъ въ февралѣ и въ мартѣ 1906 года, постепенно подвигаясь, разрушилъ желѣзную дорогу у обсерваторіи, построенной вблизи кратера и станціи фуникулера.

Болѣе значительное изверженіе началось 4-го апрѣля н. стили. Утромъ въ этотъ день только что указанный потокъ лавы пришелъ снова въ движеніе. Послѣ полудня въ тотъ день поднялся мощный столбъ пара, разошедшійся на большой высотѣ.

Лавя Везувія залила полотно ж. дороги.

5-го и 6-го апрѣля изверженіе не прекращалось, а 7-го оно усилилось; его сопровождалъ глухой шумъ и мѣстные сотрясенія. Изъ

Потокъ лавы, разрушившій зданіе.

кратера вырвался опять столбъ паровъ въ видѣ пиніи; въ немъ сверкали молніи, изъ него падали lapilli и камни. На юго-восточномъ склонѣ потокъ лавы двигался со скоростью, доходившею мѣстами до

10 метровъ въ минуту. Ширина потока варіировала отъ 50 до 400 метр., высота (или толщина) отъ 2—7 метровъ.

Потокъ этотъ прошелъ черезъ селеніе Bosco-Trecase и остано-вился только утромъ у клабища Torre Annunziata.

„Текущая лава — писалъ очевидецъ — образовала въ своемъ теченіи волны, набѣгавшія одна на другую, которыя напоминали стадо испуганныхъ барановъ, бѣжавшихъ внизъ по склону горы. Поверхность потока имѣла темнорозовый цвѣтъ, прорѣзанный красными прожилками; воздухъ кругомъ былъ наполненъ сѣрнистыми парами; жаръ былъ до того сильный, что все деревянное: постройки, лѣсъ разомъ вспыхивали, желѣзо растоплялось, каменные стѣны распадались, вода въ цистернѣ подымалась столбомъ пара, весь пейзажъ кругомъ какъ бы подернулся легкой дымкой.

Потокъ лавы привлекъ отовсюду тысячи зрителей, которыхъ не могли даже удержать войска. Они стремились прослѣдить потокъ, взбирались на выступы лавы, подвергаясь часто немалой опасности, какъ отъ временами развѣтвляющагося потока, такъ и отъ суматохи, толкотни и отъ падающихъ вулканическихъ продуктовъ.

Одновременно съ истеченіемъ лавы изверженіе массы *lapilli* и черного пепла усилилось 8-го апрѣля до такой степени, что Везувій пересталъ быть виденъ и во всей окрестности стало темно.

Пепель падалъ сначала теплый и затруднялъ даже движеніе пароходовъ по заливу. Такъ, одинъ пароходъ, вышедшій съ пассажирами изъ Капри въ Неаполь, долженъ былъ остановиться влѣдствіе темноты и сильного паденія пепла на палубу. Солнце скрывалось въ темныхъ облакахъ, а если проглядывало, то казалось голубымъ; море имѣло своеобразную свѣтло-синюю окраску.

Въ окрестностяхъ Везувія деревья, кустарники, рощи, вся южная роскошная растительность, радовавшая прежде глазъ путешественника, — все было теперь окутано, какъ снѣгомъ зимой, сѣрымъ саваномъ пепла. Вся огородная растительность погибла, пальмы обломались подъ тяжестью пепла. На всѣхъ крышахъ стояли люди, сбрасывавшіе внизъ кучи золы, — предосторожность необходимая, такъ какъ иначе крыши могли провалиться отъ неожиданной тяжести, что и произошло кое-гдѣ. Но самой печальной стороной картины были толпы жителей, бѣжавшихъ отъ изверженія: ихъ было, говорятъ, до 150,000. Они тѣснились у станцій и вдоль желѣзной дороги, ломались въ поѣзда, лѣзли на локомотивы, на крыши вагоновъ, умоляя, чтобы ихъ скорѣе увезли. Они были въ лохмотьяхъ и умирали съ голода, такъ какъ бѣжали впопыхахъ, лишившись всего или почти всего, что имѣли. Правительственная помощь въ видѣ раздачи провизіи приходила неправильно, поздно и въ недостаточномъ количествѣ. Женщины несли съ собой дѣтей и кое-ка-

кую домашнюю утварь; инья, рыдая, рассказывали, что растеряли въ катастрофѣ своихъ дѣтей или братьевъ.

Когда я прїѣхалъ въ Неаполь, здѣсь царила больше чѣмъ ночная темнота, хотя солнце стояло высоко надъ горизонтомъ. Фонари почти не могли бороться съ темнотой, такъ какъ все время падалъ густымъ дождемъ пепелъ, не дававшій электрическимъ и газовымъ лучамъ далеко распространяться.

Обычный шумъ Неаполя прекратился. Трамвайные вагоны прекратили движеніе, почти всѣ лавки и магазины были закрыты, такъ же какъ и учебныя заведенія, музеи, театры. Шаги прохожихъ и движеніе экипажей не слышны по ковру изъ пепла. Раздавалось заунывное пѣніе процессій, слѣдовавшихъ за статуями святыхъ.

Я присутствовалъ при томъ, какъ народъ, оттѣснивъ солдатъ, заграждавшихъ входъ въ соборъ, выломалъ его двери, снялъ съ алтаря статую св. Януарія. „Sant-Gennare, fate un miraculo! Grazia! Grazia! (Св. Януарій, соверши чудо!)“ кричала толпа въ промежуткахъ между пѣснопѣніями; потомъ всѣ рыдая становились на колѣни, бѣя себя въ грудь и умоляя о прощеніи грѣховъ. Этой сценѣ, производившей потрясающее впечатлѣніе, аккомпанировали съ одной стороны колокольный звонъ, а съ другой — подземные удары Везувія, подобные пушечной пальбѣ. Женщины, терзая распущенные волосы, бѣгали съ воемъ и причитаніями, совершенно какъ помѣшанныя; на углахъ улицъ, передъ статуями святыхъ и Мадонны женщины, мужчины и дѣти молились на колѣняхъ; прохожіе останавливали вась, рассказывая что-то безсвязное съ сумасшедшими жестами, пересыная рѣчь восклицаніями по адресу святыхъ и Мадонны.

10-го апрѣля утромъ отъ массы скопившагося пепла обрушилась въ Неаполь желѣзная крыша рынка Monte Oliveto и задавила много народа. Это навело особенный ужасъ на всѣхъ. Я былъ въ толпѣ, когда при истерическихъ крикахъ женщинъ разнеслось извѣстіе объ этомъ. Napoli Seguirà! (Теперь очередь за Неаполемъ!) — кричали со всѣхъ сторонъ.

Въ нѣсколькихъ тюрьмахъ взбунтовались заключенные, крича, что ихъ хотятъ похоронить подъ развалинами тюремныхъ зданій, требуя, чтобы ихъ выпустили на свободу; нѣкоторые изъ нихъ, обезумѣвъ отъ страха, бросались съ крыши внизъ и разбивались о мостовую.“

12-го апрѣля начало свѣтлѣть; падавшій пепелъ былъ красновато-сѣраго цвѣта (алый) и болѣе мелкій. 13-го апрѣля пепелъ получилъ уже свѣтло-сѣрый (бѣловатый) цвѣтъ, что явилось успокоительнымъ признакомъ; изъ опыта прежнихъ изверженій неаполитанцы знаютъ, что пепелъ такого цвѣта предвѣщаетъ скорый конецъ изверженія.

Пепелъ продолжалъ падать и въ слѣдующіе дни, но 16-го

Везувій сталь уже виденъ изъ Неаполя. Это были послѣдніе пароксизмы, и черезъ нѣсколько дней небо прояснилось, показалось солнце, и ландшафтъ сталь принимать свой обычный видъ.

Героемъ въ эти дни выказалъ себя директоръ Везувіанской обсерваторіи профессоръ Маттеуччи. Не взирая на то, что служащіе его бросили, онъ продолжалъ оставаться на своемъ посту. Обрекиши себя почти на вѣрную смерть, онъ дѣлалъ наблюденія и сообщалъ обо всемъ въ Неаполь, гдѣ ждали съ нетерпѣніемъ каждое его слово. Благодаря этому дѣятельность Везувія въ 1906 году подверглась особенно тщательному изученію.

Изверженіе паровъ происходило иногда съ такой силой, что они уносились далеко вверхъ и только тамъ расходились облакомъ, такъ что весь столбъ паровъ получалъ сходство со стволомъ и кроной пиніи. Высота пиніи была въ разные моменты не одинакова, отъ 2500 до 8000 метр.

Можно было иногда наблюдать, что пары выходили не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ отверстій въ кратерѣ.

Выдѣленіемъ паровъ сопровождались и потоки лавы. Остывая, лава послѣдняго изверженія принимала неровный, бугристый и изломанный видъ, выказывая какъ бы сложеніе изъ массы беспорядочно нагроможденныхъ черныхъ глыбъ. Это — такъ называемая „глыбовая“ лава, въ отличіе отъ „волнистой“, поверхность которой напоминаетъ нѣсколько извилины кишекъ или большого головного мозга.

Лавы Везувія, изверженные въ разное время, выказывали то одинъ, то другой видъ: глыбовая лава получается при быстромъ ея испареніи и остываніи, а волнистая — при медленномъ и болѣе постепенномъ.

Извергаемые Везувіемъ камни и округленные бомбы, состоя изъ обломковъ лавъ, въ послѣднее изверженіе не превышали 5 фунтовъ, но въ прежнія времена выпадали камни много большей величины. Маттеуччи приводитъ фотографію одной вулканической глыбы, выброшенной Везувіемъ 9-го мая 1900 года; объемъ ея около 12 куб. метровъ, а вѣсъ около 30 тоннъ.

Въ 1906 году пепель Везувія уносился верхними воздушными теченіями очень далеко по ту сторону Адриатическаго моря. Въ Римѣ листья растений, выставленныхъ на балконахъ домовъ, обращенныхъ на югъ, покрывались мелкой пылью, повидимому везувіанскаго происхожденія. Даже въ Парижѣ утромъ 11-го апрѣля туманъ сопровождался осажденіемъ пыли, изслѣдованіе которой указало на ея полное сходство по микроскопическому и химическому анализу съ пепломъ Везувія 1822 года.

Всего погибшихъ отъ изверженія насчитываютъ около 200 чело-
вѣкъ; большая часть ихъ была задавлена разрушившимися по-

стройками, и лишь небольшое число, около десятка, — преимущественно дѣти — умерли отъ ранъ, произведенныхъ падавшими раскаленными lapilli или отъ проникновенія горячаго пепла въ легкія.

Случаевъ смерти отъ какихъ-либо ядовитыхъ газовъ не было. Интересно, что въ домахъ, гдѣ окна не были заперты ставнями, lapilli пробили стекла, причемъ можно было замѣтить такія пронизанныя дырами стекла и на сторонѣ, противоположной Везувію. Населеніе объясняло ихъ ударами молніи, но явленіе это представляется нѣсколько загадочнымъ.

Изверженіе вызвало замѣтное измѣненіе въ очертаніяхъ конуса Везувія. Ранѣе вершина его была острѣе, послѣ она стала тупой, срѣзанной.

Послѣднее изверженіе не могло не привлечь къ себѣ общественнаго вниманія. Появились статьи, вызванныя желаніемъ ознакомить широкіе круги публики съ причиною вулканическихъ изверженій. Проф. Тучимей (геологъ), указавъ на присутствіе сильнаго жара внутри земли и на существованіе въ ней огненно-жидкаго ядра, объяснилъ изверженіе — реакціей этого ядра при посредствѣ пара, образующагося отъ проникновенія въ нѣдра земди съ ея поверхности воды.

Статья эта вызвала немедленно возраженіе со стороны проф. Блазерна (физика), доказывавшаго, что утвержденія геологовъ относительно огненно-жидкаго состоянія земнаго ядра должны быть признаны устарѣвшими и не выдерживающими критики. Въ глазахъ физиковъ земля — твердое тѣло.

Сплюснутость земнаго шара у полюсовъ, обусловленная его вращеніемъ, сходна съ тою, какую бы получилъ при такой же скорости вращенія шаръ, составленный изъ стекла или стали (1/289). А если бы земной шаръ состоялъ изъ тонкой коры и жидкаго ядра, то сплюснутость его у полюсовъ должна была бы быть въ 40 разъ больше.

Съ другой стороны, какими грандіозными ни казались многія вулканическія изверженія, количество истекающей при этомъ лавы, по сравненію съ массою земли, очень невелико, а это дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ, что лава происходитъ не изъ расплавленнаго ядра земли, а изъ небольшихъ, находящихся неглубоко подъ поверхностью земли, вулканическихъ очаговъ, которые образуются вслѣдствіе мѣстныхъ химическихъ процессовъ подъ вліяніемъ проникающей въ эти мѣста воды.

Внутренность земли, по многимъ признакамъ, твердая и температура ея едва ли выше 1000°. Слѣдовательно, вулканы суть мѣстная явленія въ поверхностныхъ слояхъ земнаго шара.

Таково различіе взглядовъ между геологомъ и физикомъ. Поэтому небезынтересны мнѣнія, высказанныя за послѣднее время другими учеными.

Извѣстный физикъ Ф. Дарвинъ, исходя изъ изученія морскихъ приливовъ, пришелъ къ заключенію, что ядро земли должно имѣть плотность стали.

Извѣстный сейсмологъ Мильнъ, измѣряя скорость распространенія волнъ землетрясеній черезъ кору земли и черезъ ея ядро,

убѣдился, что земная кора не должна быть толще 30 миль, и что ядро земли отличается большею однородностью сложенія и большею плотностью.

Сводя все эти мнѣнія, Griffiths на послѣднемъ съѣздѣ британской ассоціаціи ученыхъ (въ 1906 году) пришелъ къ заключенію, что земное ядро, одѣтое сравнительно тонкой корой, сложено изъ однороднаго вещества, имѣющаго твердость стали и плотность 5,6 при температурѣ не выше 1500 Ц.

Но если это мнѣніе о состояніи ядра земли ближе къ истинѣ, то продолжающая господствовать и теперь „туманная“ гипотеза Канта-Лапласа о происхожденіи солнечной системы, въ томъ числѣ и нашей земли, изъ газовой туманности должна быть признана сомнительной.

ПОМПЕЯ.

Юр. Новоселовъ.

Событіе, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, произошло 24-го августа 79 г. по Р. Хр.

Въ этотъ день жители городка Мизены, живописно лежавшаго на самомъ берегу моря къ югу отъ Неаполя, еще мирно спали, когда восходящее солнце озарило своими лучами темную зелень кипарисовъ и весело заиграло на бѣлыхъ стѣнахъ построекъ.

Не взирая на ранній часъ, старикъ Плиній, извѣстный римскій ученый и писатель, уже не спалъ, а работалъ въ кабинетѣ своей виллы. Вдругъ къ нему вбѣжала сестра и, задыхаясь отъ волненія, проговорила: „Что-то ужасное творится на небѣ. Выйди скорѣй посмотреть“.

Плиній не любилъ, чтобы его отрывали отъ дѣла, но ужасъ сестры и подземный гулъ заставили выйти его въ садъ.

По небу ползла зловѣщая туча, точно огромная сосна пинія съ высокимъ стволомъ; она быстро увеличивалась и застилала все больше и больше небосклонъ.

„Скорѣе лодку! — крикнулъ старикъ. — Надо изслѣдовать это удивительное явленіе“.

Но не успѣлъ старикъ докончить своихъ распоряженій, какъ вбѣжалъ весь въ пыли запыхавшійся рабъ его друга Басса, жившаго въ Стабіи близъ самага Везувія.

„Наша виλλα трясется, все потеряли голову. Меня послали сообщить о несчастіи“ — говорилъ прибѣжавшій.

Плиній еще больше сталъ торопиться съ отплытіемъ. А между тѣмъ море бушевало.

Не успѣлъ Плиній отчалить отъ берега, какъ на его спутниковъ напалъ страхъ. Рулевой растерялся и не могъ направлять лодку, куда хотѣлъ; онъ началъ умолять Плинія вернуться, но ученый сторалъ желаніемъ изслѣдовать невиданное явленіе, а кромѣ того любовь къ Бассу и его семьѣ заглушили въ немъ страхъ передъ опасностью.

„Смѣлому покровительствуетъ судьба!“ воскликнулъ Плиній и приказалъ рулевому плыть дальше. Между тѣмъ, видимо, морское дно колебалось, и выростали новыя мели. Въ воздухѣ чувствовался запахъ сѣры, а сверху сыпался пепелъ и падали раскаленные камни.

Спутники Плинія уже считали себя обреченными на гибель. Только старый ученый не потерялъ присутствія духа; онъ, стоя на кормѣ рядомъ съ рулевымъ, пытливо наблюдалъ грозное явленіе природы.

Но, вотъ, и желанный берегъ, котораго всетаки достигли благополучно послѣ страшныхъ усилій.

Семью Басса Плиній засталъ въ отчаяніи. Всѣ готовились къ бѣгству: собирали пожитки, прятали драгоценности, женщины съ блѣдными лицами молили боговъ о пощадѣ.

Плиній началъ успокаивать друзей: „Вѣрьте мнѣ, опасности большой нѣтъ“, говорилъ онъ, и въ доказательство своихъ словъ, не торопясь, выкупался, пообедалъ и попросилъ, чтобы ему отвели для отдыха комнату.

Утомленный старикъ скоро крѣпко заснулъ, но не надолго.

„Вставай скорѣй и спасайся!“ разбудили его вбѣжавшіе люди.

Старикъ поднялся и сразу не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ. Земля колебалась такъ, что стѣны дома дрожали, мебель падала, статуи предковъ валялись съ пьедесталовъ. Въ стѣнахъ виллы нельзя было долѣе оставаться. Закрывъ головы подушками, всѣ бросились къ морю, но послѣднее такъ бушевало, что ѣхать по немъ было слишкомъ рискованно.

Въ изнеможеніи старикъ прилегъ на землю; онъ съ трудомъ дышалъ. „Воды, ради самихъ боговъ!“ застоналъ Плиній.

Рабы поспѣшили утолить его жажду, но въ это время такія массы пепла и камней начали падать на Стабію, что всѣхъ охватила паника.

Крикъ и вопли раздались со всѣхъ сторонъ. Рабы бѣжали безъ оглядки, друзья также покинули Плинія.

А черезъ нѣсколько дней бездыханный трупъ старика отыскалъ его племянникъ Плиній младшій, изъ писемъ котораго мы узнали подробности гибели его дяди и о самомъ ходѣ изверженія, погубившаго Стабію, Геркуланумъ и Помпею.

Когда изверженіе окончилось и жители вернулись на свое пепелище, то увидѣли, что дома ихъ разрушены землетрясеніемъ и засыпаны пепломъ на высоту 4 — 6 метровъ.

Никто и не подумалъ возстановлять своихъ жилищъ, а только нѣкоторые старались отрыть болѣе цѣнныя вещи, но вскорѣ и этого не стали дѣлать.

Такимъ образомъ мѣсто, гдѣ стояли города, было заброшено, а съ теченіемъ времени сверху образовалась почва, появилась растительность, поселились люди, и никто не подозрѣвалъ, что подъ ногами погребены города. Только въ серединѣ XVIII столѣтія, т. е. черезъ 17 вѣковъ, одинъ крестьянинъ, когда рылъ колодезь, то нашелъ статуи и бронзовые предметы. Это побудило неаполитанскаго короля Карла начать раскопки Помпеи.

Вскорѣ отрыли театръ, амфитеатръ и часть улицы гробницъ; но такъ какъ искали главнымъ образомъ цѣнные предметы, а ихъ находили сравнительно мало, то работа подвигалась медленно, а временами она даже совсѣмъ прекращалась. Иногда производились для удовольствія знатныхъ иностранцевъ мнимыя раскопки, т. е. ранѣе найденныя вещи закапывали, чтобы „найти ихъ вторично“. Такъ пытались обмануть австрійскаго императора Юсифа II. „Лишь только появился высокій гость, сопровождаемый неаполитанскимъ королемъ, королевой и блестящимъ дворомъ, какъ въ раскапываемомъ домѣ посыпались одна находка за другою: найдены были серебряный листъ съ фигурами въ рельефѣ, бронзовые сосуды, форма для печенья, пять вывѣсокъ для дверей, замокъ, десять монетъ, ключъ, кусокъ свинцовой трубки, стеклянный сосудъ, двѣ стеклянныя пуговицы, пластинка слоновой кости съ украшениями, два глиняныхъ блюда, лампа, голова Юпитера изъ терракоты и много другихъ предметовъ. Императоръ усомнился и заподозрилъ, что этотъ сюрпризъ подготовленъ ему нарочно, а потому попросилъ начать раскопки въ другомъ мѣстѣ.

Его желаніе исполнили, но здѣсь не могли найти ничего, кромѣ скелета и двухъ монетъ“.

Только съ 1860 года, когда Неаполь вошелъ въ составъ итальянскаго королевства, и когда во главѣ работъ сталъ археологъ Фіорелли, раскопки стали производиться въ строгой системѣ.

Въ настоящее время откопано $\frac{2}{5}$ всего города, и матеріаль, добытый отсюда, имѣетъ огромное научное значеніе.

Передъ нашими глазами раскрылась въ мельчайшихъ подробностяхъ картина жизни людей I-аго вѣка по Р. X.

Такъ какъ катастрофа застигла помпеянцевъ неожиданно, то они могли унести и увезти немного, а пепель, засыпавшій города, сохранилъ намъ все въ полной неприкосновенности.

Теперь каждый, вошедшій въ городъ, невольно переживаетъ

все, что онъ раньше читалъ о жизни древнихъ и видѣлъ на картинахъ. Узкія улицы съ тротуарами по обѣ стороны мощены большими глыбами лавы, плотно пригнанными другъ къ другу. На мостовой отчетливо видны колеи, образовавшіяся отъ ѣзды экипажей.

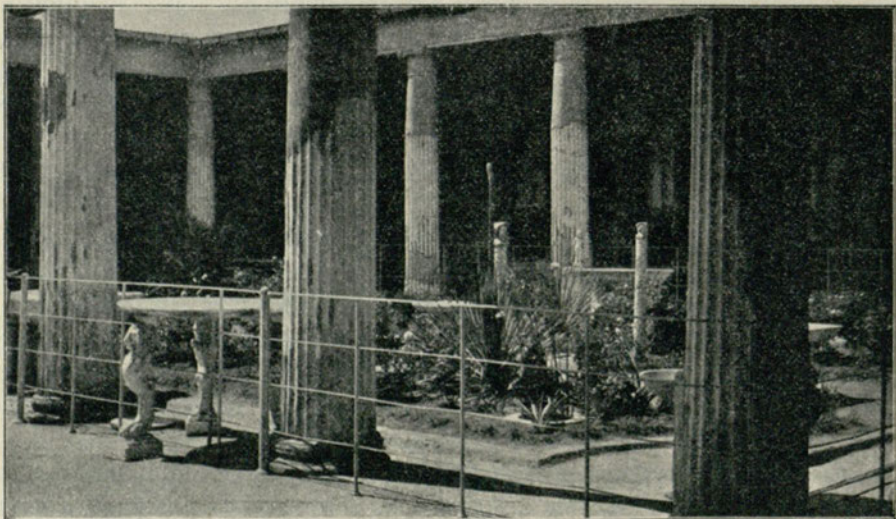

Мостовая и тротуары въ Помпеѣ. *Ф. автора.*

Во многихъ мѣстахъ поперекъ улицы лежатъ большіе камни, по которымъ въ сырую погоду удобно переходить съ одной стороны улицы на другую. На углахъ улицъ попадаются фонтаны, украшенные масками и головами божествъ.

Площади, храмы, театры, бани въ Помпеѣ даютъ намъ представленіе объ общественной жизни римлянина; но такого рода древнія строенія сохранились до насъ и въ другихъ мѣстахъ Италіи и Греціи, благодаря своей прочной постройкѣ; домашняя же, семейная жизнь римлянина, можетъ быть, изучена только въ Помпеѣ.

Площади, храмы, театры, бани

Внутри помпейнскаго дома.

Поэтому войдемъ въ какой-либо изъ домовъ. Снаружи [нѣтъ ни фасада, ни оконъ и никакихъ украшеній.

Небольшая дверь ведетъ въ корридоръ. На порогѣ привѣтливая надпись „salve“ (здравствуй, будь здоровъ). Тутъ висѣлъ ученый попугай, который также привѣтствовалъ гостя, а съ другой стороны рычала собака, о чемъ предупреждаетъ надпись „cave canem“ (берегись собаки). Вѣроятно, впоследствии собаки не было, но по традиціи дѣлали на полу мозаичное изображеніе ея.

Изъ корридора гость вступалъ прямо въ большой дворъ (atrium), окруженный крытой галлереей съ бассейномъ посерединѣ, куда стекала дождевая вода. Съ боковъ помѣщались маленькія комнаты для пріема и отдыха гостей, а на противоположной сторонѣ отъ входа находилось самое парадное мѣсто (Tablinum). Здѣсь хранились портреты предковъ и предметы роскоши. Въ этомъ мѣстѣ хозяинъ принималъ гостей, подчиненныхъ, занимался дѣлами. Такимъ образомъ, передняя часть дома была пріемной, а собственно жилыя комнаты расположены дальше. Одинъ или два корридора ведутъ на другой дворъ (Peristyllium); онъ также съ крытой галлереей, колоннами и съ бассейномъ для воды. Къ этому двору прилегали спальни и столовыя, особыя для зимы и для лѣта, общая зала, кухня, а дальше былъ садъ.

Кромѣ того, при многихъ домахъ находились помѣщенія, которыя отдавались внаймы ремесленникамъ и торговцамъ. У самаго тротуара былъ каменный прилавокъ, на который торговецъ днемъ выкладывалъ свой товаръ.

Въ нѣкоторыхъ домахъ замѣтны слѣды лѣстницъ, ведущихъ наверхъ. Это съ несомнѣнностью доказываетъ, что въ помпеянскихъ домахъ былъ еще этажъ, гдѣ жили родственники, дѣти, прислуга. Но эти вторые этажи не сохранились, и только у одного дома удалось возстановить верхнюю его часть.

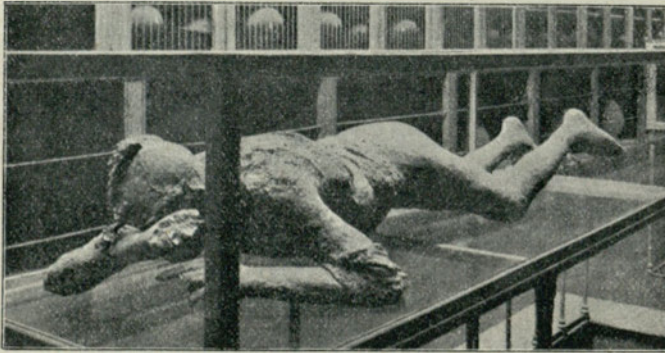
Обстановка внутри домовъ была проще нашей; стѣны и колонны были оштукатурены и сплошь выкрашены въ самые яркіе цвѣта, чаще всего въ красный и желтый.

Теперь, черезъ 19 столѣтій, въ Помпеѣ мы можемъ изучать древнюю живопись и по ней судить о вкусахъ и нравахъ давно жившихъ людей. Небывалыя животныя, фантастическіе пейзажи, летающіе геніи, танцовщицы — таково содержаніе большинства стѣнныхъ картинъ.

Помпея была маленькимъ провинціальнымъ городомъ, поэтому художники, которые расписывали стѣны, были далеко не первоклассные, но оригинальность красокъ, легкость и увѣренность исполненія говорятъ за то, что это лишь копіи съ прекрасныхъ образцовъ. Особого вниманія заслуживаютъ отрытыя въ Помпеѣ вещи изъ глины и металла: треножники, оружіе, украшенія костюма, посуда.

Всѣ эти предметы свидѣтельствуютъ, что у римлянъ того времени искусство стояло высоко, и среди широкихъ массъ развитъ былъ эстетическій вкусъ. Кромѣ того, по этимъ вещамъ и картинамъ можно судить о многихъ подробностяхъ жизни древнихъ. Дѣтскія игрушки, на примѣръ, показываютъ, чѣмъ интересовались дѣти: мальчики играли въ жрецовъ, а дѣвочки въ весталокъ.

Розга также была въ употребленіи. На одной стѣнѣ изображено даже самое наказаніе розгой. Подъ наблюденіемъ строгаго педагога двое мальчиковъ держатъ третьяго, а четвертый его сѣчетъ.

Погибшій помпеянецъ.

въ Помпеѣ. Какъ выяснилось, число погибшихъ было сравнительно не велико, около 2000. Трупы ихъ были покрыты пепломъ и залиты грязью. Пепелъ и грязь затвердѣли и образовали плотную массу, а тѣла отъ времени истлѣли; на ихъ мѣстѣ получились пустоты. Теперь въ такія пустоты вливають гипсъ, который даетъ точное изображеніе людей, а также и животныхъ въ тѣхъ позахъ, какъ ихъ застигла катастрофа.

Такимъ образомъ въ открытомъ городѣ передъ нашими глазами не только въ мельчайшихъ подробностяхъ обстановка древней жизни, но и сами люди. Какъ въ сказкѣ „Спящая царевна“ все уснуло по мановенію волшебницы, и ожило черезъ долгіе годы, такъ и тутъ все проснулось, только не для жившихъ здѣсь, а для науки и искусства.

Лучшія вещи, предметы и картины свезли теперь въ Національный Неаполитанскій музей, но и въ самой Помпеѣ есть небольшой музей. Здѣсь особеннаго интереса заслуживаютъ гипсовые слѣпки людей, погибшихъ

ФЛЕГРЕЙСКІЯ ПОЛЯ.

Юр. Новоселовъ.

Если смотрѣть въ сильный телескопъ на луну, то мы видимъ, что поверхность ея сплошь покрыта потухшими вулканами.

Точно такую же картину челоѣкъ можетъ увидѣть у себя на землѣ; достаточно ему подняться на возвышенность, находящуюся къ западу отъ Неаполя, гдѣ построенъ монастырь Камальдоли.

Отсюда глазамъ наблюдателя въ юго-западномъ направленіи отъ Неаполя до Мизенскаго мыса открывается пространство, покрытое возвышеніями, имѣющими форму вулкановъ. Это — Флегрейскія поля. Тутъ на небольшомъ клочкѣ земли геологи насчитываютъ болѣе 20 вулкановъ. Кратеры ихъ внутри поросли деревьями, присутствіе которыхъ свидѣтельствуетъ, что вулканы эти давно потухли. Среди роскошной растительности у моря видны живописные городки и селенія, говорящіе намъ о большой заселенности прибрежной полосы, а встрѣчающіяся почти на каждомъ шагу развалины показываютъ, что нѣкогда люди жили здѣсь еще въ большемъ числѣ. И дѣйствительно, если мы станемъ разсматривать картины, добытыя изъ раскопокъ Помпеи, то найдемъ среди нихъ ландшафтъ, изображающій прибрежную часть Флегрейскихъ полей. Судя по рисунку, жизнь здѣсь была ключемъ. Обиліе виллъ, дворцовъ, храмовъ, портиковъ, колоннадъ говорятъ намъ, что здѣсь жили богатые римскіе патриціи. Изъ исторіи намъ извѣстно, что эти живописныя мѣста вдохновляли поэтовъ. Вергилій и Цицеронъ писали здѣсь свои произведенія.

Въ глазахъ древнихъ это и былъ прославленный поэтами „кусокъ неба, упавшій на землю“. Въ настоящее время Флегрейскія поля возбуждаютъ къ себѣ интересъ не столько своей красотой, сколько геологическимъ строеніемъ.

Взявъ въ Неаполѣ извозчика, мы прежде всего направились къ извѣстной каждому образованному челоѣку Собачьей пещерѣ. Проѣхавъ черезъ длинный тоннель, пробитый сквозь возвышенность, окружающую городъ съ запада, мы очутились въ области Флегрейскихъ полей. „Здѣсь земля рыхлая и горячая“, съ гордостью сообщилъ нашъ болтливый возница, „виноградъ очень любитъ такую почву, поэтому нигдѣ нѣтъ такого хорошаго вина, какъ здѣсь“.

Въ данномъ случаѣ итальянецъ былъ правъ. На Флегрейскихъ поляхъ преобладаютъ рыхлые вулканическіе продукты, застывшей же лавы тутъ очень мало, поэтому растенія имѣютъ уже готовую плодородную почву; къ тому же многіе склоны горъ обращены на югъ въ сторону моря, что такъ любитъ виноградъ.

Сдѣлавъ нѣсколько крутыхъ поворотовъ по пыльной дорогѣ, окруженной садами и виноградниками, мы какъ-то неожиданно очу-

тились на краю какой-то ложбины. Мы бы и не обратили никакого вниманія на нее, если бы возница не остановилъ свою лошаденку и торжественно не произнесъ: „Grotta del Canè.“ Не успѣлъ онъ сказать этихъ словъ, какъ передъ нами стоялъ уже джентльменъ, который очень привѣтливо попросилъ насъ слѣдовать за собой. Впослѣдствіи оказалось, что это былъ проводникъ, совершенно ненужный въ данномъ случаѣ. Мы послѣдовали за нимъ. Любезный джентльменъ ввелъ насъ въ небольшой дворикъ, а затѣмъ, указавъ на деревянную дверь въ скалѣ, попросилъ подождать немного. Вскорѣ онъ явился въ сопровожденіи другого господина, который и отперъ таинственную дверь; за ней была скрыта пещера, ничѣмъ не замѣчательная на видъ. Мы подошли ближе, но не доходя двухъ шаговъ почувствовали, что нашимъ ногамъ стало тепло, даже жарко.

„Повашимъ ногамъ изъ раскаленныхъ нѣдръ земли течетъ смертоносный углекислый газъ, — началъ объяснять заученными словами проводникъ — однако вы можете безбоязненно войти внутрь пещеры, такъ какъ тяжелый газъ стелется по землѣ и не достигаетъ вашихъ органовъ дыханія; если же вы нагнетесь, то это будетъ вашей смертью,“ добавилъ онъ. Затѣмъ проводникъ взялъ небольшой факель, зажегъ его и погрузилъ въ слой углекислоты. Факель погасъ. Обычно предлагаютъ показать на собакъ, какъ быстро наступаетъ смерть отъ углекислоты. Достаточно собаку ввести въ пещеру, какъ она тотчасъ начинаетъ корчиться въ судорогахъ, и если ее немедленно не вынести на свѣжій воздухъ, то несчастное животное тутъ же издыхаетъ. Эти свойства грота были извѣстны уже древнимъ, и онъ съ давнихъ поръ былъ прозванъ „собачьимъ“. Мы не пожелали, чтобы передъ нами продѣлали этотъ жестокий опытъ, а направились осматривать ближайшіе къ гроту мѣста.

Всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ „собачьей“ пещеры выдѣляются изъ земли сѣрные пары.

Оглядѣвшись кругомъ, ясно видишь, что находишься въ кратерѣ вулкана.

Не такъ давно все дно кратера представляло озеро, которое въ 1870 г. искусственно осушили. Интересно, что древніе писатели совершенно не упоминаютъ о Lago d'Agnano, какъ называется теперь это мѣсто. Данное обстоятельство заставляетъ ученыхъ предполагать, что вода появилась здѣсь лишь въ средніе вѣка.

Извозчикъ и сѣвшій съ нимъ на козлы проводникъ повезли насъ дальше къ другому достопримѣчательному мѣсту Флегрейскихъ полей — вулкану Сольфатаръ. Когда мы ступили внутрь кратера, то насъ поразила бѣлая гладкая, какъ полъ, поверхность, на которой мы стояли. „Подъ вами находится пустота“, началъ объяснять проводникъ, „достаточно ударить чѣмъ либо твердымъ о землю, и вы услышите гулъ“. Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ

передъ нами, неизвѣстно откуда, появились два мальчугана, которые стали продѣлывать этотъ немудреный опытъ. Они принесли большой круглый камень и стали бросать его о землю. Гулъ, который раздавался подъ нашими ногами, дѣлалъ впечатлѣніе, что мы стоимъ на тонкой коркѣ, а подъ нами пустое пространство. Такой гулъ заставляетъ ученыхъ предполагать въ кратерѣ Сольфатары пустяка пространства, но, быть можетъ, это явленіе происходитъ вслѣдствіе пористости горной породы, изъ которой сложено дно кратера.

Вулканъ Сольфатару нельзя назвать вполне потухшимъ, такъ какъ въ кратерѣ его во многихъ мѣстахъ выдѣляются газы. Особенно сильно вулканическая дѣятельность проявляется въ его восточной части. Здѣсь сѣроводородъ и водяные пары выходятъ наружу съ шумомъ и ревомъ. По вѣрованію древнихъ, это мѣсто было входомъ въ адъ. Звуки, производимые выходящими газами, признавались за голоса людей, доносящіеся изъ преисподней. Лица съ пылкимъ воображеніемъ слышали „то женскій голосъ, то басъ мужчины, то цѣлый рядъ криковъ и стонувъ“.

Когда проводникъ подвелъ насъ къ самымъ „дверямъ ада“, то насъ обдалъ такой удушливый запахъ сѣроводорода, что мы не могли выдержать и нѣсколькихъ минутъ въ этой зловонной атмосферѣ.

Почти весь конусъ кратера сложенъ изъ трахитоваго туфа, образованнаго изъ рыхлыхъ продуктовъ. Но въ очень далекія времена, о которыхъ не дошло до насъ никакихъ свѣдѣній, Сольфатара изливала также лаву, которая теперь составляетъ часть ея конуса.

Вулканическая дѣятельность Сольфатары остается на памяти людей неизмѣнной. По описанію Страбона, и въ его времена этотъ вулканъ имѣлъ ту же напряженность, поэтому въ наукѣ принято говорить про всякіе другіе вулканы, давно не изливавшіе лавы, а выдѣляющіе только сѣрнистый газъ и сѣроводородъ съ парами воды, что они „находятся въ состояніи или напряженіи Сольфатары“.

Образованіе вулкановъ на Флегрейскихъ поляхъ произошло очень давно, но про всеъ этого сказать нельзя. Среди нихъ есть одна гора, выросшая на глазахъ у людей сравнительно въ недавнее, новое время, она такъ и называется „Monte Nuovo“.

28-ого сентября 1538 года въ 12 часовъ пополудни у городка Поццуоли „дно моря обнажилось на разстояніи 600 локтей; — пишетъ очевидецъ — жители городка собирали рыбу, которая валялась на пескѣ и увозили ее цѣлыми возами. 29-го сентября около 8 часовъ утра тамъ, гдѣ раньше образовалась огненная пропасть въ $\frac{1}{2}$ мили, земля опустилась на 6 локтей, и произошло изверженіе водяного столба. Около полудня того же дня земля начала вздуться, и къ вечеру часть мѣстности, опустившаяся раньше, стала сильно подниматься. Приблизительно въ то же время появился изъ-подъ земли яркій огонь, и разверзлась пропасть съ такимъ ужас-

нымъ грохотомъ и шумомъ, что я, находясь въ то время въ саду, былъ сильно напуганъ всѣмъ этимъ; я добрался до вершины ближайшаго холма, и чудное зрѣлище представилось глазамъ моимъ. Вмѣстѣ съ огнемъ летѣли вверхъ земля и камни и падали сверху обратно недалеко отъ огненной пасти. Въ морѣ они образовали громадную мель, которая пріобрѣла форму дуги.

Въ сторонѣ, обращенной къ Поццуоли, появилась гора, и на протяженіи 70 миль въ окружности земля и деревья были покрыты пепломъ. Въ моемъ имѣніи не было ни одного листочка, который не былъ бы засыпанъ, а возлѣ Поццуоли на разстояніи 6 миль кругомъ вѣтви всѣхъ деревьевъ были изломаны; трудно было даже представить себѣ, что здѣсь недавно была богатая растительность; ее уничтожилъ градъ, который былъ здѣсь крупень, мягокъ, тяжелъ и имѣлъ запахъ сѣры; онъ не только сломалъ деревья, но и убилъ много зайцевъ, птицъ и другихъ мелкихъ животныхъ.

Вчера я посѣтилъ опять Поццуоли, но теперь наблюдать было нечего: стояла гора — и больше ничего“.

„Изъ этого письма, говоритъ профессоръ Неймайръ, можно заключить, что Monte Nuovo появилась среди равнины и что изверженіе происходило вовсе не изъ стараго, уже раньше дѣйствовавшаго кратера, какъ это нѣкоторые думали“.

Къ только что приведеннымъ словамъ очевидца нужно добавить, что въ октябрѣ того же года вулканическая дѣятельность Monte Nuovo возобновилась, и до января наблюдали выходившій изъ кратера паръ, а затѣмъ вулканъ потухъ.

Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Monte Nuovo находятся два озера, которымъ суждено было играть видную роль въ древней исторіи. Одно, Lago Lucrino, почти у самаго берега моря, отдѣленное отъ него лишь узкой полосой земли, а другое, Lago Averno, къ сѣверу отъ перваго.

Имѣя крутые берега и будучи круглой формы, Lago Averno представляетъ типичный кратеръ вулкана, наполненный водой.

Императоръ Августъ задумалъ использовать Авернское озеро, какъ удобную спокойную морскую гавань и поручилъ оборудование ея Агриппѣ.

Самой трудной работой было соединить оба озера, но римскіе инженеры удачно разрѣшили эту задачу.

Горацій и Вергилій прославляютъ, какъ чудо искусства, построенную здѣсь гавань (Portus Julius), но, къ сожалѣнію, сооруженный съ такимъ трудомъ портъ вскорѣ началъ мелѣть и его пришлось перенести въ другое мѣсто, именно къ Мизенскому мысу.

Въ южной части Авернскаго озера сохранились теперь проходы и гроты, которые нужно поставить въ тѣсную связь съ сооружениями порта Julius'a, но вулканическія силы, проявляющіяся здѣсь повсюду въ видѣ тепла и газовъ, побуждали людей съ древнихъ

временъ устраивать теплыя ванны и бани. Остатки сооруженій такого рода въ этихъ узкихъ проходахъ увиты легендами и сказаніями о Неронѣ и Сибиллѣ. Проводники намъ показали очень опредѣленно мѣсто, гдѣ, по Вергилію, Сибилла провела Энея въ подземное царство. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полъ залитъ водою; проводники посадили насъ къ себѣ на спины и такимъ образомъ перенесли изъ одной подземной галереи въ другую. Несшій мою жену съ гордо-стью сообщилъ, что на его спинѣ переправлялись многія высокопоставленныя лица, и не такъ давно онъ переносилъ даже итальянскую королеву. Этотъ рассказъ послужилъ, конечно, ему поводомъ требовать съ насъ за свой трудъ двойную плату.

Среди различныхъ проявленій вулканической дѣятельности прибрежная часть Флегрейскихъ полей представляетъ очень цѣнный въ научномъ отношеніи примѣръ поднятія и опусканія земной коры. Съ полной очевидностью это можно наблюдать около Поццуоли на развалинахъ храма Юпитера Сераписа; мраморныя колонны, сохранившія до насъ свое вертикальное положеніе, начиная съ высоты $3\frac{1}{2}$ до 7 метровъ, испещрены характерными отверстиями, которыя просверлило морское животное, моллюскъ — *Modiola litophaga*. Данное обстоятельство свидѣтельствуетъ, что храмъ Сераписа былъ сначала построенъ высоко на берегу, затѣмъ онъ былъ затопленъ моремъ, и, наконецъ, снова оказался на сушѣ. Слѣдовательно, весь берегъ вмѣстѣ съ постройками сначала опустился, а потомъ поднялся. Ученые даже сообщаютъ подробности этого явленія, а именно, на основаніи количества различныхъ морскихъ животныхъ, попадающихся въ пластахъ известковаго наноса, покрывшаго нижнюю часть храма, они дѣлаютъ заключеніе, что „опусканіе было крайне медленное, а поднятіе быстрое и кратковременное“.

Древніе искали на Флегрейскихъ поляхъ входа въ царство подземныхъ боговъ. Современный ученый натуралистъ долженъ надъ этимъ призадуматься. Быть можетъ здѣсь именно находится то мѣсто, гдѣ путемъ наблюденія надъ природою и проявленіями подземныхъ силъ, наконецъ, удастся разрѣшить вопросъ о состояніи внутренности нашей планеты, т. е. другими словами мысленно проникнуть въ „подземное царство“ древнихъ.

КАПРИ.

Ю. Новоселовъ.

Неаполитанскій заливъ, занимая площадь въ 100 квадратныхъ верстѣ, окаймленъ на сѣверо-западѣ островами Прочидой и Исхией, а на югѣ островомъ Капри.

По своему геологическому происхожденію первые два острова являются естественнымъ продолженіемъ Флегрейскихъ полей, а островъ Капри — не что иное, какъ отдѣлившійся кусокъ Соррентинскаго полуострова.

Капри съ древнихъ временъ до нашихъ дней пользуется славою одного изъ лучшихъ и интереснѣйшихъ уголковъ міра. Отсутствие сырости, чистота воздуха вслѣдствіе постоянныхъ вѣтровъ, теплая весна, виноградное лѣченіе осенью, и особенно морскія купанія лѣтомъ привлекаютъ сюда лицъ, ищущихъ мягкаго и сухого климата.

Капри. Ф. автора.

Почти всегда ясное небо, синее море, живописное очертаніе прибрежныхъ скалъ и античная красота жителей манятъ къ себѣ художника. А нѣкоторыя геологическія особенности острова и въ изобиліи сохранившіеся памятники глубокой старины призываютъ сюда ученыхъ.

Въ настоящее время на островѣ 6 тысячъ жителей, тогда какъ иностранцевъ, посѣщающихъ ежегодно островъ, около 40 тысячъ, изъ которыхъ половина — нѣмцы.

Въ свое пребываніе въ Неаполѣ, мы также рѣшили посѣтить Капри. Оказалось, что изъ проѣзда на этотъ островъ Итальянское Пароходное Общество создало цѣлую аферу. Каждый иностранецъ поставленъ въ такія условія, что обязанъ ѣхать на извѣстномъ пароходѣ, да еще непременно въ I-омъ классѣ. По дорогѣ васъ услаждаютъ музыкой, за которую нѣсколько разъ вы должны платить, такъ какъ музыканты съ шляпой непрерывно обходятъ всѣхъ

ѣдущихъ и деликатно требуютъ денегъ. Но что положительно невыносимо, такъ это назойливость буфетчика, который почти силой заставляетъ васъ пить и ѣсть, когда вы даже не хотите. Нужно еще добавить, что пароходъ не подходитъ къ пристани ни въ Неаполѣ, ни на Капри, такъ что нужно подъѣзжать и съѣзжать на лодкѣ, и каждый разъ съ васъ требуютъ „маккарони“ и ругаютъ, если, по мнѣнію лодочниковъ, дано мало.

Лишь только мы сошли на бегъ острова, какъ насъ обступила толпа женщинъ и дѣтей; тутъ же находились осѣдланые длинноухіе ослики. Вдругъ слышимъ: „Каспадинъ, карошо кататься“. Въ насъ признали русскихъ и на ломанномъ языкѣ предлагаютъ ѣхать въ гору на осликахъ.

Когда мы отказались отъ этого удовольствія и пошли пѣшкомъ, то насъ оставили въ покоѣ. Островитяне показались намъ очень симпатичными послѣ неаполитанцевъ. Хотя они живутъ главнымъ образомъ доходами съ пріѣзжихъ, такъ какъ рыболовство и садоводство не въ состояніи ихъ прокормить, однако они не пристають такъ назойливо, какъ въ Неаполѣ. Островитяне — „трезвый, работающій и мирный народъ“, таково мнѣніе жившихъ подолгу на островѣ.

Крайняя нужда иногда заставляетъ мужчинъ эмигрировать, чаще всего въ Южную Америку, но тоска по родинѣ беретъ верхъ, и многіе возвращаются на Капри и влчатъ здѣсь жалкое существованіе, тогда какъ на чужбинѣ имъ удавалось найти работу и хорошо устроиться.

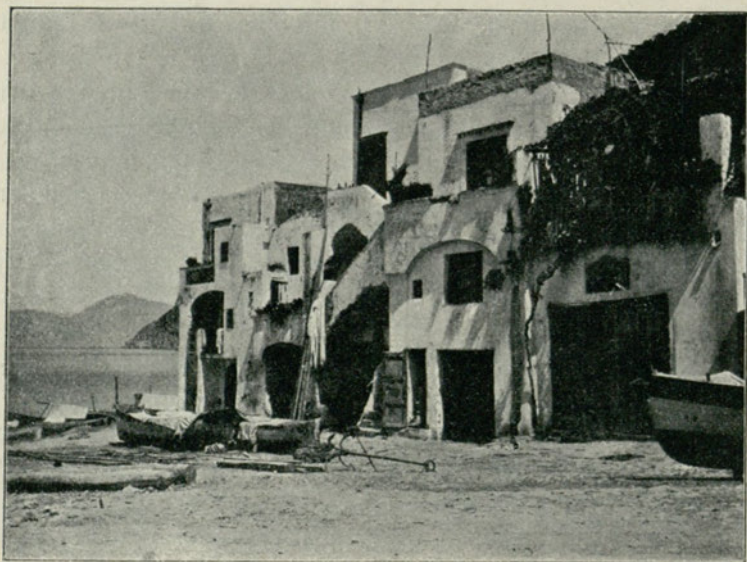
Мѣстечко, куда насъ доставилъ пароходъ, носитъ названіе Marina Grande. Это небольшое поселеніе на сѣверномъ берегу острова. Наше вниманіе привлекли оригинальныя постройки приморскаго города. Это не дома, а какая-то беспорядочная куча четырехугольных каменныхъ ящиковъ съ огромными зіяющими четырехугольными же дырами вмѣсто оконъ и дверей.

Снаружи нѣтъ никакой возможности разобраться, гдѣ начинается одинъ домъ и кончается другой, но когда начинаешь всматриваться въ эти странныя постройки, то находишь ихъ даже живописными, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ виноградная лоза обвиваетъ балконъ или наружную лѣстницу, ведущую на верхній этажъ.

Когда мы зашли въ домъ одного рыбака, то насъ поразила прохлада внутри, не смотря на полуденный зной снаружи. Очевидно, вся архитектура такого южнаго дома преслѣдуетъ какъ разъ обратныя цѣли, чѣмъ дома нашего края. Мы стараемся удержать тепло, а здѣсь защититься отъ него. Мы боимся сквозняковъ, а здѣсь ихъ нарочно устраиваютъ. Плоскія крыши использованы, какъ балконы; онѣ уставлены цвѣтами и служатъ послѣ захода

солнца самымъ пріятнымъ мѣстомъ для отдыха семьи подъ открытымъ небомъ.

Жизнь на Капри сравнительно недорога. Это можно видѣть уже изъ того, что пріѣзжими иностранцами по большей части являются расчетливые нѣмцы, а не богатые англичане. Курортная жизнь здѣсь течетъ очень тихо, такъ какъ нѣтъ ни клуба, ни театра, а потому не устраивается ни концертовъ, ни баловъ. Только пышныя процессіи и многолюдныя празднества въ честь святыхъ острова вносятъ иногда нѣкоторое оживленіе въ монотонную жизнь Капри.

Marina Grande. Ф. автора.

Къ числу неудобствъ и причинъ, почему англичане не селятся здѣсь надолго, относится недостатокъ хорошей питьевой воды. На островѣ нѣтъ ни одного ручья, а существуютъ два, три ключа съ прѣсной водой; хотя они оберегаются, какъ святыня, но не могутъ удовлетворить всего населенія, такъ что воду для питья въ большомъ количествѣ приходится привозить съ материка. Кромѣ того, во время долгой засухи и сильныхъ вѣтровъ поднимается известковая пыль, отъ которой трудно укрыться.

Куда бы вы не пошли на островѣ, всюду вамъ скажутъ: „здѣсь были купальни Тиберія; тутъ Тиберій сбрасывалъ въ море со скалы своихъ противниковъ, а тамъ внизу солдаты съ лодокъ добивали людей, обнаруживавшихъ еще признаки жизни“.

Многіе такіе рассказы вымышлены, преувеличены, но иногда въ нихъ проглядываютъ отголоски событій „старины глубокой“.

Изъ исторіи извѣстно, что островъ Капри былъ первымъ пунк-

томъ, гдѣ поселились греки. Эллинскій типъ до сихъ поръ сохранился въ населеніи. Художники находятъ, что особенно много съ греческимъ профилемъ женщинъ.

Въ 29-омъ году до Р. Х. островъ подпалъ подъ власть Рима, послѣ чего Императоръ Августъ построилъ здѣсь дворцы, купальни и провелъ водопроводъ.

Императору Тиберию такъ понравился островъ, что онъ возвелъ на каждомъ выдающемся пунктѣ по виллѣ, всего числомъ 12, и самъ, сдавъ вѣдѣла Элію Сеяну, переселился на Капри, гдѣ и прожилъ вплоть до смерти. Послѣ римлянъ островъ подпадалъ подъ власть нормановъ, германцевъ, арабовъ, испанцевъ, французовъ, англичанъ и, наконецъ, вошелъ въ составъ Итальянскаго королевства. При изученіи на островѣ Капри руинъ, увитыхъ легендами, ученому приходится считаться съ тѣмъ, что не одни римляне оставили послѣ себя развалины и сказанія въ памяти населенія.

Дорога — лѣстница на Капри. Ф. автора.

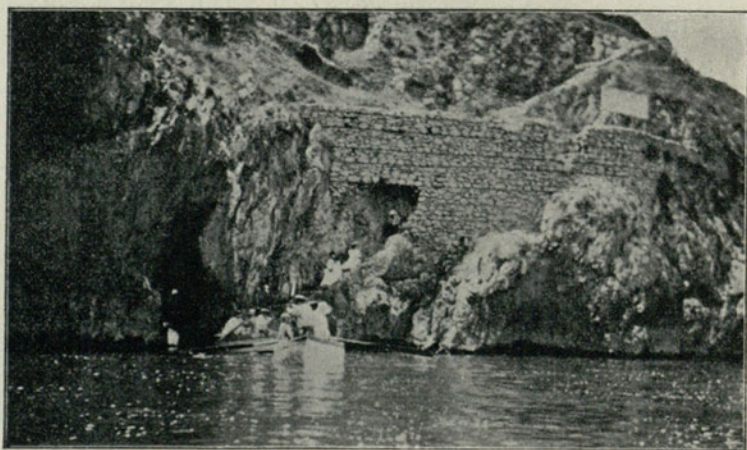
* * *

Какъ раньше было сказано, Капри нѣкогда составлялъ часть Соррентинскаго полуострова, но впоследствии отдѣлился отъ материка; поэтому горной породой, изъ которой онъ состоитъ, является аппенинскій известнякъ, какъ и у полуострова.

Известнякъ сравнительно легко поддается дѣйствию воды, поэтому всюду, гдѣ залегаетъ эта горная порода, существуютъ пещеры и гроты, вымытые водою. На Капри извѣстно нѣсколько гротовъ, но среди нихъ всемірной славой пользуется голубой или „лазуревый“. Чтобы проникнуть въ него, нужно выбрать хорошій тихій день, такъ какъ, когда море неспокойно, входъ закрытъ волнами.

Когда пароходъ нашъ подошелъ къ гроту, тамъ уже ждали насъ маленькія лодочки. Въ каждую, не считая гребца, сѣло не болѣе двухъ, трехъ человѣкъ.

Передъ нами въ отвѣсной скалѣ у самой воды зіяла темная дыра, въ которой уже начали исчезать одна за другой плывшія впереди насъ лодочки. Когда очередь дошла до нашей лодочки, и носъ ея уже углубился въ скалу, гребецъ сказалъ, чтобы мы пригнулись ко дну лодки. Затѣмъ онъ, упираясь руками въ стѣны и потолокъ узкаго прохода, сталъ проталкивать лодку дальше. Вдругъ лодка будто подпрыгнула, а мы совершенно неожиданно очутились среди волшебной обстановки. Голубой свѣтъ озарилъ насъ. Эффектъ и оригинальность этого грота заключается въ томъ, что свѣтъ идетъ

У входа въ голубой гротъ. Ф. автора.

не сверху, какъ привыкъ человѣкъ, а снизу, изъ воды. Передняя стѣна грота, гдѣ находится отверстіе, черезъ которое мы пробрались, нависаетъ сверху и погружается въ воду, но до дна не доходитъ. Въ этотъ-то промежутокъ, между дномъ и нависшей скалой, солнечные лучи и проникаютъ, а морская вода, пропускающая черезъ себя свѣтъ, окрашиваетъ его въ дивно лазурный цвѣтъ. Люди, лодки — все голубого цвѣта, а если опустить въ воду руку, то получается новый свѣтовой эффектъ: рука принимаетъ серебряный оттѣнокъ. Какъ только прѣхавшіе начинаютъ проявлять видимый интересъ къ этому новому явленію, неизвѣстно откуда, появляются мальчуганы и за 1 лиру предлагаютъ выкупаться передъ вашими глазами, чтобы вы могли вдоволь насладиться невиданной волшебной игрой красокъ.

Гротъ довольно обширенъ: онъ имѣетъ 54 метра въ длину, 12 метровъ въ высоту, а глубина воды въ немъ около 15 метровъ. Хотя гротъ сталъ извѣстенъ лишь съ 1826 года, но есть основаніе

думать, что о существованіи его знали еще римляне. Посрединѣ грота существуетъ что-то вродѣ пристани, откуда поднимается какая-то лѣстница съ разрушившимися ступенями, совсѣмъ завалившими проходъ.

На вопросъ, куда ведетъ онъ, лодочникъ расскажетъ вамъ самую невѣроятную исторію, какъ смѣльчаки пробовали подниматься по этому таинственному проходѣ, и какихъ страховъ они тамъ потерпѣли. Впрочемъ, есть предположеніе, что гротъ соединялся съ дворцомъ Тиберіа этимъ проходомъ, по которому грозный императоръ ходилъ въ гротъ купаться.

Если, дѣйствительно, это такъ, то нельзя не преклониться передъ утонченнымъ вкусомъ древнихъ и ихъ умѣніемъ отыскивать такіе сказочные уголки, какъ лазоревый гротъ. На Капри существуютъ еще гроты: бѣлый, зеленый, розовый, сталактитовый и другіе, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ красотой сравниться съ только что описаннымъ.

Со всѣхъ концовъ свѣта люди пріѣзжаютъ на Капри иногда лишь для того только, чтобы увидѣть лазоревый гротъ, это чудо природы.

ЧЕРЕЗЪ МЕССИНСКІЙ ПРОЛИВЪ.

Юр. Новоселовъ.

Огромный океанскій трехмачтовый пароходъ „Equateur“ французской компаніи Messageries maritimes стоялъ въ гавани Неаполя.

Путь нашъ лежалъ въ Грецію, куда и долженъ былъ доставить насъ этотъ пароходъ прямымъ рейсомъ черезъ Мессинскій проливъ.

За часъ до отплытя палуба парохода представляла изъ себя какой-то базаръ. Навязчивые продавцы со всевозможными souvenirs'ами почти насильно совали въ руки свой товаръ; пѣвцы и музыканты отъ стариковъ и старухъ до 6 лѣтнихъ дѣвочекъ неистово играли на разныхъ инструментахъ, съ увлеченіемъ пѣли и плясали самыя невѣроятныя „національные“ танцы.

На водѣ кругомъ парохода происходило то же самое, только еще въ большемъ масштабѣ. Продавцы въ лодкахъ со всякой снѣдью, пловцы-вылавливатели монетъ, музыка и танцы въ лодкахъ. Все это вмѣстѣ взятое производило впечатлѣніе, которое именуется словомъ „содомъ“.

Нельзя было не вздохнуть облегченно, когда пароходъ, наконецъ, снялся съ якоря, и вся эта крикливая рать перестала терзать наши нервы.

Мимо парохода поплыла панорама Неаполя, Везувія, Сорренто, Капри. Хотѣлось отыскать на этой естественной картѣ Неаполитанскаго залива знакомыя мѣста и проститься съ ними.

Вотъ мы и въ открытомъ морѣ. Когда берегъ уже потерявъ изъ вида, человѣкъ невольно оставляетъ всѣ свои земныя заботы; у него является потребность помечтать, подѣлиться своими чувствами съ другими. Потому-то люди на пароходѣ такъ быстро знакомятся.

Пассажиры нашего парохода, не смотря на свое разноплеменное происхождение, уже послѣ перваго *table d'hôte* отлично знали каждаго пассажира, кто онъ, откуда и куда ѣдетъ.

Благодаря хорошей погодѣ всѣ размѣстились на палубѣ въ удобныхъ раскладныхъ креслахъ. Завязался оживленный разговоръ. Молодежь занялась игрой, состоявшей въ метаніи резиновыхъ кружковъ. Время протекало незамѣтно, и только опускавшійся въ воду огненный солнечный шаръ напомнилъ о концѣ дня. Но съ наступленіемъ сумерокъ насъ ожидало великолѣпное зрѣлище. Въ 7½ часовъ на правомъ борту корабля начали собираться пассажиры, при чемъ въ рукахъ большинства были бинокли.

„Стромболи уже виденъ“ — сказалъ подошедшій помощникъ капитана и указалъ рукой на юго-западъ. Дѣйствительно, въ сумеркахъ ненаступившей еще ночи можно было различить слабый свѣтъ, который то исчезалъ, то снова появлялся. Мы приближались къ вулкану Стромболи, принадлежащему къ группѣ Липарскихъ острововъ.

Всѣ эти острова вулканическаго происхожденія и расположены на подобіе трехъ лучей, которые по мнѣнію профессора М. Неймайра имѣютъ „связь съ трещинами, проникающими далеко въ глубину земли“. Самымъ интереснымъ островомъ является тотъ, къ которому мы приближались. Это постоянно дѣйствующій вулканъ, обратившій на себя вниманіе уже во времена классической древности. Здѣсь жилъ по вѣрованію грековъ „другъ боговъ Эоль“, во власти котораго было распоряжаться направленіемъ вѣтра. И, дѣйствительно, всякая переменна погоды, малѣйшее измѣненіе вѣтра немедленно отражается на вулканической дѣятельности „Эолова острова“.

Окрестные жители отлично знаютъ, что „во время сирокко взрывы усиливаются и чаще повторяются, а передъ бурями и непогодой выбрасывается много пепла“.

Метеорологическія наблюденія показали, что вулканическая дѣятельность Стромболи находится въ строгой зависимости отъ состоянія барометра. Причина этого объясняется тѣмъ, что „при высокомъ атмосферномъ давленіи, обыкновенно указывающемъ на

хорошую погоду, парамъ приходится преодолевать большое внѣшнее сопротивленіе, а потому взрывы бывають чаще при низкомъ стояніи барометра“ (профессоръ Неймайръ).

Пароходъ подходилъ все ближе и ближе къ острову, а ночной сумракъ сгущался, отчего картина становилась все красивѣе и величественнѣе. Послѣ каждаго взрыва облако, образовавшееся изъ паровъ, озарялось краснымъ пламенемъ, а по правому склону вулкана текла огненная лава. Я сталъ отмѣчать начало каждаго взрыва. Обычно они колеблутся между 1 и 20 минутами, при мнѣ же они наблюдались приблизительно каждыя 15 минутъ.

Вулканическая дѣятельность Стромболи отличается постоянствомъ, и никогда сильныхъ изверженій здѣсь не бываетъ. По мнѣнію ученыхъ „гора эта не измѣнялась въ теченіе 3000 лѣтъ“. Указывая путь кораблямъ ночью своимъ краснымъ огнемъ, а днемъ дымомъ, гора эта оказываетъ неоцѣнимыя услуги мореплавателямъ, и съ давнихъ поръ получила названіе „маяка Средиземнаго моря“. Когда „Equateur“ приблизился на очень короткое разстояніе, и мы стали уже огибать Стромболи, то внизу у самаго моря мы увидѣли огоньки, указывавшіе намъ, что тамъ живутъ люди. Во всей группѣ Липарскихъ острововъ насчитывается 7 большихъ и 10 маленькихъ острововъ. Они славятся своимъ плодородіемъ, и на нихъ живетъ больше 15 тысячъ человѣкъ. Стромболи, будучи съ виду такимъ грознымъ вулканомъ, очень безобиденъ, и можно совершенно безопасно стоять на краю кратера, такъ какъ большая часть выбрасываемыхъ вулканическихъ бомбъ падаетъ обратно въ кратеръ.

Интересъ, возбужденный вулканомъ, былъ такъ силенъ, что никто и не замѣтилъ, какъ темная южная ночь окутала насъ. Подулъ вѣтерокъ, который сталъ усиливаться. „Сегодня ночью мы будемъ проѣзжать между Сциллой и Харибдой“ — сказалъ кто-то.

Дѣйствительно, пароходъ нашъ приближался къ прославленному поэтами и страшному для древнихъ моряковъ проливу. Слѣва на материкѣ, при входѣ въ Мессинскій проливъ, жило, по вѣрованію древнихъ, ужасное чудовище Сцилла, которое Гомеръ намъ рисуетъ въ такихъ чертахъ: „Чудовище оглашало окрестности пронзительнымъ визгомъ. Спереди у Сциллы двигалось 12 лапъ, на косматыхъ плечахъ подымалось шесть длинныхъ гибкихъ шей и на каждой шеѣ торчало по головѣ; въ пасти у нея сверкали частые, острые, расположенные въ три ряда зубы. Вдвинувшись задомъ въ глубь пещеры и выставившись грудью наружу, оно всѣми головами выслѣживало добычу, шаря лапами кругомъ по скалѣ и вылавливая дельфиновъ, тюленей и другихъ морскихъ животныхъ. Когда проходилъ корабль мимо пещеры, Сцилла, разинувъ всѣ пасти разомъ, похищала съ корабля по шести человѣкъ“.

На противоположномъ Сицилійскомъ берегу жило другое чудо-

вище „Харибда“; впрочемъ по Гомеру „это просто морской водоворотъ, тревожимый незримою водяною богинею, которая три раза въ день поглощаетъ и столько же разъ извергаетъ морскую воду“.

Теперь, при входѣ въ Мессинскій проливъ, на калабрійскомъ берегу находится городъ Сцилла, напоминающій о первомъ чудовищѣ, а мѣстопребываніе Харибды указываютъ въ разныхъ мѣстахъ: на противоположномъ сицилійскомъ берегу, противъ города Сциллы, затѣмъ около города Мессины; но по Гомеру Харибда была на разстояніи всего лишь одного полета стрѣлы отъ Сциллы, а эти мѣста отстоятъ значительно дальше отъ нея, такъ что и первое, и второе предположеніе противорѣчатъ Гомеру. Кромѣ того, по увѣренію моряковъ, Мессинскій проливъ въ настоящемъ своемъ состояніи вовсе не такъ уже опасенъ, какъ описываютъ древніе. Поэтому остается предположить, что Мессинскій проливъ прежде имѣлъ другой фарватеръ, и во времена Гомера здѣсь могли существовать подводныя скалы и рифы, которые теперь исчезли. Въ такомъ предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ Калабрія, Сицилія и ближайшіе мелкіе острова являются мѣстностью, подверженной постояннымъ измѣненіямъ и колебаніямъ почвы отъ дѣйствія вулканическихъ изверженій и землетрясеній.

Не такъ еще давно, 28 іюня 1831 года, англійское судно къ юго-западу отъ Сициліи едва не погибло, натолкнувшись на какіе-то подводные камни, тамъ гдѣ незадолго передъ тѣмъ была глубина болѣе 100 сажень, а проплывавшіе здѣсь на другомъ кораблѣ 8 іюля видѣли, что „громадная масса воды вдругъ поднялась на высоту 60 футовъ надъ уровнемъ моря и кружилась въ теченіе десяти минутъ; когда волненіе улеглось, надъ моремъ съ ужаснымъ шумомъ образовалось густое облако дыма. Такое явленіе происходило черезъ каждыя 15 — 20 минутъ. 12 іюля на берегъ Сициліи были выброшены вулканическія массы и мертвыя рыбы. 13 іюля надъ водой показался столбъ дыма, бросавшій ночью ослѣпительный свѣтъ, а 18 августа здѣсь уже образовался вулканическій островъ, до 2000 футовъ въ окружности и около 200 футовъ высоту“.

Англичане успѣли занять его, а затѣмъ вновь образовавшійся островъ посѣтили нѣмецкіе геологи и произвели научныя изслѣдованія. Но островъ не продержался долго, рыхлыя массы, изъ которыхъ онъ состоялъ, не выдержали разрушительнаго дѣйствія морскихъ волнъ, и къ концу года отъ острова не осталось и слѣда.

Легко себѣ представить, какія чудовища встали бы въ воображеніи древнихъ при видѣ такихъ явленій природы. Можно съ увѣренностью сказать, что при Гомерѣ подобныя чудесныя подводныя силы вулканизма давали о себѣ знать, такъ какъ подводныя изверженія здѣсь бывають очень часто. За послѣднее время они наблюдались въ 1845 году, 1846 и въ 1891 году.

Итакъ гомеровскія сказанія о чудовищахъ Сциллѣ и Харибдѣ нужно ставить въ тѣсную связь съ проявленіями вулканическихъ силъ данной мѣстности, а не только съ существующими водоворотами и очертаніями береговъ Мессинскаго пролива.

Въ Мессинскомъ проливѣ и мѣстностяхъ, прилегающихъ къ нему, въ настоящее время таится чудовище, передъ которымъ человѣкъ чувствуетъ себя совершенно безпомощнымъ, имя этому чудовищу — землетрясеніе.

Для того, чтобы имѣть хотя бы небольшое представленіе о томъ, какія бѣдствія причиняетъ землетрясеніе, достаточно коснуться событій самыхъ ближайшихъ къ намъ дней.

Не успѣли жители Калабріи оправиться отъ послѣдствій землетрясенія 1905 года, какъ 23 октября 1907 года почва снова потеряла равновѣсіе. Толчки повторялись со страшной силой. Населеніе снова пришло въ безпокойство. Площадь земли, охваченная землетрясеніемъ, была почти такая же, какъ и въ 1905 году. Наиболѣе пострадали городки Бранкалеоне, Бруццано и Ферруцано. Послѣднее мѣстечко, по выраженію очевидца, было поглощено землею: часть домовъ обрушилась въ сосѣднюю глубокую долину, похоронивъ подъ кучей развалинъ цѣлыя семейства. Двѣ трети домовъ были разрушены. По официальнымъ свѣдѣніямъ погибло 186 человѣкъ и 200 получили увѣчья, и, не смотря на столь большое число жертвъ, катастрофа была меньше, чѣмъ въ 1905 году. Но слишкомъ скорое повтореніе бѣдствія произвело неописуемое впечатлѣніе на малокультурное населеніе, тѣмъ болѣе, что толчки слѣдовали одинъ за другимъ, не прекращаясь. Люди потеряли голову и утратили всякую энергію. Прибывшимъ по распоряженію правительства солдатамъ они не могли даже помогать: многіе изъ населенія стояли, опустивъ руки, когда солдаты раскапывали развалины, чтобы вытащить изъ-подъ обломковъ трупы и, быть можетъ, еще живыхъ людей. Изъ перенесшихъ землетрясеніе только смѣльчаки рѣшались спасти засыпанныхъ и свое имущество. Къ всеобщему ужасу полилъ еще сильный дождь, который затѣмъ превратился въ ливень и не прекращался нѣсколько дней.

Густая грязь залила груды развалинъ. Началось быстрое гніеніе труповъ; солдаты, принявшіе участіе въ спасеніи Ферруцано, задыхались въ смрадной атмосферѣ; только ихъ геройское самоотверженіе, дезинфекціонныя средства, да искусственное притупленіе обонянія при помощи эфира позволили продолжать работу.

Какъ ни ужасна катастрофа 1907 года, но бѣдствія, причиняемая землетрясеніемъ, бывають здѣсь еще серьезнѣе. Въ 1783 году, когда два большихъ города — Реджіо въ Калабріи и Мессина въ Сициліи находились въ области большого землетрясенія, въ самомъ „Мессинскомъ проливѣ“ произошло бурное движеніе. Вода отошла отъ

берега и у Сциллы на разстояніи многихъ футовъ обнажила морское дно, но черезъ минуту со страшной быстротой хлынула на берегъ огромной волной, подхватывая людей, которые покинули свои обвалившіеся дома и бѣжали на берегъ, думая тамъ найти спасеніе“.

Во многихъ мѣстахъ охваченной землетрясеніемъ области произошли поразительныя измѣненія: „обрывы узкихъ рѣчныхъ долинъ получили трещины, вершины ихъ обвалились и даже были переброшены на противоположный берегъ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣчныя долины сѣзались или были завалены, такъ что вода образовала рядъ озеръ характерной круглой формы, свойственной углубленіямъ, образующимся при обвалахъ.

Когда мы вошли въ самый Мессинскій проливъ, то вѣтеръ задулъ съ такой силой, что пароходъ стало покачивать. Мы спустились въ каюту и легли спать, но вскорѣ постучался къ намъ матросъ и принялся наглухо завинчивать круглое окно каюты. Изъ этого мы заключили, что на кораблѣ ждутъ бури.

Дѣйствительно, вѣтеръ завывъ со страшной силой, и качка усилилась. Было видно, какъ вода плескалась снаружи у оконнаго стекла. Такъ какъ мы шли прямымъ рейсомъ изъ Неаполя въ Пирей, то и не останавливались ни въ одномъ изъ городковъ пролива. Обогнувъ южную оконечность Калабріи, мы вышли изъ области вѣтровъ, дующихъ черезъ Мессинскій проливъ, послѣ чего качка постепенно начала утихать, а жизнь пассажировъ снова приняла безпечный праздничный характеръ.

Черезъ сутки мы уже увидѣли берега Греціи.

ПАЛЕРМО.

Изъ Живихъ.

Много слышавъ и читавъ о красотѣ столицы Сициліи Палермо, я ожидалъ встрѣтить тамъ что-то необыкновенное и — былъ жестоко разочарованъ. Этотъ городъ былъ бы красивъ, если бы его набережная не была такъ обезображена десяткомъ высокихъ фабричныхъ трубъ.

Но если Палермо уступаетъ многимъ городамъ въ отношеніи красоты — и, скажу кстати, удобствъ, — то рѣдкій изъ городовъ можетъ сравниться съ нимъ въ смыслѣ интереса. Сицилія — это громадный, превосходный музей; Палермо — центръ этого музея.

Палермо основанъ еще финикіянами, исторія города охватываетъ періодъ болѣе двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ.

Теперь это вполне европейскій — вѣрнѣе итальянскій — городъ съ 300.000 населеніемъ, съ широкими и прямыми улицами въ новыхъ кварталахъ, съ роскошными виллами, дворцами, магазинами, съ развитой торговлей.

Наряду со всѣмъ этимъ чуть не на каждомъ шагу встрѣчаете вы памятники, оставленные прежними обладателями города. Отличительная черта Палермскихъ памятниковъ это поразительное, невѣроятное смѣшеніе всевозможныхъ стилей. Возьмите, напримѣръ, знаменитую *Capella Palatina*, часовню, построенную норманами въ началѣ XII столѣтія. Общій стиль ея *готическій*; внутри *арабскія* арки покоятся на античныхъ колоннахъ, взятыхъ изъ какого-нибудь *греческаго* храма; ея потолокъ — *арабскій*, стѣны покрыты роскошной *византійскою* мозаикой. Кажется бы, изъ этого смѣшенія должно было получиться нѣчто уродливое, — нѣтъ, часовня эта одна изъ прекраснѣйшихъ произведеній искусства; норманы сумѣли согласовать всѣ эти разнохарактерные стили и создали настоящій *chef-d'oeuvre*.

Высящаяся надъ городомъ гора *Monte Pellegrino* сравнительно очень невысокая, — всего 600 метровъ — но такъ какъ она стоитъ особнякомъ, и такъ какъ со стороны моря это почти отвѣсная стѣна, то кажется она значительно выше. На ея вершину ведетъ зигзагами удобная дорога, которая содержится всегда въ порядкѣ, такъ какъ на вершинѣ находится гротъ Св. Розаліи, куда ходятъ на поклоненіе тысячи богомольцевъ.

Чѣмъ выше поднимаешься, тѣмъ все шире и великолѣпнѣе становится видъ на зеленую долину, на горы и на море.

Недалеко отъ вершины стоитъ громадная каменная статуя Св. Розаліи. Молнія нѣсколько разъ сбивала голову статуи, но почитатели святой каждый разъ замѣняли ее новой; три отбитыхъ головы лежатъ тутъ же у подножія святой.

Узкая каменистая тропинка ведетъ отъ этой статуи къ гроту святой Розаліи.

Въ самомъ гротѣ, въ сердцѣ суровой гранитной скалы, находится то мѣсто, гдѣ она умерла. Тамъ за рѣшеткой, освѣщенное неугасимыми лампадами, лежитъ теперь мраморное изображеніе дѣвушки, одѣтое въ сверкающее платье изъ чистаго золота.

Больные стекаются сюда тысячами. Тутъ на стѣнѣ висятъ алебастровыя руки, ноги, носы, глаза; тутъ же нѣсколько картинъ, наглядно изображающихъ чудеса, совершаемая святой; на нѣкоторыхъ представлены морскія бури и гибнущіе въ волнахъ корабли; на одной очень живо выписано лицо, сплошь покрытое отвратительными прыщами, на другой охотникъ, которому его ружье оторвало

руку, на третьей представленъ больной на кровати, окруженный нѣсколькими докторами въ очкахъ и черныхъ сюртукахъ, — это консилиумъ, оказавшійся безсильнымъ и посрамленный Розалией.

Въ городѣ на каждомъ перекресткѣ вамъ бросаются въ глаза на стѣнахъ полустертые изображенія мадонны съ надписью внизу: „всякій, прочитавшій предъ этимъ образомъ Ave, получить стодневную индульгенцію“. Такимъ образомъ всякій легко можетъ снять съ себя всѣ грѣхи. Эти безчисленные мадонны, очевидно, ни болѣе, ни менѣе, какъ римскіе „боги перекрестковъ“, культъ которыхъ приказалъ поддерживать Августъ. Все это говоритъ о томъ, что, христіане по имени, итальянцы остались и до сихъ поръ во многомъ язычниками.

Прямо передъ отелемъ, въ которомъ я остановился, пышнымъ букетомъ поднимается небольшой садъ Гарибальди. Гигантскіе, въ нѣсколько обхватовъ, фикусы, пальмы, пышныя магноліи, роскошныя сосны, фантастическіе мощные эвкалиптусы, массивные кактусы, какія-то совсѣмъ незнакомыя мнѣ деревья, усыпанныя крупными ярко-красными цвѣтами, похожими на лиліи, — все это такъ могуче, такъ свѣжо, такъ великолѣпно...

Если вы зайдете сюда вечеромъ, передъ заходомъ солнца, то встрѣтите здѣсь нѣчто совсѣмъ необыкновенное. Со всего города тучами слетаются сюда въ этотъ часъ воробьи. Всѣ деревья кажутся живыми...

Выйдя изъ сада, вы сразу попадаете на главную улицу города. На ней всегда толпа, всегда суета. Съ первыхъ же шаговъ вамъ невольно бросается въ глаза страшное изобиліе кондитерскихъ, — какъ извѣстно, итальянцы большіе сластены; еще болѣе, чѣмъ кондитерскихъ, встрѣчаете парикмахерскихъ: куда ни посмотришь, всюду вывѣски: *salone... salone...* и всегда эти *salone* полны, — точно жители Палермо только и дѣлаютъ, что стригутся и бреются. Разгадку такого изобилія парикмахерскихъ я нашель, зайдя постричься. Оказалось, что парикмахерская здѣсь служитъ клубомъ, центромъ, куда собираются друзья, сосѣди поболтать, отдохнуть. Поэтому самые освѣдомленные люди въ Сициліи, это, безъ сомнѣнія, парикмахеры.

Если вамъ понадобится, напримѣръ, пріѣхавъ въ Сицилію, нанять комнату, квартиру, найти недорогой ресторанъ, заходите постричься и за эту же цѣну вы узнаете рѣшительно все, что вамъ надо.

Магазины, тянущіеся непрерывной цѣпью по главной улицѣ, конечно, не такъ богаты и роскошны, какъ въ большихъ городахъ, но очень оживленны.

Однако оставимъ главныя улицы и свернемъ въ одинъ изъ переулковъ, темныхъ, зловонныхъ и узкихъ до того, что парная коляска не проѣдетъ. Надъ вашей головой — сѣтъ безчисленныхъ веревокъ,

протянутыхъ изъ окна въ окно, и цѣлый океанъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ тряпокъ сохнущаго бѣлья.

Но глядите лучше подъ ноги на влажную, грязную мостовую, заваленную всякими отбросами кухни, тряпками, костями, гнилыми овощами, иногда и мертвыми птицами или кошками. А вотъ на грудѣ собранной имъ всякой гадости уснуль мусорщикъ, мальчикъ лѣтъ восьми. Жалкіе лохмотья едва-едва прикрываютъ худое тѣлце ребенка; десятки мухъ облѣпляютъ его желтое, больное лицо и открытый ротъ.

Всюду, куда не кинешь взглядъ, страшная, безотрадная нищета. Жилища этой бѣдности всегда настежь, всегда вся она наружи, точно гонить ее что-то изъ дома. Заглянешь въ этотъ домъ и сразу поймешь, что гонить вонъ его обитателей.

Обыкновенно цѣлая семья ютится въ одной комнатѣ, раздѣленной перегородкой надвое; спереди, на улицу мастерская хозяина, — сапожника, портного, пекаря, столяра и т. п., — сзади темная, безъ оконъ, безъ свѣта, безъ воздуха берлога, гдѣ вповалку спитъ вся семья; квартира освѣщается, большею частью, черезъ всегда растрворенную дверь; окна очень рѣдки.

Тутъ же на улицѣ вы увидите, чѣмъ питаются обитатели этихъ берлогъ, — обѣдъ, ужинъ все это готовится у двери, наружи. Горсть макаронъ, десятокъ каштановъ, сковорода картофеля, жареные томаты; мясо бѣдный итальянецъ видитъ только на прилавкахъ мясниковъ.

Костюмы... о, какъ далеки они отъ тѣхъ, которые намъ показываютъ на сценѣ! Все это жалкіе, ветхіе, лохмотья, грязные до невозможности, полные всякихъ паразитовъ, едва-едва прикрывающіе тѣло...

Бѣдность народа превосходитъ здѣсь все, что можетъ представить себѣ самое пылкое воображеніе. Вотъ, на примѣръ, что пишутъ въ газетахъ, въ парламентскихъ журналахъ: „женщины роются въ кучахъ кухонныхъ отбросовъ, чтобы изъ найденныхъ тамъ костей сварить дѣтямъ супъ; малютки мрутъ, такъ какъ матери не имѣютъ отъ истощенія молока“.

Еще краснорѣчивѣе фактъ: въ 1884 году, во время холеры, правительство издало постановленіе, чтобы всякая падаль зарывалась немедленно, такъ какъ крестьяне ѣдятъ павшихъ животныхъ.

Одинъ журналистъ рассказываетъ, что въ одномъ изъ южныхъ мѣстечекъ Италіи у священника сдохла собака, которая тутъ же и была съѣдена голодными бѣдняками.

Бѣдность итальянцевъ приписываютъ ихъ лѣности, — это клевета на несчастный народъ; итальянецъ очень трудолюбивъ, и въ Австріи, на примѣръ, въ Швейцаріи онъ считается лучшимъ рабочимъ, особенно для тяжелыхъ работъ, а въ Парижѣ итальянцы

съ успѣхомъ конкурируютъ съ мѣстными рабочими.. Но плодородная почва страны, благодатный климатъ и трудолюбіе народа, очевидно, не въ силахъ бороться съ дикою игрою въ „великую державу“, которую ведетъ теперь правительство: вооружаясь, перевооружаясь, строя броненосцы и говоря громкія фразы о „величіи“ Италіи, — „величіи“, которое такъ ярко обнаружилось въ послѣднюю абиссинскую войну, въ баснословномъ невѣжествѣ народа, въ его невѣроятной нищетѣ и во всеобщемъ повальномъ взяточничествѣ и казнокрадствѣ.

Налогомъ здѣсь обложено все и, если бы можно было облагать налогомъ солнечные лучи и продавать ихъ подъ бандеролью, какъ шведскія спички, то правительство, кажется, воспользовалось бы и этимъ для извлеченія новыхъ доходовъ.

Глядишь на все это и удивляешься, какъ это могутъ люди жить такъ?

А они живутъ, умѣютъ пѣть пѣсни, умѣютъ смѣяться. Разъ я зашелъ въ знаменитый садъ „Villa Julia“, которымъ нѣкогда восхищался Гете. Сѣвъ въ углу сада, который выходитъ къ небольшому заливику, я смотрѣлъ на оживленную картину рабочаго квартала. Вдругъ откуда-то появляется шарманщикъ, останавливается на углу и раздаются веселые звуки какого-то марша. Моментально прилетаютъ ребята и начинается! Въ жизнь свою я не видывалъ ничего подобнаго этому отчаянному плясу оборванныхъ чертенятъ! Строго соблюдая тактъ, они — все малыши, лѣтъ шести — восьми, — выкидывали такія па, надъ которыми задумался бы самый опытный балетмейстеръ. Въ нихъ все плясало: ноги, руки, голова, глаза. Они точно обезумѣли и съ лицами, озаренными улыбкой полного блаженства, всей душой отдавались наслажденію пляски.

Вотъ рынокъ, — кругомъ зелень, битая птица, свѣжая рыба и пестрая горластая толпа, раздѣленная на два неравныхъ лагеря: одни — босые, оборванные рыбаки, загорѣлые, испитые крестьяне, мелкіе торгаши стараются взять за свой товаръ, за свой трудъ, какъ можно дороже; они хитрятъ, лгутъ, плутуютъ, клянутся; другіе — сытые горожане, — стараются взять чужой трудъ, чужую собственность, какъ можно дешевле, и тоже пускаются въ дипломатію, притворяются равнодушными, тоже лгутъ, обезцѣнивая товаръ, критикуя его.

И сколько жизни, сколько движенія вокругъ! Какіе необыкновенные жесты! Тутъ только понимаешь, что такое итальянская душа, сколько въ ней огня, страсти, тутъ только понимаешь того итальянца, который, когда докторъ хотѣлъ ампутировать ему руки, воспротивился этому и воскликнулъ: „какъ же я говорить-то тогда буду?“

Дѣйствительно, безъ языка итальянецъ, пожалуй, можетъ еще говорить, но безъ рукъ нѣтъ, безъ рукъ онъ нѣмой.

Во всемъ характерѣ южнаго итальянца есть что-то дѣтское. Онъ добръ и онъ золъ, какъ дѣти; какъ дѣти онъ довѣрчивъ, ласковъ, хитеръ, веселъ, шумно экспансивенъ; какъ дѣти, онъ любитъ все чудесное, онъ вѣритъ всему.

Посмотрите, какъ онъ относится хотя бы къ животнымъ: то любовь, нѣжность необычайная, то совершенно непонятная, холодная жестокость, — опять какъ у дѣтей.

Огрѣть осла увѣсистой дубиной по спинѣ, ткнуть его въ бокъ чѣмъ-нибудь со всего маха, — это пустяки, но вотъ бѣжить, визжа и поджавъ ногу собака, — моментально жалость необыкновенная, чуть не слезы.

Разъ встрѣчаю я старика — крестьянина, а съ нимъ маленькаго ослика — въ штанахъ! Удивленный я спрашиваю, что это значить. Оказывается осы очень кусаютъ бѣднаго азіно и вотъ, чтобы хоть немного защитить его отъ укусовъ, старикъ устроилъ ему изъ разныхъ лохмотьевъ брюки.

МАСКАРАДЪ ПОКОЙНИКОВЪ.

Буква.

Нигдѣ такъ не боятся смерти, какъ на югѣ. Желаніе торжествовать надъ смертью, надъ ея видимыми разрушительными послѣдствіями, желаніе на очень долго сохранить неизмѣннымъ и послѣ смерти нѣкоторый матеріальный образъ умершаго особенно сильно было выражено въ сицилійскомъ обычаѣ мумифицированія покойниковъ. Этотъ обычай упраздненъ въ Палермо въ законодательномъ порядкѣ лишь двадцать лѣтъ тому назадъ. Послѣдніе по времени мумифицированные трупы отмѣчены датами 1885 и 1886 годовъ. Мумифицированіе происходило близъ Палермо въ пригородномъ монастырѣ капуциновъ подъ наблюденіемъ монаховъ.

Мумифицированіе, т. е. совершенное высушиваніе труповъ, съ сохраненіемъ въ общихъ чертахъ ихъ внѣшней формы, требуетъ, какъ извѣстно, трехъ условій: вполне сухихъ воздуха и почвы, высокой температуры и сильной вентиляціи. Оно можетъ быть естественнымъ и искусственнымъ.

Въ песчаныхъ степяхъ дальняго юга нерѣдко находятъ мумифицированные трупы случайно погибшихъ тамъ людей и животныхъ.

Въ Палермо капуцины искусственно препарировали покойниковъ.

Они превосходно владѣли техникой этой необыкновенной операци и на доходы отъ нея, въ общемъ довольно значительные, содержали свой монастырь. Мумифицированіе было по средствамъ только богатымъ палермитянскимъ нотаблямъ. Монахи и теперь показываютъ посѣтителямъ свои уже бездѣйствующія лабораторіи. Онѣ построены на крутомъ подъемѣ и со всѣхъ сторонъ открыты для теченія воздуха. Это довольно обширные и свѣтлые погреба, съ большими окнами, обращенными къ югу. На противоположной сторонѣ также ряды оконъ для вентиляціи. Всѣ помѣщенія залиты солнцемъ, и температура въ нихъ не превышаетъ 40° по R., а ночью не падаетъ ниже 20°. Посрединѣ склеповъ рядъ низенькихъ катафалковъ кирпичной кладки. На нихъ клали мумифицируемыхъ покойниковъ.

Процессъ высыхания требовалъ не менѣе года. Послѣ его окончанія трупы облакались въ одежды и ихъ переносили уже въ мѣсто вѣчнаго упокоенія — въ подземныя галереи церкви капуциновъ.

У воротъ монастыря — старый капуцинъ, съ длинною бѣлою бородою и розовымъ привѣтливымъ лицомъ; онъ подпоясанъ толстымъ бѣлымъ шнуромъ; на загорѣлой шеѣ — черныя четки съ крестомъ; къ босымъ ногамъ ремешками подвязаны сандалии; въ рукѣ — связка ржавыхъ, многимъ поколѣніямъ служившихъ, ключей. Онъ отворяетъ съ глухимъ лязгомъ желѣзныя двери жилища покойниковъ. Нѣсколько ступеней внизъ, — и вы въ катакомбахъ, единственныхъ въ Европѣ.

Первый же взглядъ, брошенный на стѣны, потрясаетъ посѣтителя. Передъ нимъ — нѣчто вполне ужасное: передъ нимъ — сотни рядами, шпалерами выстроенныхъ труповъ, нескончаемо-длинный, вдоль всѣхъ корридоровъ тянущійся многоэтажный амфитеатръ покойниковъ.

Какъ фоліанты въ библиотекѣ или какъ занумерованные по каталогамъ скелеты и препараты въ зоолого-анатомическомъ музеѣ, такъ размѣщены здѣсь мумифицированные трупы. Всѣ они стоймя прикрѣплены къ стѣнамъ рядами, такъ что черепа труповъ низшаго ряда прикрываютъ собою груди труповъ высшаго ряда.

Въ общемъ стѣнъ вовсе не видно. Кажется, будто толпы мертвецовъ созерцаютъ здѣсь нѣкое зрѣлище. Внизу, подъ ними, на каменномъ полу нагромождены деревянные, крашеные и некрашеные сундуки, ящики, ящички, стеклянныя витрины и обыкновенныя гробы; въ нихъ тоже мумифицированные трупы преимущественно женщинъ и дѣтей.

Крышки у этихъ помѣщеній открываются. Черепа труповъ, покоящихся въ катакомбахъ очень давно, совершенно голые, побѣлѣвшей кости. Головы труповъ, мумифицированныхъ сравнительно

недавно, лѣтъ пятьдесятъ, семьдесятъ, сохранили нѣкоторый обликъ; черепа и личныя кости обложены сухою губчатою массой темно-шафраннаго цвѣта и глазныя впадины заполнены отвердѣвшимъ, стекловиднымъ составомъ; на ручныхъ костяхъ — остатокъ засохшихъ одеревенѣвшихъ мышцъ.

Всѣ трупы одѣты, и это придаетъ имъ видъ костюмированныхъ манекеновъ. У тѣхъ изъ нихъ, которымъ много-много лѣтъ, первоначальныя одежды истлѣли, и онѣ въ послѣдствіи замѣнены простыми саванами, — длинными бѣлыми рубахами; рукава у нихъ, съ согнутыми и къ груди пригнутыми руками, связаны въ узелъ. Такихъ савановъ много, и они составляютъ основной бѣлый фонъ катакомбъ.

Но муміи новѣйшаго времени одѣты весьма разнообразно, — часто въ свои профессиональныя одежды. Такъ, духовныя лица въ подрясникахъ и камилавкахъ; епископы — въ парчевыхъ облаченіяхъ и митрахъ; военные — въ мундирахъ и киверахъ или шляпахъ съ перьями, при оружій; на статскихъ гражданахъ — фраки съ бѣлыми жилетами, черныя сюртуки. У женщинъ — дорогія шелковыя и бархатныя платья съ цѣнными кружевами; на шеяхъ — цѣнныя ожерелья, на рукахъ — браслеты и бѣлыя перчатки; на ногахъ — бѣлыя атласныя туфли или башмаки.

На одномъ изъ генераловъ гарибальдійскихъ войскъ, умершемъ въ Палермо, — красная атласная рубашка съ густыми золотыми эполетами и круглая изъ лакированной кожи шляпа съ перьями. Какой-то капитанъ парохода — въ тужуркѣ морского офицера и въ фуражкѣ съ околышемъ изъ золотого галуна.

Вся эта костюмная смѣсь поблекла, выцвѣла, покрылась пылью и мелкимъ пескомъ и очень напоминаетъ собою заношенный гардеробъ дешевенькаго скитающагося театра. У каждой муміи на груди на цѣпочкѣ или на порывѣвшей лентѣ — кусокъ картона съ пояснительной надписью о личности покойника. У подножій нѣкоторыхъ труповъ круглыя столики и на нихъ — тарелки съ визитными карточками родственниковъ и знакомыхъ, посѣтившихъ усопшаго. Тутъ же лежатъ букеты изъ живыхъ цвѣтовъ. Въ катакомбахъ и надъ ними дѣйствительно могильная тишина. Слышно даже, какъ шныряютъ, слегка шурша въ складкахъ одеждъ, маленькія ящерицы и какія-то особой породы черныя мыши съ красными круглыми глазками.

Почти у всѣхъ покойниковъ одна и таже поза. Она остается навсегда въ памяти посѣтителя. Головы труповъ свѣшены на грудь или на сторону; туловища наклонены впередъ, руки висятъ перпендикулярно или лежатъ на плечахъ другихъ, помѣщенныхъ ниже, и какъ бы за шею обнимаютъ ихъ. Въ этой позѣ есть нѣчто невыразимо — печальное и жалкое и трогательное вмѣстѣ съ тѣмъ.

Нельзя сильнѣе и нагляднѣе символизировать крушеніе чело-вѣческаго бытія и его беззащитность передъ законами естества.

ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢТИ.

Юр. Новоселовъ.

„Болѣе назойливыхъ и нахальныхъ мальчишекъ я нигдѣ не встрѣчалъ!“ — говоритъ путешественникъ, пріѣхавшій изъ Неаполя.

„Эти каналы чуть было не проломили мнѣ голову камнями, когда

я отказалъ имъ въ подачкѣ“, — продолжаетъ онъ жаловаться.

И дѣйствительно, каждому путешественнику по южной Италиі приходится много претерпѣвать отъ маленькихъ уличныхъ нахаловъ.

Лишь только замѣчено, что вы иностранецъ, васъ немедленно атакуютъ.

Начинается обыкновенно съ предложенія услугъ. Если у васъ въ рукахъ чемоданъ, его почти силой вырываютъ, чтобы понести; если ваше платье въ пыли, васъ обчищаютъ, не спросивъ разрѣшенія; вамъ указываютъ дорогу, которая вамъ не нужна; передъ вами продѣлываютъ всякія штуки и въ концѣ концовъ за все требуютъ вознагражденія.

Вотъ по улицѣ идетъ съ женой англичанинъ. Вдругъ сзади къ нему подбѣгаетъ мальчикъ и, смахнувъ пыль съ рукава его платья, немедленно протягиваетъ руку за подачкой.

Англичанинъ идетъ, дѣлая видъ, что ничего не замѣчаетъ. Тогда мальчикъ забѣгаетъ впередъ, становится вверхъ ногами и ходитъ на рукахъ. Затѣмъ бросается къ иностранцу съ протянутой рукой уже съ требованіемъ денегъ.

Но англичанинъ продолжаетъ хладнокровно идти дальше.

Однако, назойливый попрошайка не унимается. Онъ снова забѣгаетъ впередъ и кувyrкается черезъ голову у самыхъ ногъ англичанина, стараясь побороть англійское хладнокровіе итальянской назойливостью, что въ концѣ концовъ и достигается: джентльменъ презрительно бросаетъ мальчугану монету, чтобы только тотъ отвязался.

Оплачивая такія ненужныя услуги, иностранецъ начинаетъ уже думать, какъ легко достается кусокъ хлѣба этимъ бездѣльникамъ.

Но если внимательнѣе присмотрѣться, то оказывается, что за-

частую, ради своей забавы, иностранцы сами поощряют дѣтей на тяжелый и опасный трудъ.

Какъ только приходитъ и уходитъ какой-либо пароходъ съ туристами, тотчасъ подплываютъ къ нему лодки съ мальчиками-подростками, которые, раздѣвшись, кидаются въ воду и кричатъ оттуда: „нѣмецкій господинъ, англійскій джентльменъ, мосье, бросьте монету въ воду, мы ее поймаемъ на какой угодно глубинѣ!“

И солидные люди, нарядныя дамы, за ними и воспитанныя дѣти кидаютъ монеты, причемъ стараются иногда бросить подальше, чтобы мальчику пришлось нырнуть поглубже.

Мальчики ныряютъ, какъ морскія животныя за добычей. Очувтившись снова на поверхности воды, они показываютъ пойманныя монеты, а затѣмъ, какъ обезьяны, быстро прячутъ ихъ за щеку.

Въ Неаполѣ я видѣлъ слѣдующее: къ нашему пароходу подъѣхалъ въ лодкѣ взрослый итальянецъ съ дѣтьми, отдававшими потомъ ему всѣ выловленныя деньги. Очевидно, это былъ предприниматель, нанявшій дѣтей на такой безчеловѣчный трудъ.

А, вотъ, случай, когда мнѣ самому, по невѣдѣнію, пришлось за деньги воспользоваться опасной услугой мальчика, въ чемъ я потомъ сильно раскаивался.

Около Неаполя существуютъ знаменитыя „флегрейскія поля“, гдѣ во многихъ мѣстахъ выдѣляются удушливыя газы и выходятъ горячіе источники.

Показывая намъ природныя горячія бани, сохранившіяся, какъ говорятъ, со временъ Нерона, проводникъ съ нашего молчаливаго согласія далъ ведро мальчику и послалъ его за горячей водой внутрь горы по какому-то корридору, изъ котораго шелъ такой жаръ, что мы не могли пройти по нему и нѣсколькихъ шаговъ.

Мальчикъ мгновенно исчезъ съ пустымъ ведромъ и зажженнымъ факеломъ въ темномъ отверстіи.

— Смотрите! — сказалъ проводникъ — видите удаляющійся огонекъ? Это бѣжитъ нашъ мальчикъ.

Затѣмъ огонекъ исчезъ совсѣмъ, и мы стали ждать.

Наконецъ проводникъ спросилъ: „Вы ничего не слышите? Прислушайтесь“.

До нашего слуха донеслось изъ темноты чье-то дыханіе.

— Это нашъ мальчикъ бѣжитъ съ водой; онъ задыхается отъ жары, — объяснилъ проводникъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени изъ темнаго корридора отчетливо было слышно, какъ страшно дышалъ бѣжавшій. Затѣмъ показался огонь факела и, наконецъ, самъ мальчикъ. Потъ лилъ съ него градомъ. Задыхаясь, онъ принесъ намъ изъ нѣдръ земли горячей, какъ кипятокъ, соленой воды.

Когда мы щедро заплатили за этотъ трудъ, проводникъ шепнулъ намъ:

— Этому несчастному жить недолго. Такой работы никакой организмъ вынести не можетъ.

Что же заставляетъ дѣтей зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба такимъ трудомъ? Что заставляетъ ихъ, забывая всякій стыдъ, приставать къ иностранцамъ и выпрашивать у нихъ подачки?!

Объясненіе этому одно: — голодъ.

Нищета въ южной Италіи такъ велика, что жители принуждены пускаться на все, лишь бы не умереть съ голоду.

Съ 1870 года, когда Италія окончательно объединилась и освободилась отъ владычества иностранцевъ, проведено много благотѣльныхъ реформъ для народа, улучшившихъ его положеніе въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи.

Сѣверная Италія теперь уже можетъ себя считать вполне культурной страной, но на югѣ дѣло обстоитъ иначе.

Вслѣдствіе безземелія крестьянъ нужда и невѣжество народа создали здѣсь цѣлую армію преступниковъ среди взрослыхъ и дѣтей.

Игра въ карты. Ф. автора.

Въ Неаполѣ, гдѣ народонаселеніе особенно скученно, проходя по улицамъ, видишь, какъ дѣти предаются разнымъ порокамъ наравнѣ со взрослыми.

Вотъ въ тѣни у подъезда собралась группа подростковъ. Идетъ азартная игра въ карты; я дѣлаю съ нихъ фотографическій снимокъ. Они такъ увлечены, что даже и не замѣчаютъ, иначе они вскочили бы и потребовали плату.

Дѣти курятъ, пьянствуютъ. Даже поздно ночью въ ресторанахъ и кабакахъ мальчики и дѣвочки поютъ и танцуютъ, развлекая подвыпившихъ посѣтителей.

Въ Неаполѣ дѣти съ малыхъ лѣтъ, въ полномъ смыслѣ слова, выбрасываются на улицу.

Полная нищета не позволяетъ дѣтямъ попасть въ школу, да и школы на югѣ Италіи хуже сѣверныхъ.

Нѣкоторые учителя прибѣгаютъ къ унижительнымъ наказаніямъ: они ставятъ на колѣни непослушныхъ и лѣнивыхъ учениковъ, вѣшаютъ имъ на шею изображеніе осла, а то и бьютъ.

Не то на сѣверѣ Италіи. Дѣти не шатаются безъ дѣла по улицамъ. Дѣвочекъ видишь тамъ за работой. Онѣ помогаютъ матерямъ стирать бѣлье, нянчатъ маленькихъ братишекъ и сестеръ, носятъ за спиной всякую поклажу.

Неграмотныхъ дѣтей тутъ почти нѣтъ. Съ 6 до 9 лѣтъ обученіе обязательно и бесплатно для всѣхъ. Затѣмъ слѣдуетъ высшій курсъ, который хоть и бесплатный, но не обязателенъ.

Хорошая школа сказывается на нравахъ жителей. Если же вы встрѣчаете бродячихъ музыкантовъ или назойливыхъ нищихъ, то большинство ихъ изъ южной Италіи, что сразу видно по смуглому, почти коричневому, цвѣту лица.

Въ Венеціи, въ самомъ бѣдномъ городѣ сѣверной Италіи, жалко смотрѣть, какъ дѣти проводятъ время. Поиграть и порѣзвиться имъ негдѣ, поэтому они собираются кучами, какъ воробьи, у какого-либо канала и ждутъ, когда вода во время отлива спадетъ, чтобы собрать тамъ какихъ-либо морскихъ животныхъ. Иногда они купаются въ грязной водѣ венеціанскихъ каналовъ, рискуя при этомъ получить всякія болѣзни.

Венеціанскія дѣти просятъ у васъ на улицѣ, но все-же они не требуютъ, какъ южные. Наоборотъ, именно въ Венеціи мнѣ пришлось убѣдиться, что итальянскія дѣти, даже самыя бѣдныя и голодныя, обладаютъ добрымъ и прекраснымъ сердцемъ.

Бабушка и внучата.

Изъ окна своей комнаты я наблюдалъ такую сцену.

Босоногому мальчику, лѣтъ семи-восьми, кто-то далъ жирную лепешку, посыпанную миндалемъ.

Казалось бы, нужно было сѣсть и сѣсть.

Но нѣтъ, — видимо, такіе лакомые куски рѣдко попадаютъ въ ротъ бѣдныхъ итальянскихъ дѣтей, — надо продлить наслажденіе.

И вотъ мальчикъ началъ съ того, что облизалъ бумагу, въ которую была завернута жирная лепешка. Затѣмъ онъ сталъ выковыривать миндалинки и медленно объѣдать корочку.

Дѣлалось это весьма сосредоточенно, причемъ мальчикъ стоялъ разставивъ ноги.

Какъ кошка играетъ съ пойманной мышью, такъ мальчикъ занимался со своей лепешкой.

Однако пора и утолить голодь. Мальчикъ присѣлъ на край стула около ресторанныго столика и, боязливо озираясь на сердитаго ресторанныго слугу, сталъ уписывать за обѣ щеки лепешку.

Вдругъ къ счастливицу протянулась маленькая ручка пятилѣтняго мальчика, который случайно проходилъ съ матерью. Бѣвшій немедленно отломилъ кусокъ и далъ просившему.

Не успѣлъ отойти этотъ, какъ подошелъ другой съ такой же просьбой. Ему также не было отказано, а тутъ и лепешкѣ пришелъ конецъ.

Такимъ образомъ бѣдный маленькій венеціанецъ самъ не доѣлъ, но не могъ не подѣлиться съ такими же, какъ и онъ, полуголодными дѣтьми, которыя протягивали къ нему свои руки.

ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАНЦУЗА.

Э. Реклю.

Французъ, и въ особенности француженка, отличаются по большей части не классическою правильностью чертъ, не благородствомъ лица, но физиономіею: они могутъ выразить всѣ чувства, передать всѣ идеи, потому что они ихъ испытываютъ и понимаютъ. Каждый народъ можетъ найти въ нихъ отголосокъ своихъ собственныхъ мыслей. Вотъ почему всѣ великія движенія Европы всегда находили отраженіе во Франціи, если не тамъ получали свой первый толчекъ.

Французъ, достигшій полного развитія своихъ силъ, владѣеть, какъ это и подходитъ къ народу, служащему естественнымъ посредникомъ для идей, — специальнымъ достоинствомъ — общественностью; въ этомъ отношеніи, онъ, по общему мнѣнію, ближе всѣхъ подходитъ къ идеалу. Чувство естественной доброжелательности влечетъ его къ себѣ подобнымъ, духъ справедливости руководитъ имъ въ его сношеніяхъ съ людьми; онъ очаровываетъ своею услужливостью, притягиваетъ своею любезностью; во всемъ дѣйствуетъ онъ съ осторожностью и чувствомъ мѣры; онъ любитъ производить хорошее

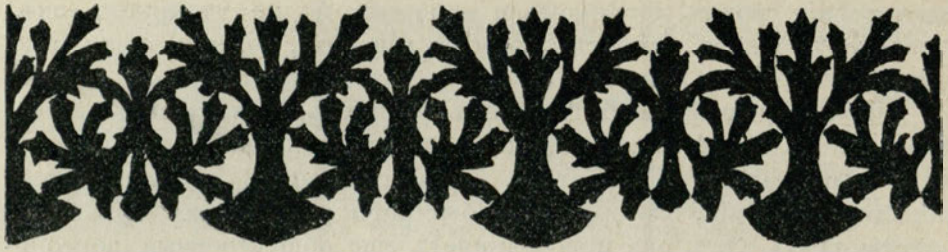
впечатлѣніе своимъ костюмомъ и манерами, но не утрируетъ ихъ; онъ отличается въ искусствѣ хорошо говорить, но, выказывая свой умъ, не старается при этомъ унижить умъ другихъ.

Француженка еще болѣе, чѣмъ французъ, можетъ быть разсматриваема въ этомъ отношеніи, какъ наиболѣе яркая представительница національнаго характера. Къ семейнымъ добродѣтелямъ, порядку, экономіи, благоразумію, быстротѣ рѣшенія въ сферѣ хозяйственныхъ дѣлъ она присоединяетъ еще общественныя достоинства, придающія ей особую прелесть: здравомысліе, естественность, умъ, находчивость; она очаровываетъ своимъ разговоромъ, и ей главнымъ образомъ обязаны мы притягательной силой французскаго общества.

Рѣдко случается, чтобы иностранцамъ не было приятно во Франціи; еще рѣже, чтобы французы не чувствовали себя несчастными вдали отъ своего отечества: мало найдется людей, для которыхъ ссылка была бы столь ужаснымъ наказаніемъ.

Средній французъ, взятый какъ представитель націи, имѣетъ также свои недостатки. Существо общежительное по преимуществу, онъ нерѣдко вырабатываетъ у себя излишнюю „готовность къ услугамъ“ каждаго и теряетъ такимъ образомъ свою личную цѣну; умѣя искусно говорить обо всемъ, онъ сильно рискуетъ быть поверхностнымъ въ своихъ сужденіяхъ; человѣкъ вкуса и мѣры, онъ склоненъ жертвовать ради нихъ силою и оригинальностью; заботясь чрезвычайно о приличіяхъ и страшась оскорбить общественное чувство, онъ нерѣдко обращаетъ недостаточное вниманіе на путь внутренняго убѣжденія; руководство своею совѣстью онъ можетъ отдать общественному мнѣнію, вмѣсто того, чтобъ искать руководителя въ самомъ себѣ; человѣкъ общества или партіи, онъ не всегда имѣетъ смѣлость остаться самимъ собою; у него рѣдко достанетъ дерзости думать и дѣйствовать съ гордою независимостью. Впрочемъ, такіе люди не часто встрѣчаются и въ остальныхъ націяхъ.

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ.

Викторъ Люго.

Соборъ Парижской Богоматери безспорно остается и теперь величественнымъ зданіемъ. Какъ бы прекрасенъ онъ ни былъ въ своей старости, трудно удержаться, однако, отъ сожалѣнія и негодованія при мысли о томъ, какъ люди и время, дѣйствуя за-одно, исколѣчили и обезобразили этотъ памятникъ сѣдой старины, безъ малѣйшаго уваженія къ Карлу Великому, положившему первый его камень, и къ Филиппу-Августу, закончившему его постройку.

На лицѣ этой дивной царицы французскихъ соборовъ, рядомъ съ морщиной, наложенной рукою времени, всегда найдется и рубецъ отъ раны, нанесенной рукою человѣка: „Tempus edax, homo edacior“.

Я, съ своей стороны, всегда охотнѣе перевелъ бы это изреченіе такъ: „Время слѣпо, а человѣкъ глупъ“.

Если бы мы съ читателемъ имѣли доступъ провѣрить всѣ слѣды разрушенія, попадающіеся на каждомъ шагу въ этомъ старинномъ храмѣ, мы увидѣли бы, что наименьшая ихъ часть причинена временемъ, а наибольшая доля падаетъ на отвѣтственность человѣка и, преимущественно, „жрецовъ искусства“, такъ какъ за послѣднія два столѣтія за ремонтровку собора многократно брались господа, развязно присвоивавшіе себѣ титулъ архитекторовъ.

Ограничимся лишь нѣсколькими наиболѣе выдающимися примѣрами.

Много ли найдется въ цѣломъ свѣтѣ такихъ чудныхъ архитектурныхъ страницъ, какъ фасадъ собора Богоматери, со своими тремя входами, глубоко вдающимися въ него стрѣльчатыми арками, съ узорчатою, зубчатою лентою двадцати восьми нишъ для королевскихъ статуй, съ центральнымъ круглымъ окномъ, красующимся между обоими двойными боковыми окнами, словно священникъ между двумя діаконами, съ дивною воздушною галлереею изъ стройныхъ тонкихъ колоннъ, соединенныхъ узорчатыми арками и поддерживающихъ тяжелую площадку, увѣчанную двумя мрачными массивными башнями съ островерхими черепичными крышами? Вся эта пятиэтажная гро-

мада образуетъ гармоничное единство, безчисленное разнообразіе деталей котораго: статуй, скульптурныхъ и рѣзныхъ украшеній, тѣснится пестрою, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, стройною толпою, какъ бы естественно сливаясь съ величаво-спокойнымъ цѣлымъ.

Соборъ Богоматери какъ бы грандіозная каменная симфонія. Это дѣло одного человѣка и цѣлаго народа, — единое, но сложное въ своемъ единствѣ, подобно народнымъ эпосамъ, съ которыми у него такъ много родственнаго. Въ созданіи этого дивнаго архитектурнаго произведенія участвовали всѣ силы современной ему эпохи, такъ что на каждомъ его камнѣ выступаетъ въ разнообразнѣйшихъ формахъ творческая фантазія работника, направляемая и сдерживаемая гениемъ художника. Словомъ, это дѣло рукъ человѣческихъ, по своей мощной и плодотворной идеѣ, имѣетъ нѣчто общее съ божественнымъ творчествомъ, какъ бы заимствуя отъ него оба главнѣйшія свои свойства: разнообразіе и вѣчность.

Сказанное о фасадѣ должно примѣнить и ко всему храму, а сказанное о соборѣ Парижской Богоматери оказывается справедливымъ въ примѣненіи ко всѣмъ прочимъ средневѣковымъ христіанскимъ храмамъ. Въ произведеніяхъ этой самобытной архитектуры всѣ частности до того тѣсно связаны, что все логично вытекаетъ одно изъ другого и поражаетъ строгою своею пропорціональностью. Смѣрьте палецъ ноги великана и вы узнаете его ростъ.

Вернемся, однако, къ фасаду собора Богоматери въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется намъ теперь, когда мы благоговѣнно любуемся этимъ строгимъ и величественнымъ сооруженіемъ, которое, по сказанію лѣтописцевъ, наводило ужасъ на смотрящаго: „*quae mole sua terrorem incutit spectantibus*“. Въ этомъ фасадѣ недостаетъ въ настоящее время трехъ, важныхъ въ художественномъ отношеніи, элементовъ: во-первыхъ, террасы въ одиннадцать ступеней, поднимавшей его когда-то надъ окружавшей почвой, затѣмъ, нижняго ряда статуй, помѣщавшихся въ нишахъ трехъ порталовъ, и верхняго ряда изъ двадцати восьми статуй, въ галереѣ второго этажа, изображавшихъ древнѣйшихъ французскихъ королей, отъ Хильдеберта и до Филиппа-Августа, съ императорскою державою въ рукѣ.

Терраса въ одиннадцать ступеней была уничтожена временемъ, которое медленно и незамѣтно повышало почву стараго города. Постепенное возрастаніе уровня парижской мостовой поглотило одну за другой всѣ одиннадцать ступеней, придававшихъ величавому зданію еще большую высоту, но время вернуло съ своей стороны собору, быть можетъ, болѣе того, что оно у него отняло; вѣдь только одно оно и могло придать фасаду собора темную окраску, красно-рѣчиво свидѣтельствующую о многихъ вѣкахъ, пережитыхъ его стѣнами, — окраску, благодаря которой старческой возрастъ зданій является лучшей порою расцвѣта ихъ красоты.

Кто же, спрашивается, уничтожилъ оба ряда статуй? Кто оставилъ ихъ ниши пустыми? Кто вырѣзалъ посрединѣ центрального портала новую стрѣльчатую арку, производящую впечатлѣніе совершенно ненужнаго придатка? Кто осмѣлился вставить рядомъ съ арабесками Бикорнета тяжеловѣсную и безвкусную деревянную дверь съ рѣзбою во вкусѣ Людовика XV? Все это сдѣлали люди, современные художники — архитекторы.

Внутри самаго храма кто низвергъ колоссальную статую св. Христофора, пользовавшуюся всемірной извѣстностью между статуями, славившуюся такъ же, какъ большой Судебный залъ славился между залами или Страсбургская колокольня между колокольнями цѣлаго свѣта? Куда дѣвались мириады статуй, заполнявшихъ всѣ промежутки между колоннъ внутри собора? Что стало со всѣми этими изображеніями мужчинъ, женщинъ и дѣтей, — королей, епископовъ и воиновъ, — колѣнопреклоненными, стоящими во весь ростъ или же сидящими на коняхъ, высѣченными изъ камня или мрамора, отлитыми изъ золота, серебра, мѣди и даже воска? Не время смело вѣдь ихъ съ лица земли безопадной своей рукою.

Кто осмѣлился замѣнить старинный готическій алтарь, съ его роскошными раками и ковчезцами, тяжеловѣснымъ мраморнымъ саркофагомъ съ головами херувимовъ и облаками, производящимъ впечатлѣніе какой-то гробницы, случайно принесенной изъ церкви Валь-де-Грасъ или изъ отеля Инвалидовъ? Кто водрузилъ этотъ каменный анахронизмъ надъ плитами временъ карловинговъ? Извѣстно, что Людовикъ XIV совершилъ эту профанацію во исполненіе обѣта, даннаго Людовикомъ XIII.

Кто замѣнилъ холоднымъ бѣлымъ стекломъ „ярко-расцвѣченныя“ оконницы, которыя заставляли взоры нашихъ предковъ перебѣгать отъ круглаго окна надъ главнымъ входомъ къ стрѣльчатымъ окнамъ хоровъ, затрудняясь, на чемъ именно остановиться? Что подумалъ бы скромнѣйшій изъ пѣвчихъ шестнадцатаго вѣка, увидѣвъ, какую чудной желтой краской вымазали свой соборъ нынѣшніе вандалы — архіепископы? Онъ вспомнилъ бы, что палачъ окрашивалъ этимъ самымъ колеромъ дома, опозоренные преступленіями ихъ владѣльцевъ. Малый Бурбонскій отель былъ вымазанъ вѣдь желтой краской за измѣну коннетабля. По словамъ Совалы, „краска оказалась до того прочною и добротною, что болѣе ста лѣтъ спустя еще не полиняла“. Вспомнивъ все это, нашъ пѣвчій непременно бы убѣжалъ, вообразивъ, что святилище осквернено какимъ-нибудь преступленіемъ.

Взберемся на кровлю собора, не останавливаясь передъ множествомъ слѣдовъ подобнаго же варварскаго хозяйничанья, встречающихся на каждомъ шагу. Куда дѣвалась маленькая колокольня, такая же стройная, какъ и ея сосѣдка на св. Часовнѣ, и тоже не

существующая теперь? Эта высокая, тонкая, островерхая, вся сквозная колокольня смѣло уносила въ небо еще выше башенъ; но одаренный „изящнымъ вкусомъ“ архитекторъ ампутировалъ ее въ 1787 г. и счелъ совершенно достаточнымъ залѣпить нанесенную собору рану свинцовымъ пластыремъ, напоминающимъ крышку кастрюли. Подобная же участь постигла, впрочемъ, средневѣковое искусство почти всюду, особенно же во Франціи.

Въ его развалинахъ можно разглядѣть троякаго рода поврежденія, проникающія не на одинаковую глубину. Тамъ и сямъ разрушающее дѣйствіе времени оставило на поверхности свои зазубрины и подернуло все своей ржавчиной; затѣмъ политическія и религіозныя революціи, слѣпныя и яростныя по природѣ, устремились на дивное произведеніе искусства, разодрали роскошную его рѣзную ризу, продырявили художественныя круглыя окна, сорвали ожерелье изъ арабесокъ и мелкихъ фантастическихъ фигуръ и опрокинули статуи, руководясь при этомъ лишь ненавистью къ тиарамъ и коронамъ. Третьимъ, самымъ грознымъ разрушителемъ, явилась мода. Послѣ роскошныхъ причудъ Возрожденія она становится все болѣе грубою, безвкусною и бессмысленною въ послѣдовательныхъ видоизмѣненіяхъ, черезъ которыя, по ея прихоти, проходитъ архитектура и которыя знаменуютъ роковой, неизбѣжный упадокъ этого искусства.

Моды причинили средневѣковому зодчеству еще больше вреда, чѣмъ революція. Врѣзаясь въ самую его глубь, онѣ увѣчили самый остовъ зданій; выкраивали и усѣкали, нарушая связность цѣлаго, не щадя ни символовъ, ни логики, ни красоты. Не довольствуясь этимъ, онѣ передѣлывали зданія за-ново, съ дерзостью, до которой не доходили ни время, ни революція. Самымъ безцеремоннымъ образомъ, во имя „изящнаго въ искусствѣ“, онѣ прикрывали зіяющія раны готической архитектуры дрянными недолговѣчными побрякушками, мраморными лентами и металлическими блестками. Всѣ эти яйцеобразныя украшенія, завитки, вырѣзки, гирлянды, бахромки, каменные сіянія, бронзовыя облака, дебелые амуры и херувимы съ распухшими щеками являются своего рода проказой. Они впервые осквернили лицо средневѣковаго искусства еще въ молельнѣ Екатерины Медичи и доканали его два вѣка спустя, когда оно, совершенно уже обезображенное, гримасничая испускаетъ духъ въ будуарѣ Дюбарри.

Уцѣлѣвшіе до сихъ поръ готическіе памятники носятъ поэтому слѣды троякаго рода опустошеній: морщины и бородавки на ихъ поверхности являются дѣломъ времени; шрамы и рубцы нанесены ударами революціи, начиная съ революціи Лютера и кончая революціей Мирабо, увѣчья же, вывихи и „реставраціи“ представляютъ собою работу профессоровъ искусства, изучившихъ различные

архитектурные стили, отъ греческаго и римскаго до современнаго варварскаго, по Витрувію и Виньолю. Дивное средневѣковое искусство, созданное вандалами, было убито академіями. Въ помощь работѣ вѣковъ и революціи, которые разрушали, по крайней мѣрѣ, безпристрастно и вносили въ дѣло разрушенія извѣстное величіе, явились цѣлыя полчища присяжныхъ архитекторовъ, съ патентами и дипломами, прошедшихъ черезъ школьную выправку. Они принялись уже не разрушать, а портить, и при томъ не какъ-нибудь, а сообразно съ указаніями безвкусицы. Кружева готической рѣзьбы были замѣнены пучками цикорія, во вкусѣ эпохи Людовика XV, и все это дѣлалось ради прославленія Парѳенона. Ослы лягали умирающаго льва. Стая жадныхъ гусеницъ набросилась на старый дубъ, чтобы обглодать его дочиста.

Какъ далеко отъ насъ время, когда Робертъ Сеналисъ, сравнивая соборъ Парижской Богоматери съ знаменитымъ храмомъ Діаны Эфесской, „которому язычники расточали столько похвалъ“, и который обезсмертилъ Герострата, заявлялъ, что галльскій соборъ „много превосходитъ языческаго храма не только длиною, шириною и высотой, но и художественностью строенія.“

Соборъ Парижской Богоматери нельзя, однако, причислить къ монументамъ вполне опредѣленнаго и законченнаго стиля. Это уже не романская церковь, но еще и не готическій храмъ. Зданіе это не можетъ считаться типичнымъ. Оно не имѣетъ строгой и массивной квадратной формы главнаго корпуса, какъ въ Турнскомъ аббатствѣ, или же круглыхъ сводовъ съ большими пролетами, холодной наготы и величественной простоты зданій чисто романскаго стиля. Въмѣстѣ съ тѣмъ его нельзя причислить и къ памятникамъ, всецѣло созданнымъ готическимъ зодчествомъ, которые, подобно Буржскому собору, плѣняютъ своей легкостью, разнообразіемъ и обиліемъ подробностей, напоминая какъ бы густолиственное дерево или растеніе въ роскошномъ цвѣту. Соборъ Парижской Богоматери не принадлежитъ къ древней семьѣ мрачныхъ, словно придавленныхъ своими круглыми сводами, таинственныхъ низкихъ храмовъ, въ которыхъ сохранилось нѣчто родственное іероглифамъ, жреческое, символическое, смахивающее, за исключеніемъ потолка, на египетскіе храмы. Зубчатая линія и ромбы преобладаютъ въ ихъ украшеніяхъ надъ цвѣтами; цвѣтовъ въ свою очередь больше, чѣмъ животныхъ, и, наконецъ, животныхъ больше, чѣмъ человѣческихъ фигуръ. Въ нихъ видна рука скорѣе жреца, чѣмъ зодчаго. Это первое еще преобразование языческаго искусства, носящее явственный отпечатокъ теократической и военной дисциплины, зародившееся въ византійской имперіи и просуществовавшее вплоть до Вильгельма Завоевателя. Точно также нельзя включить парижскій соборъ и въ семью высокихъ воздушныхъ храмовъ, съ роскошными оконницами, изукра-

шенных рѣзцомъ ваятеля, смѣлыхъ въ общемъ ихъ типѣ, и съ рѣзкими заостренными формами. Какъ политическій символъ, такіе храмы служатъ воплощеніемъ духа общинъ и городовъ, а въ качествѣ произведеній искусства свидѣтельствуютъ о свободномъ, причудливомъ, необузданно-фантастическомъ художественномъ творчествѣ. Съ ними зодчество вступаетъ во второй фазисъ своего развитія, утрачиваетъ іероглифическій, неподвижный, жреческій характеръ и становится художественнымъ, прогрессивнымъ и популярнымъ. Этотъ второй фазисъ начинается съ возвращеніемъ Людовика IX изъ крестоваго похода и заканчивается Людовикомъ XI. Соборъ Парижской Богоматери не принадлежитъ къ чистокровно романскимъ храмамъ перваго періода, но все же не можетъ быть причисленъ къ чистокровно арабскимъ церквамъ втораго періода.

Онъ знаменуетъ собою переходную эпоху. Древне-саксонскій зодчій только что успѣлъ возвести первые устои главнаго его корабля, когда стрѣльчатая арка, добытая въ крестовыхъ походахъ, побѣдно водворилась надъ громадами романскихъ капителей, предназначавшихся для поддержанія круглыхъ сводовъ. Арка эта съ тѣхъ поръ властвуетъ всюду и завершаетъ сооруженіе храма. На первыхъ порахъ, впрочемъ, она еще робка и неопытна, скрадываетъ присущія ей особенности, сдерживается, закругляется и подается въ ширь, еще не отваживаясь дерзко устремляться въ вышину тонкими остроконечными стрѣлами и копьями, какъ она дѣлала это позднѣе въ столькихъ другихъ соборахъ изумительной красоты. Ее какъ бы еще угнетаетъ сосѣдство тяжелыхъ романскихъ столповъ.

Зданія, представляющія собою переходъ отъ романскаго стиля къ готическому, столь же драгоценны для изслѣдователя, какъ и сооруженія, въ которыхъ выразился тотъ или другой чистый типъ. Въ такихъ памятникахъ смѣшаннаго характера запечатлѣлся опредѣленный историческій моментъ развитія искусства, который безъ этого былъ бы для насъ потерянъ. Въ нихъ стрѣльчатая арка, такъ сказать, прививается къ круглому своду, подобно тому, какъ черенокъ прививается къ дичку.

Соборъ Парижской Богоматери является наиболѣе любопытнымъ такимъ образчикомъ. Каждый фасадъ, каждый камень этого почтеннаго памятника служитъ не только страницей французской исторіи, но и страницей изъ исторіи искусства и науки. Не говоря о множествѣ второстепенныхъ подробностей, упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ, наиболѣе бросающихся въ глаза. Между тѣмъ какъ небольшія Красныя врата представляютъ собой почти крайній предѣлъ утонченнаго изящества готическаго стиля пятнадцатаго столѣтія, пилоны главнаго корабля своими размѣрами и строгостью стиля уходятъ сразу ко временамъ карловингскаго аббатства св. Жермена на Лугахъ. Можно подумать, что между этими вратами и пилонами

протекло шесть столѣтій. Въ символахъ главнаго портала алхимики находили краткое, но довольно обстоятельное изложеніе своей науки, полнымъ іероглифическимъ изображеніемъ которой служила церковь св. Іакова на Бойнѣ. Романское аббатство и философская церковь, готическая и древне-саксонская архитектура, тяжеловѣсная круглая колонна, напоминающая Григорія VII, и символизмъ алхимиковъ, путемъ котораго Николай Фламель подготовлялъ торжество Лютера, папское единство и церковный расколъ, церкви св. Жермена на Лугахъ и св. Іакова на Бойнѣ, — все это сливается, смѣшивается и объединяется въ соборѣ Парижской Богоматери. Эта главная парижская церковь, ставшая какъ бы праматерью остальныхъ церквей, является въ ряду другихъ древнихъ храмовъ французской столицы, чѣмъ-то вродѣ баснословной химеры. Отъ одного храма она заимствовала голову, отъ другого — конечности, отъ третьяго — хребетъ, каждое изъ этихъ сооружений воспроизводится въ ней какой-либо своей частью.

Повторяемъ, что зданія смѣшаннаго типа одинаково интересны для художника, антикварія и историка. Они показываютъ воочию первобытный характеръ зодчества; заодно съ остатками циклопическихъ сооружений, съ египетскими пирамидами и колоссальными индійскими пагодами, они свидѣтельствуютъ, что великія архитектурныя произведенія являются дѣломъ не столько единоличнымъ, сколько общественнымъ, такъ какъ создаются не мгновеннымъ творческимъ актомъ генія, а словно фізіологическимъ процессомъ народнаго рожденія, въ которомъ участвуетъ весь народъ. Они служатъ какъ бы слѣдами, оставшимися отъ народностей; они — результатъ всего пережитаго въ теченіе вѣковъ. Короче сказать, это своего рода геологическія формаціи: каждая волна времени оставляетъ на такомъ памятникѣ свой осадокъ, каждое поколѣніе налагаетъ на него свой пластъ, каждая личность приноситъ свой камень. Такъ поступаютъ не одни только бобры и пчелы, но также и люди. Великій символъ архитектуры — Вавилонская башня — не что иное, какъ улей.

Большія зданія, какъ и высокія горы, создаются вѣками. Нерѣдко искусство зодчества преобразуется раньше окончанія ихъ постройки; тогда они преспокойно продолжаютъ созидаться сообразно съ новыми, видоизмѣненными его формами. Новое искусство беретъ зданіе въ томъ видѣ, въ какомъ его застало, внѣдряется въ него, усваиваетъ его себѣ, обрабатываетъ по своей фантазіи и доканчиваетъ, если успѣетъ. Все происходитъ безъ замѣшательства, безъ усилія и противодѣйствія, по невозмутимому порядку естественнаго закона. Это какъ бы черенокъ, привившійся къ дереву. Обращеніе соковъ между нимъ и древеснымъ стволомъ устанавливается само собой, послѣ чего растительные процессы совершаются обычнымъ порядкомъ.

Можно было бы написать цѣлая книга о послѣдовательныхъ

прививкахъ различныхъ фазъ искусства на различной вышинѣ одного и того же зданія. Тамъ нерѣдко отражается исторія человѣчества. Въ такихъ громадныхъ анонимныхъ архитектурныхъ произведеніяхъ человѣкъ, художникъ, однимъ словомъ, отдѣльная личность исчезаетъ; въ нихъ воплощается и объединяется только общая мысль человѣчества въ послѣдовательныхъ періодахъ своего развитія. Архитекторомъ является время, а строителями — цѣлый народъ. Ограничиваясь лишь европейской христіанской архитектурой, этой младшей сестрой колоссальныхъ каменныхъ сооружений Востока, найдемъ, что она представляется наблюдателю въ видѣ громадной формации, распадающейся на три рѣзко обособленные пласта, лежащіе одинъ надъ другимъ, а именно: романскій*), готическій и пласть эпохи Возрожденія, который мы всего охотнѣе называли бы греко-римскимъ. Романскій пласть, наиболѣе древній и залегающій ниже всѣхъ, характеризуется полукруглой аркой; та же арка, но поддерживаемая греческой колонной, воскресаетъ и въ самомъ верхнемъ, позднѣйшемъ пластѣ, принадлежащемъ къ эпохѣ Возрожденія.

Въ промежуткѣ между обоими этими пластами находится стрѣльчатая арка. Зданія, принадлежащая цѣликомъ къ одному изъ трехъ пластовъ, представляютъ собою рѣзко обособленное, вполне объединенное и законченное цѣлое. Таковы, на примѣръ, Жюмьежское аббатство, соборъ въ Реймсѣ и церковь св. Креста въ Орлеанѣ. На своихъ окраинахъ пласты смѣшиваются и сливаются другъ съ другомъ, на подобіе красокъ въ солнечномъ спектрѣ.

Здѣсь, на рубежѣ, возникаютъ памятники сложнаго характера, — сооруженія переходнаго оттѣнка. Иное зданіе принадлежитъ внизу къ романскому, посрединѣ къ готическому, а вверху къ греко-римскому типу. Дѣло въ томъ, что оно строилось въ теченіе шести вѣковъ. Такія сооруженія, образчикомъ которыхъ можетъ служить Этампская башня, сравнительно рѣдки. Гораздо чаще встрѣчаются зданія, совмѣщающія въ себѣ лишь два наслоенія. Таковъ соборъ Парижской Богоматери, принадлежащій къ стрѣльчатому напластованію, но углубляющійся первыми, старѣйшими своими пилонами въ романскій пласть, тотъ самый, къ которому цѣликомъ принадлежитъ порталъ аббатства св. Діонисія и главный корабль церкви св. Жермена на Лугахъ. Къ такому же двойственному типу надо отнести и прелестный полуготическій залъ капитула въ Бошервилѣ, гдѣ

*) Смотри по мѣстности, климату и нѣкоторымъ отличіямъ, романская архитектура называется ломбардской, саксонской и византійской. Въ сущности все это родныя сестры; и каждая изъ нихъ обладаетъ своими характерными особенностями, но все онѣ вытекаютъ изъ одного и того же основнаго принципа, а именно изъ полукруглой арки.

*Facies non omnibus una,
Non diversa, tamen, qualem...*

романскій пласть доходитъ до половины высоты. Сюда же относится и Руанскій соборъ, который оказался бы чисто готическимъ, если бы не уносился верхушкой своего центрального шпиля въ эпоху Возрожденія*).

Впрочемъ, всѣ эти оттѣнки и отличія затрогиваютъ лишь поверхность зданій. Искусство мѣняетъ, словно змѣй свою кожу, но этимъ не затрогивается сущность христіанскаго храма. Повсюду сохраняется то же самое внутреннее строеніе, тотъ же логичный распорядокъ частей. Какова бы ни была скульптурная или узорчатая оболочка соборнаго храма, подъ нею всегда окажется, хотя бы лишь въ зачаточномъ, зародышевомъ состояніи, римская базилика. Дальнѣйшее развитіе этого зародыша происходитъ всегда по одному и тому же закону. Церковь неизмѣнно состоитъ изъ двухъ главныхъ кораблей, пересѣкающихся въ формѣ креста, причемъ верхняя ихъ часть, закругленная абсидомъ, образуетъ собою хоры, и добавочныхъ, менѣе высокихъ пристроекъ, предназначенныхъ для религіозныхъ процессій внутри храма и для сооруженія придѣловъ. Онѣ представляютъ собою нѣчто вродѣ боковыхъ галлерей, съ которыми центральная часть сообщается чрезъ пролеты между колоннами. На этой основной канвѣ вышиваются разнообразныя до безконечности узоры. Число придѣловъ, порталовъ, колоколенъ и шпицевъ видоизмѣняется сообразно съ приходью данной эпохи, даннаго народа и даннаго фазиса въ искусствѣ. Разъ что обезпечены потребности богослуженія, архитектура можетъ хозяйничать по собственному ея усмотрѣнію. Статуи, цвѣтныя оконницы, круглыя окна съ рѣзными переплетами, зубцы, капители и барельефы, все это измѣняется и приспособляется ею сообразно съ идеалами, которые она себѣ создала. Отсюда вытекаетъ изумительное внѣшнее разнообразіе этихъ зданій, внутреннее расположеніе которыхъ отличается такимъ строгимъ порядкомъ и однообразіемъ. Стволъ дерева остается неизмѣннымъ, несмотря на разрастаніе его вѣтвей и листья.

ПАСТЕРОВСКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

(Научное значеніе Пастера по К. А. Тимирязеву.)

Распространенная французская газета, „Petit Parisien“, организовала въ 1907 году грандіозный опросъ населенія, кого оно считаетъ величайшими сынами Франціи.

Опубликованные результаты этого голосованія показали, что наибольшее число голосовъ получилъ Пастеръ (1 338 425 г.), затѣмъ —

*) Именно та часть шпиля, которая была недостроена, а въ 1823 г. сожжена ударомъ молніи.

Викторъ Гюго, Гамбетта и только четвертое мѣсто досталось Наполеону I.

Русскій ученый К. А. Тимирязевъ такъ характеризуетъ Пастера: „Онъ былъ тотъ человѣкъ, пришествіе котораго восторженно вѣщаль Бэконъ, — „человѣкъ — истолкователь природы и ея властелинъ“.

Луи Пастеръ былъ сынъ отставнаго солдата. По окончаніи средней школы Пастеръ преданъ изученію химіи. Первая его научная работа о винной кислотѣ дала ему возможность получить мѣсто адъюнктъ-профессора въ провинціи. Черезъ три года онъ вернулся въ Парижъ, гдѣ занялъ скромное мѣсто руководителя научныхъ занятій въ Ecole Normale.

Первое время Пастеръ не имѣлъ ни кафедръ, ни своей лабораторіи, а потому устроилъ на чердакѣ Ecole Normale на собственныя средства маленькую лабораторію. Такъ началъ свою научную карьеру этотъ великій ученый.

Извѣстность въ научномъ мірѣ Пастеръ составилъ себѣ благодаря изслѣдованіямъ въ области кристаллографіи. Въ связи съ этой наукой онъ натолкнулся на рядъ интересныхъ фактовъ взаимодействія между организмами и средой, въ которой они развиваются; послѣ чего всецѣло отдался изученію явленій, такъ называемаго „броженія“.

Въ исходѣ первой половины прошлаго столѣтія, большинство ученыхъ склонялось къ мнѣнію, что броженіе — это химическое явленіе. Противъ этого воззрѣнія вооружился Пастеръ. Онъ выступилъ съ теоріей, что всѣ процессы броженія — результаты воздѣйствія на бродящія тѣла микроскопически малыхъ живыхъ существъ (микроорганизмовъ).

Свою теорію Пастеръ немедленно доказалъ опытами, найдя эти живыя существа въ тѣхъ производствахъ, гдѣ процессъ броженія играетъ важную роль, напр., въ винодѣліи и пивовареніи. Онъ научилъ, какъ разводить необходимые микроорганизмы и какъ вести борьбу съ вредными. Процессъ, ограждающій вина отъ порчи и отъ „болѣзней“, носитъ теперь названіе „Пастеризаціи“.

Если извѣстными мѣрами борьбы противъ микроорганизмовъ мы можемъ оградить отъ болѣзни вино, то не представляетъ ли это ученіе ключа къ борьбѣ съ болѣзнями животныхъ и человѣка? Заразы, эти бичи человѣчества, не будутъ ли это тѣ же невидимыя существа, а результаты ихъ дѣйствія — только процессы, аналогичные броженію?

Пастеръ не сразу останавливаетъ свое вниманіе на человѣкѣ.

Въ то время югъ Франціи страдалъ отъ бѣдствія, грозившаго разореніемъ цѣлымъ мѣстностямъ. Какая-то эпидемія истребляла шелковичнаго червя. Это представило Пастеру случай изучить

явленіе заразной болѣзни на сравнительно простомъ организмѣ, находившемся въ неограниченномъ числѣ экземпляровъ. Тѣмъ не менѣе, потребовались годы упорнаго труда.

Болѣзни оказались паразитными.

Тогда Пастеръ переходитъ уже къ крупнымъ животнымъ; онъ избираетъ одну изъ самыхъ страшныхъ, почти безусловно смертельныхъ болѣзней, — сибирскую язву, поражающую рогатый скотъ, а порой и человѣка.

Выдѣливъ изъ крови зараженнаго животного паразита, оказавшагося бациллою, Пастеръ культивировалъ его въ другихъ жидкостяхъ, внѣ организма; вводилъ эти культуры въ организмъ здоровой коровы и вызывалъ ея зараженіе. Оказалось, что этотъ бациллъ размножается спорами, и споры эти подобно сѣменамъ растений могутъ сохраняться годами въ землѣ, гдѣ были зарыты трупы; земляные черви могутъ выносить ихъ на поверхность почвы и вызывать новый взрывъ эпидеміи.

Сдѣлавъ прививку этой заразы курамъ, Пастеръ замѣтилъ, что для нихъ она безвредна. Геніальный ученый вскорѣ нашелъ простое объясненіе этому любопытному факту. Температура крови птицъ выше температуры животныхъ и человѣка. Курица не заражается потому, что при температурѣ ея крови бациллъ сибирской язвы не можетъ размножаться. Для полной несомнѣнности Пастеръ взялъ курицу, привилъ ей сибирскую язву и поставилъ ее ногами въ холодную воду, такъ что температура ея крови понизилась до 37°—38°. На другой день она была мертва, и кровь ея переполнена бациллами.

Курицѣ пришлось сыграть очень важную роль въ дѣятельности Пастера.

Дѣло въ томъ, что куры, не заражаясь сибирской язвой, болѣютъ другими болѣзнями, въ томъ числѣ одной, носящей названіе куриной холеры. Микроорганизмы этой болѣзни можно разводить внѣ организма курицы, напримѣръ, въ бульонѣ, и ничтожной капли этого бульона достаточно, чтобы заразить и убить курицу. Каплей этого бульона можно заразить новое количество бульона, но подъ условіемъ, чтобы между каждымъ послѣдующимъ зараженіемъ проходило не болѣе сутокъ.

Но, вотъ, однажды Пастеръ, желая привить курицѣ холеру и не имѣя подъ рукой свѣжей культуры, взялъ простоявшую нѣсколько времени въ пробиркѣ, заткнутой ватой. Привитый ядъ оказался уже не смертельнымъ. Курица поболѣла и выздоровѣла.

Пастеръ повторялъ, умножалъ опыты, и изъ нихъ выяснилась возможность по желанію ослабить ядъ заразы. Чѣмъ болѣе стояла культура при доступѣ воздуха, тѣмъ безвреднѣе становился ядъ.

Но если смертельно ядовитый бульонъ сохранить въ запаянномъ сосудѣ, время не оказываетъ дѣйствія на его ядовитость.

Это ослабленіе, притупленіе заразы, — *l'attenuation des virus*, — конечно, величайшее изъ открытій Пастера. Изъ него непосредственно вытекаютъ всѣ остальные.

Пастеръ давно уже задумывался надъ фактомъ, что заразные болѣзни, говоря вообще, не повторяются, а также надъ возможностью посредствомъ прививки оспы оградить челоуѣка отъ естественной оспы.

Почему бы не распространить этой прививки на всѣ заразные болѣзни? Теперь представился первый случай проверить это.

Опытъ блистательно оправдалъ ожиданія: куры, которымъ предварительно была привита зараза ослабленная, оказались затѣмъ почти нечувствительными къ заразѣ смертельной.

Здѣсь необходимо тотчасъ же подчеркнуть коренное различіе между открытiемъ Дженнера, впервые примѣнившаго привитіе оспы, и открытiемъ Пастера.

Если Дженнеръ открылъ отдѣльный фактъ, „то Пастеръ открылъ общій методъ“. Онъ открылъ тайну превращать, по желанію, смертельный ядъ въ противоядіе.

Вооруженный этимъ методомъ Пастеръ возвращается къ сибирской язвѣ не для изученія, какъ раньше, а затѣмъ, чтобы вступить съ нею въ борьбу. Съ первыхъ же шаговъ встрѣчается препятствіе. Приѣмъ, выработанный съ заразой куриной холеры, оказался здѣсь непримѣнимымъ. Если оставить нѣсколько дней культуру бацилла сибирской язвы, то онъ образуетъ споры, а эти споры сохраняютъ свою первоначальную ядовитость. Но Пастеръ вскорѣ нашелъ исходъ.

При температурѣ 42°—43° эти бациллы уже не производятъ споръ, но еще размножаются, а если ихъ заставить развиваться въ той же средѣ и при доступѣ воздуха, то заразительность ихъ ослабѣваетъ, притупляется. Убѣдившись путемъ многочисленныхъ опытовъ въ вѣрности своей теоріи, Пастеръ рѣшилъ явить сомнѣвающейся толпѣ знаменіе своей научной мощи. Это былъ его знаменитый опытъ въ Пулье-ле-Форъ весной 1881 года. Получивъ въ свое распоряженіе стадо овецъ въ 50 штукъ, онъ сдѣлалъ 25 изъ нихъ нѣсколько предварительныхъ прививокъ ослабленной заразы. 31 мая въ присутствіи многочисленныхъ и въ большинствѣ скептически настроенныхъ зрителей онъ привилъ всѣмъ 50 овцамъ сибирскую язву въ ея самой смертельной формѣ и пригласилъ всѣхъ присутствующихъ вернуться черезъ 48 часовъ, объявивъ впередъ, что 25 животныхъ они застанутъ уже мертвыми, а 25 другихъ цѣлыми и невредимыми. Даже друзья его были испуганы его самоувѣренностью. Но пророчество исполнилось буквально.

Собравшимся въ Пулье-ле-Форъ представилась такая картина: 22 овцы лежали мертвыми, двѣ умерли у нихъ на глазахъ, а третья къ ночи, остальные 25 были живы и здоровы.

Скептицизмъ враговъ, опасенія друзей уступили мѣсто взрыву безграничнаго восторга.

Прививка сибирской язвы стала теперь зауряднымъ дѣломъ, и уже никого болѣе не удивляетъ.

Пастеръ тѣмъ временемъ шелъ впередъ. Онъ снова избралъ самую ужасную, самую безнадежную изъ болѣзней — бѣшенство.

Въ первый разъ изъ рукъ Пастера выскользнула, оторвалась нить, которая вела его по лабиринту этихъ темныхъ явленій. Микроба бѣшенства не оказалось, несмотря на всѣ поиски.

Послѣ долгихъ изслѣдованій обнаружилось, что главнымъ вмѣстилищемъ заразы должно считать нервную систему, мозгъ головной и спинной и нервные стволы. Кусочекъ нервной ткани, разведенный бульономъ и введенный посредствомъ шприца, вызываетъ неминуемое зараженіе. Но какъ ослабить его ядовитость, пока не найдено микроба, который можно было бы культивировать?

Послѣ долгихъ опытовъ Пастеръ находитъ это средство.

Стоитъ отпрепарировать мозгъ зараженнаго животнаго, подвергнуть со всѣми предосторожностями высушиванію, и, по мѣрѣ высыханія, онъ будетъ утрачивать свои заразительныя свойства, пока ихъ вовсе не утратитъ. Привитый собакамъ этотъ ослабленный ядъ дѣлалъ ихъ невоспримчивыми къ яду сильнѣйшему и къ непосредственному укусу бѣшенымъ животнымъ.

До сихъ поръ шла рѣчь о прививкахъ предохранительныхъ. Но Пастеръ нашелъ совершенно новый, поистинѣ гениальный пріемъ, — пріемъ также предохранительной, но не предшествующей, а послѣдующей прививки. Переводя заразу бѣшенства изъ одного кролика въ другого, Пастеръ могъ замѣтить, что скрытый инкубационный періодъ заразы могъ болѣе и болѣе сокращаться; наконецъ, онъ былъ имъ сведенъ на семь дней.

Такъ какъ у людей скрытое состояніе длится не менѣе мѣсяца, то можно въ догоню этому медленному, но смертельному яду, послать ядъ ослабленный, но съ болѣе быстрымъ теченіемъ зараженія. Онъ опередитъ этотъ сильный ядъ, подготовитъ и сдѣлаетъ этотъ организмъ неуязвимымъ. Провѣренная на собакахъ, эта гениальная мысль оказалась совершенно вѣрной. Тогда наступилъ самый рѣшительный, самый торжественный моментъ въ жизни Пастера, — моментъ, когда ему пришлось примѣнить открытое имъ излѣченіе уже на человѣкѣ.

Первые пациенты, имъ спасенные, были такъ жестоко искусаны бѣшеной собакой, что, производя надъ ними опытъ, Пастеръ, казалось, могъ бы успокоить себя мыслью, что дѣлаетъ экспериментъ

надъ людьми, фактически обреченными на смерть. Только близкіе люди знали, какіе томительные дни и мучительныя безсонныя ночи перенесъ этотъ немолодой, истощенный болѣзнями человекъ, между 4 іюля и 26 октября, когда въ первый разъ былъ привитъ живому человѣческому существу ядъ бѣшенства.

Выждавъ всѣ сроки возможнаго проявленія болѣзни (промежутокъ отъ воспріятія до проявленія болѣзни), Пастеръ въ своей обычной скромной формѣ сообщилъ Академіи, что излѣченіе отъ бѣшенства уже совершившійся фактъ.

Всеобщимъ восторгомъ была встрѣчена во всемъ цивилизованномъ мірѣ вѣсть, что самая страшная изъ болѣзней побѣждена наукой.

Выраженіемъ всеобщаго увлеченія открытіями Пастера явилась международная подписка на постройку достойной его лабораторіи — Пастеровскаго института, которому суждено играть такую роль въ будущихъ судьбахъ созданной Пастеромъ новой науки.

Заслуживаетъ особаго вниманія личность самого Пастера и его отношеніе къ дѣлу. Примѣромъ этого гениальнаго ученаго уничтожается предрасудокъ, будто талантъ и трудолюбіе не идутъ рука объ руку. Пастеръ отличался трудолюбіемъ и упорствомъ въ трудѣ, почти превышающимъ всякое вѣроятіе. Вслѣдствіе многолѣтней работы съ микроскопомъ при изученіи болѣзни шелковичнаго червя, Пастеръ въ 1869 году былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ и параличемъ всего тѣла, послѣдствія чего остались у него на всю жизнь.

Ренанъ въ рѣчи по случаю приѣма Пастера во французскую академію сказалъ: „Природа сама не аристократка; она требуетъ, чтобы трудились; она любитъ мозолистыя руки и дѣлаетъ свои откровенія только челу, изборожденному морщинами“.

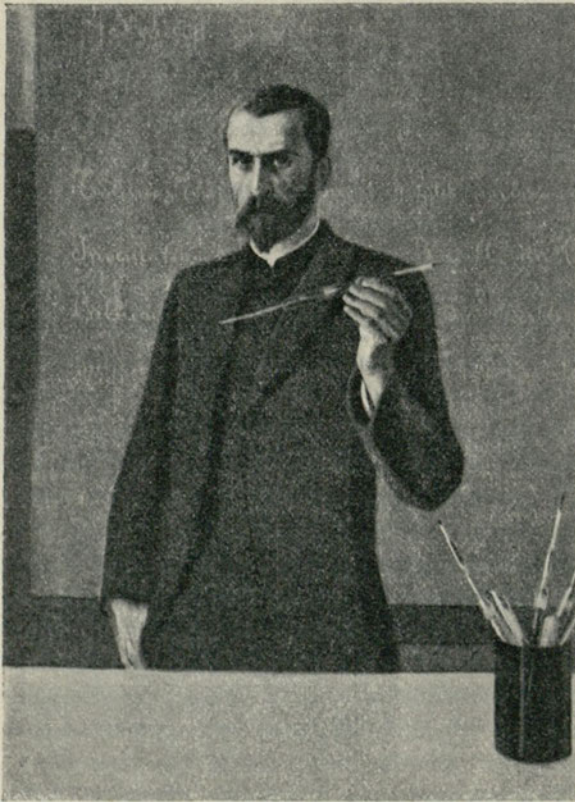
Изложеніе у Пастера, какъ письменное, такъ и устное, отличалось замѣчательной безыскусственностью и простотою.

Если бы не напряженное почтительное вниманіе, съ которымъ слушали его товарищи академики, и какой-то возбужденный трепетъ ожиданія, пробѣгавшій въ публикѣ при словахъ: „Пастеръ всталъ! Пастеръ говоритъ!“ поверхностный наблюдатель могъ бы подумать, что это дѣлаетъ сообщеніе какой-нибудь заурядный ученый по вопросу, интересному развѣ только для однихъ ветеринаровъ.

Пастеръ скончался 73-хъ лѣтнимъ старикомъ въ 1895 году, создавъ цѣлую школу ученыхъ, которымъ онъ не разъ говорилъ при жизни: „Не высказывайте ничего такого, чего не можете доказать просто и несомнѣнно. Преклоняйтесь передъ духомъ критики“.

Ученики Пастера свято хранятъ завѣты своего великаго учителя и продолжаютъ разрабатывать его методы.

Ближайшій сотрудникъ Пастера, Пьеръ Ру, (нынѣшній директоръ Пастеровскаго Института) совместно съ Берингомъ занялись изученіемъ болѣзни дифтерита. Выяснилось, что упадокъ сердечной дѣятельности, параличи отдѣльныхъ частей тѣла при дифтеритѣ вызываются ядомъ, выделяемымъ дифтеритнымъ микробомъ.

Пьеръ Ру.

Если же привить ослабленные разводки дифтеритнаго микроба лошади, то въ ея крови развивается противоядіе „антитоксинъ“, который противодѣйствуетъ яду микроба „токсину“. Исходя изъ этого, „антитоксинъ“, заготовленный въ крови лошади, вводятъ прямо въ организмъ больного дифтеритомъ, и такимъ образомъ предупреждается его отравленіе.

Послѣ прививки бѣшенства ни одно открытіе не произвело такого впечатлѣнія, какъ звѣстіе, что и дифтеритъ излѣчимъ.

Не такъ давно даже въ образцовыхъ больницахъ Германіи умирала $\frac{1}{2}$ всѣхъ заболѣвшихъ дифтеритомъ. Тамъ же, гдѣ населеніе лѣчилось при плохихъ гигиеническихъ условіяхъ, болѣзнь принимала громадныя размѣры. Такъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ южной и средней Россіи въ эпидемію 1879 — 81 года погибло до $\frac{2}{3}$ всѣхъ дѣтей сельскаго населенія. Теперь же, благодаря прививкамъ, смертность низведена до ничтожныхъ цифръ. А если прививка сдѣлана въ первый день болѣзни, то смертность, какъ показала статистика, равняется нулю, т. е. выживаютъ всѣ.

Другой сподвижникъ Пастера, пожалуй, еще болѣе популярный, чѣмъ Ру, это русскій ученый И. И. Мечниковъ. Онъ былъ профессоромъ зоологіи въ Одессѣ, но въ 80-хъ годахъ оставилъ Россію и поселился въ Парижѣ, гдѣ началъ работать въ Институтѣ Пастера.

Теперь онъ вмѣстѣ съ профессоромъ Ру стоитъ во главѣ Института въ качествѣ *sous-directeur*'а.

Громадное значеніе въ наукѣ имѣли изслѣдованія Мечникова, давшія новую теорію борьбы организма животныхъ съ различными организмами, служащими причиной заразныхъ болѣзней.

Во время холерной эпидеміи 1892 — 94 г. Мечниковъ выяснилъ роль холернаго вибриона, открытаго Кохомъ.

Мечниковъ не ограничился изученіемъ болѣзней; теперь онъ работаетъ между прочимъ надъ вопросомъ продленія здоровой жизни человѣка. Мечниковъ не согласенъ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, что предѣлъ нормальной жизни человѣка 70 — 75 лѣтъ. Онъ называетъ поэтовъ, художниковъ, мыслителей, сохранившихъ полноту своего генія въ этомъ и даже въ болѣе позднемъ возрастѣ.

Во Франціи и теперь еще умираетъ въ возрастѣ 100 лѣтъ и выше около 150 лицъ ежегодно, а, напримѣръ, въ Греціи столѣтнихъ особей насчитывается въ 9 разъ болѣе, чѣмъ во Франціи. Женщины болѣе склонны къ долголѣтности, чѣмъ мужчины.

Повидимому, важную роль играетъ наслѣдственность и правильный трезвый, умѣренный образъ жизни, хотя есть примѣры, что доживали до глубокой старости лица, не отличавшіяся умѣренностью въ пищѣ и напиткахъ. Но вообще долголѣтность чаще свойственна болѣе бѣднымъ, чѣмъ богатымъ, живущимъ болѣе скромно, чѣмъ роскошно.

Идеаль старости, это — когда она является естественной, желанной для удрученнаго годами человѣка, какъ сонъ для утомленнаго.

Мечниковъ согласенъ съ мнѣніемъ англійскаго врача Вебера, совѣтовавшаго старикамъ бороться съ печальными настроеніями, воспитывать въ себѣ душевное спокойствіе, оптимистическій взглядъ на жизнь и твердую волю въ сохраненіи здоровья.

Но особенно важны для продленія жизни людей успѣхи гигиены и мѣры борьбы съ заразными болѣзнями. Мечниковъ останавливается особенно на вредѣ, производимомъ микробами въ толстой кишкѣ человѣка, и старается найти средства борьбы съ этимъ. Онъ подмѣчаетъ большую долголѣтность у народовъ, питающихся преимущественно кислымъ молокомъ.

Въ Институтѣ немедленно предпринимается рядъ научныхъ работъ съ цѣлью выяснитъ вопросъ, что собственно въ кислое молоко такъ благотворно вліяетъ на человѣка. Бациллъ былъ скоро найденъ въ болгарскомъ молокѣ „яхуртъ“. Теперь этого благодѣтеля-бацилла искусственно разводять и разсылаютъ по всему свѣту, какъ лѣчебное средство и въ порошокъ, и въ лепешкахъ.

Мечниковъ до сихъ поръ не утратилъ связи съ Россіей. Его статьи появляются нерѣдко въ русской печати. Когда въ 1907 году холера грозила принять у насъ широкіе размѣры, онъ напечаталъ

въ русской газетѣ статью „о мѣрахъ личнаго предохраненія противъ холеры“, гдѣ подѣлился съ русскимъ обществомъ результатами своихъ новѣйшихъ изслѣдованій по вопросамъ борьбы съ холерной эпидеміей.

„Въ первый разъ я столкнулся съ холерой — говоритъ Мечниковъ — въ Неаполѣ въ 1865 году. Впечатлительное грязное суевѣрное населеніе этого южнаго города было очень взволновано появленіемъ сильной эпидеміи среди невыносимо жаркаго лѣта. Постоянно слышался похоронный звонъ колоколовъ въ многочисленныхъ церквахъ, и на каждомъ шагу встрѣчались процессіи, сопровождаемыя лицами въ бѣлыхъ покрывалахъ съ прорѣзами для глазъ.

Газеты ежедневно печатали бюллетени о смертныхъ случаяхъ, и, казалось, не было конца бѣдствію.

Наука была тѣмъ болѣе безпомощна, что въ то время не имѣли никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній ни о природѣ холерной заразы, ни о способахъ ея распространенія и о средствахъ предотвратить ее.

Въ общихъ чертахъ указывали на то, что не нужно пить сырой воды, не ѣсть фруктовъ, и что вообще слѣдуетъ избѣгать всего, что можетъ нарушить правильное пищевареніе.

Смѣльчаки осмѣивали эти совѣты и продолжали поѣдать поспѣвшіе въ большомъ количествѣ и продаваемые за ничтожную цѣну плоды.

Слѣдующимъ лѣтомъ холера и я, мы снова посѣтили Неаполь. Болѣзнь косила немилосердно вокругъ, и становилось жутко отъ недоумѣнія, откуда же берется эта зараза и что предпринять, чтобы избавиться отъ нея.

Но вскорѣ наступилъ расцвѣтъ научной медицины.

Открытіе Кохомъ холернаго вибриона сдѣлало громадный шагъ впередъ. Благодаря изслѣдованіямъ Коха и его послѣдователей, оказалось, что холера не есть болѣзнь крови, а есть отравленіе ядами, которые изготовляются находящимися въ кишкѣ бактеріями. Зараза проникаетъ черезъ ротъ и разводится въ кишечномъ каналѣ.

Въ настоящее время несомнѣнно установлено, что азиатская холера причиняется Коховскимъ вибриономъ, микроскопически малымъ существомъ, которое не выдерживаетъ сколько-нибудь продолжительнаго высушиванія и которое убивается уже температурой въ 60° Цельсія и выше.

Замѣчательно, что эта бактерія можетъ водиться во множествѣ въ кишечномъ каналѣ человѣка, не вызывая у послѣдняго холеры. Дѣло можетъ ограничиться лишь ничтожнымъ разстройствомъ кишечныхъ отравленій или даже вовсе обойтись безъ малѣйшаго болѣзненнаго проявленія.

Эти здоровые субъекты особенно опасны какъ разносители холерной заразы.

Съ давнихъ поръ уже замѣчено, что холерная зараза можетъ довольно долго сохраняться въ водѣ. Отсюда неизбѣжный выводъ — не пить сырой воды, не полоскать ею рта и по возможности даже не употреблять ее для умыванія. Если бы вода даже не подвергалась кипѣнію, то все же температура ея должна быть доведена до 60° Цельсія, которые достаточны, чтобы убить холерную заразу.

Меня спрашиваютъ: можно ли ѣсть арбузы и дыни во время эпидеміи? Разумѣется, можно, равно какъ большинство другихъ плодовъ: груши, яблоки, персики и т. д. Въ съѣдобной мякоти ихъ навѣрно не существуетъ холерной заразы, но послѣдняя можетъ попасть на ихъ корку. Ихъ стоитъ только обмыть горячей водой, а еще лучше продержатъ хотя-бы короткое время въ кипяткѣ.

Кушанья слѣдуетъ подавать горячими и накладывать на горячія тарелки. Эта мѣра особенно важна для предохраненія отъ носителей холерной заразы со стороны здоровой прислуги.

Я разскажу случай, имѣвшій мѣсто во время послѣдней холерной эпидеміи въ Александріи въ Египтѣ. Тамъ умерла отъ несомнѣнной холеры пожилая дама, съ давнихъ поръ страдавшая желудкомъ и соблюдавшая самую строгую діету. О сырой водѣ и сырой пищѣ въ ея питаніи не могло быть и рѣчи.

Откуда могла заразиться такая пациентка? Этотъ вопросъ задали ея доктора, которые произвели тщательную развѣдку и установили слѣдующій фактъ. Дама питалась бульономъ, который, разумѣется, кипятили, но лѣтомъ она предпочитала пить бульонъ холоднымъ, и, передъ тѣмъ какъ подавать, его охлаждали въ ледникѣ.

Оказалось, что прислуга, ухаживавшая за дамой, была одержима легчайшимъ расстройствомъ кишекъ, и что эта ничтожная „болѣзнь“ сопровождалась выходненіемъ изъ ея организма множества холерныхъ вибрионовъ.

Бульонъ, какъ извѣстно, есть отличная среда для размноженія всевозможныхъ бактерій. Благодаря лѣтней жарѣ, ничтожное количество холерной заразы, занесенной пальцами прислуги, успѣло расплодиться въ достаточной мѣрѣ для того, чтобы причинить смертельную холеру.

Случай этотъ показываетъ, что въ холерное время, пища должна быть подаваема горячей.

Слѣдуетъ принять за правило не садиться за столъ, не вымывъ предварительно рукъ. Вообще слѣдуетъ избѣгать ѣсть руками: это унаслѣдовано отъ былыхъ временъ.

При соблюденіи правилъ предосторожности, холерная зараза такъ же безопасна, какъ яды въ аптекѣ или всевозможные микробы въ бактериологическихъ лабораторіяхъ.

Въ Пастеровскомъ институтѣ уже многіе годы работаютъ надъ

приготовленіемъ противохолерной сыворотки, но всѣ онѣ пока оказались безпомощны противъ холеры.

Предохранительныя прививки по методѣ Хавкина, которую онъ примѣнялъ въ Индіи, уменьшаютъ шансы заболѣть холерой, но не вполне устраняютъ ихъ.*)

Осенью 1908 года въ русской печати снова появилась статья Мечникова, когда холерная эпидемія начала принимать громадныя размѣры въ Петербургѣ.

Оставляя въ силѣ всѣ свои положенія о холерной заразѣ, высказанныя въ прошломъ году, Мечниковъ говоритъ: „несравненно важнѣе мѣры личнаго предохраненія, чѣмъ мѣропріятія общія. Поливанія улицъ, домовъ, сухихъ вещей и пр. дезинфекціонными жидкостями не имѣетъ никакого значенія. Въ разныя времена, да, кажется, еще и теперь, на границахъ обрызгиваютъ пассажировъ дезинфекціонными растворами. Эта мѣра не имѣетъ никакого смысла.

Кохъ рассказывалъ мнѣ, что когда онъ въ 1884 году возвращался изъ холерной Франціи въ Швейцарію, то его усердно поливали карболовой водой, между тѣмъ какъ у него въ карманѣ была цѣлая коллекція разводовъ холернаго вибріона. Разумѣется, эта мѣра не причинила послѣднему ни малѣйшаго вреда.“

Въ концѣ своей статьи ученый высказываетъ такую надежду. „Несмотря на то, что изученіе холеры еще далеко не доведено до совершенства, уже теперь наука обладаетъ достаточнымъ количествомъ прочно установленныхъ данныхъ для вполне успѣшной борьбы съ этой болѣзью. Возможно предвидѣть, когда холерныя эпидеміи отойдутъ въ область исторіи.“

Пастеровскій Институтъ, возникшій на частныя пожертвованія, испытывалъ сначала нѣкоторый недостатокъ въ средствахъ, но своей плодотворной работой на пользу всего человѣчества, онъ себѣ снискалъ симпатіи общества, и теперь будущность института можно считать обезпеченной. Такъ, недавно извѣстный богачъ французъ Озирисъ завѣщалъ Институту 28 милліоновъ франковъ.

Поддержку этому полезному учрежденію оказываютъ даже изъ другихъ странъ. Недавно москвичи: В. А. и М. А. Морозовы передали Мечникову для научныхъ опытовъ 30.000 франковъ.

*) Ил. Мечниковъ. Парижъ, 16-го августа 1907 г.

ВИНОДѢЛІЕ ВО ФРАНЦІИ И ЕГО ВРАГИ.

Жур. Новоселовъ.

Виноградное вино было извѣстно людямъ со временъ глубокой древности. По сохранившимся изображеніямъ на гробницахъ въ Египтѣ отлично можно судить о томъ, какъ во времена фараоновъ собирали виноградъ, какъ выдавливали ногами изъ него сокъ, какъ варили, процѣживали и даже какъ слуги выносили упившихся имъ.

Нѣкоторые народы древности, какъ, на примѣръ, спартанцы, совсѣмъ не употребляли вина, другіе избѣгали, но большинство очень цѣнило его и считало „даромъ неба“. Въ честь вина сочинялись и пѣлись гимны, устраивались празднества, а происхождение самой виноградной лозы было связано съ остроумной легендой.

„Вакхъ, нашедши маленькую виноградную лозу, хотѣлъ ее пересадить, для чего вложилъ ее въ птичью кость, но на дорогѣ растение стало такъ быстро расти, что надо было искать другого вмѣстилища; тогда Діонисъ посадилъ его въ львиную и потомъ въ ослиную кость. Прибывъ въ Наксосъ, онъ посадилъ лозу въ землю вмѣстѣ съ этими тремя костями, и потому люди, пьющіе вино, сперва поютъ, какъ птички, потомъ становятся львами и, наконецъ, обращаются въ ословъ“.

Древніе, помимо пріятныхъ ощущеній, за виномъ признавали и цѣлебныя свойства. „Едва ли могущество боговъ равняется пользѣ, приносимой виномъ“, говоритъ знаменитый врачъ древности Асклепідъ.

Если же мы обратимся къ нашему времени, то увидимъ, что среди спиртныхъ напитковъ виноградное вино, благодаря своей дороговизнѣ, отошло на второй планъ, а неумѣренное употребленіе вообще спирта побуждаетъ современнаго врача больше говорить о вредѣ вина, чѣмъ о пользѣ, хотя въ Англіи теперь существуетъ цѣлая школа врачей, посвятившихъ себя изученію цѣлебныхъ свойствъ вина. А кромѣ того, рѣдкій изъ современныхъ врачей не прописываетъ больнымъ и особенно выздоравливающимъ натурального вина, какъ средства, возстаивающаго силы лучше всякихъ лѣкарствъ.

Такимъ образомъ виноградной лозѣ съ давнихъ поръ суждено играть видную роль въ жизни человѣка. Откуда же виноградная лоза взялась? Гдѣ ея родина? По этому вопросу ученые придерживаются различныхъ взглядовъ.

Одни считаютъ родиной виноградной лозы страны, лежащія къ югу отъ Каспійскаго моря и Кавказскихъ горъ, гдѣ виноградъ растетъ и теперь еще въ дикомъ видѣ. Отъ семитическихъ народовъ, жившихъ тамъ, культура винограда перешла къ грекамъ, а затѣмъ распространилась дальше на Западъ и на Сѣверь.

Другіе же полагаютъ, что виноградъ росъ въ Европѣ еще въ

доисторическія времена, въ пользу чего говорятъ встрѣчающіеся во многихъ мѣстахъ этого материка ископаемые остатки растений, родственныхъ винограду.

Въ настоящее время площадь земли, занятой подъ виноградники, больше всего въ Италіи, но по количеству выдѣлываемаго вина Франція занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ.

Среди вывозимыхъ предметовъ изъ Франціи вино занимаетъ очень видное мѣсто, именно 5-ое; но было время, когда виноградарство имѣло еще большее значеніе для этого государства. Въ 1875 году во Франціи подъ виноградниками было вдвое больше земли и доходъ отъ виноградарства превышалъ въ четыре раза всѣ другія отрасли сельскаго хозяйства, но съ этого года винодѣліе начало падать, такъ какъ Францію постигъ самый опасный врагъ винограда — растительная тля „филлоксера“.

Это едва видимое простымъ глазомъ насѣкомое было занесено въ Европу изъ Америки и было впервые обнаружено въ теплицахъ близъ Лондона въ 1863 году. Въ этомъ же году виноградари замѣтили, что ихъ виноградники стали давать худшій урожай, но причина была совершенно загадочна.

Въ настоящее время жизнь этого маленькаго ничтожнаго паразита изучена самымъ подробнымъ образомъ.

Самцы и самки появляются во второй половинѣ лѣта и живутъ всего нѣсколько дней. Сначала умираетъ самецъ, а затѣмъ самка, отложивъ на старой корѣ винограднаго ствола одно яичко. Изъ этихъ яицъ, называемыхъ „зимними“, на слѣдующую весну выходятъ личинки, которыя заползаютъ въ землю и садятся на корняхъ винограда. Къ лѣту, перелинявъ три раза, личинки превращаются въ самокъ, размножающихся безполымъ путемъ въ огромномъ числѣ, давая отъ 5 до 8 поколѣній въ лѣто и откладывая около 25—40 яицъ. Такія самки называются „партено-генетическими“; онѣ-то и причиняютъ гибель винограду тѣмъ, что сосутъ корни при помощи своего хоботка. Къ осени послѣднее поколѣніе корневыхъ тлей, именуемыхъ „нимфами“, получаетъ зачатки крыльевъ; онѣ выползаютъ изъ земли на стволъ растенія, гдѣ, перелинявъ, превращаются въ крылатыхъ самокъ, могущихъ летать съ одного куста на другой. Эти крылатыя самки откладываютъ на нижней сторонѣ листьевъ и въ корѣ стволовъ яйца двухъ родовъ: маленькія и побольше; изъ нихъ выходятъ самцы и самки филлоксеры, съ которой мы начали описаніе. Вотъ, вкратцѣ одногодичный циклъ развитія европейской филлоксеры. Однако необходимо тутъ же добавить, что климатъ и свойства почвы могутъ задерживать, ускорять и нѣсколько видоизмѣнять развитіе филлоксеры. Въ Америкѣ циклъ развитія филлоксеры двухгодичный и еще болѣе сложный.

Виноградникъ, зараженный филлоксерой, первые годы не обнаруживаетъ своей болѣзни, наоборотъ, „иногда, говорятъ ученые виноградари, на второмъ или третьемъ году замѣчается даже усиленное развитіе кустовъ и обильное плодоношеніе“, что, вѣроятно,

объясняется ненормальной дѣятельностью корней, вызванной укулами, которые производитъ корневая безполая филлоксера.

Затѣмъ съ увеличеніемъ числа сосущихъ тлей, когда мелкіе корешки начинаютъ погибать, а на толстыхъ кора отлупливаться, ростъ надземной части куста слабѣетъ, листья становятся меньше и покрываются пятнами; ягоды мельчаютъ и даже не успѣваютъ дозрѣть и, наконецъ, растеніе погибаетъ совсѣмъ, оставивъ лишь почернѣвшіе корни. Срокъ постепенной гибели въ разныхъ мѣстахъ различенъ.

Сухой и жаркій климатъ ускоряетъ развитіе филлоксеры, а въ болѣе холодной и влажной странѣ зараженный виноградникъ можетъ продержаться значительно дольше, до 8 лѣтъ и болѣе.

Чтобы судить о томъ, какіе убытки причинила странѣ филлоксера, достаточно сказать, что на югѣ Франціи кусокъ земли до посѣщенія эпидеміи, стоившій 5—7 тысячъ рублей, черезъ пять лѣтъ оцѣнивался уже только въ 150—300 рублей. Черезъ 20 лѣтъ почти половина виноградниковъ была уничтожена, а убытокъ исчислялся миллиардами рублей. Французы говорили, что „нашествіе филлоксеры произвело въ ихъ государствѣ больше опустошеній, нежели война съ Пруссіей и взятая съ нихъ громадная военная контрибуція.“ Но правительство не дремало, и вскорѣ послѣ появленія филлоксеры въ 1868 году имъ была образована противифиллоксерная комиссія, въ которую вошли извѣстные ученые специалисты и, хотя злой врагъ былъ открытъ и отлично изученъ, но вѣрнаго способа борьбы съ нимъ найдено не было. Огромная премія въ 300.000 франковъ, которую правительство назначило за изобрѣтеніе дѣйствительнаго противифиллоксернаго средства, остается до сихъ поръ никому не присужденной.

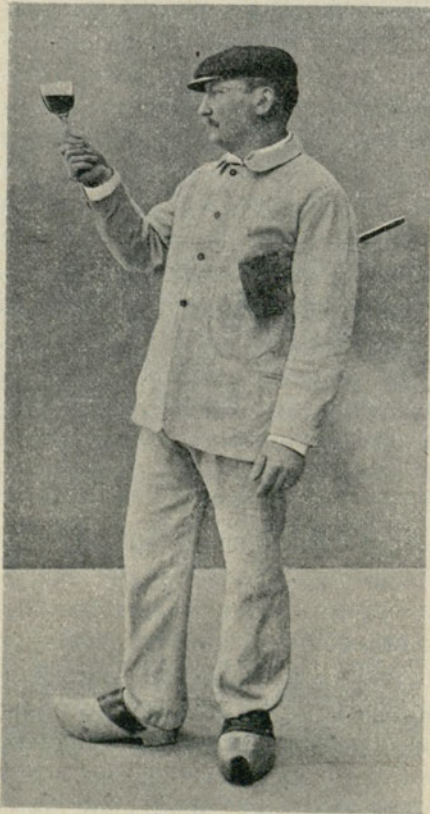
Все, что теперь примѣняется въ борьбѣ съ филлоксерой, выработала главнымъ образомъ практика и сводится къ огражденію здоровыхъ виноградниковъ отъ больныхъ путемъ уничтоженія послѣднихъ или же строгимъ запрещеніемъ ввоза виноградныхъ лозъ изъ зараженныхъ мѣстностей. Прибѣгаютъ также къ лѣченію виноградниковъ при помощи отравленія почвы сѣроуглеродомъ, отъ котораго часть филлоксеры погибаетъ, а самая виноградная лоза страдаетъ сравнительно мало; затѣмъ, исходя изъ того соображенія, что влажную почву филлоксера не любитъ, практикуется временное затопленіе виноградниковъ. Съ этою цѣлью на югѣ Франціи устроена цѣлая сѣть каналовъ. Къ числу наиболѣе удачныхъ мѣръ въ борьбѣ съ филлоксерой нужно отнести насажденіе винограда на песчаной почвѣ, которая не позволяетъ корневой филлоксерѣ распространяться въ песокъ, такъ какъ песчинки тѣсно прилегаютъ другъ къ другу.

Самой дѣйствительной мѣрой оказалась культура американскаго

винограда въ Европѣ. Но такъ какъ американская лоза, столь устойчивая противъ филлоксеры, даетъ мелкія и невкусныя ягоды, то попробовали къ ней прививать европейскіе сорта и добились положительныхъ результатовъ.

Эти двѣ противифиллоксерныя мѣры—песчаная почва и культура американской лозы — снова возродили винодѣліе во Франціи. Цѣны на землю, особенно на песчаную, сильно повысились, а производство вина снова поднялось.

Обработка земли подъ виноградники является одной изъ самыхъ доходныхъ статей сельскаго хозяйства, такъ какъ дна десятина можетъ дать до 1500 рублей. Но успѣхъ можетъ быть достигнутъ лишь въ томъ случаѣ, если виноградарь ведетъ свое дѣло съ полнымъ знаніемъ; когда на помощь ему приходится не только опытъ, но и наука, особенно въ дѣлѣ приготовленія и сохраненія вина.

Французскій винодѣль.

Такъ, именно, обстоитъ дѣло во Франціи; поэтому французскіе винодѣлы считаются лучшими знатоками своей специальности, а съ французскимъ виномъ въ качественномъ отношеніи не могутъ конкурировать вина другихъ странъ, даже гдѣ растутъ въ изобиліи виноградъ высшаго качества. Яркимъ примѣромъ тому служитъ Италия, которая ежегодно отправляетъ около 2-хъ милліоновъ литровъ винограднаго сусла во Францію, гдѣ оно перерабатывается и поступаетъ въ продажу подъ именемъ французскаго бордосскаго вина.

Граница распространенія виноградной лозы во Франціи начинается немного сѣвернѣе устья Луары, огибаеться сѣвера Парижъ и идетъ дальше на Люттихъ. Такимъ образомъ, изъ восьмидесяти четырехъ департаментовъ не разводятъ винограда только девять, лежащихъ къ сѣверу отъ этой линіи, и притомъ нужно добавить, что около двухъ милліоновъ людей находятъ себѣ хорошій заработокъ, занимаясь однимъ только винодѣліемъ.

Но за послѣдніе годы у французскихъ винодѣловъ явился новый врагъ, который сталъ наносить имъ ущербъ не меньше филлоксеры. Врагъ этотъ — фальсификація.

Дѣло въ томъ, что огромный спросъ на французскія вина соблазнилъ многихъ начать поддѣлку, причемъ сладость и крѣпость винограднаго вина стала вырабатываться не изъ винограда, а болѣе дешевымъ способомъ — при помощи сахара и спирта. Большинству потребителей трудно распознать искусную поддѣлку вина, поэтому, производители натуральныхъ винъ стали терпѣть убытки въ то время, какъ ловкіе поддѣльватели наживали капиталы.

И процвѣтавшая не такъ давно винодѣльческая промышленность стала постепенно приходиться въ упадокъ, что, конечно, не могло не вызвать сильнаго недовольства среди винодѣловъ и владѣльцевъ виноградниковъ, такъ какъ имъ грозило разореніе.

Во многихъ южныхъ городахъ и мѣстечкахъ образовались комитеты для выясненія нуждъ винодѣлія и его защиты. Собранія винодѣловъ часто бывали очень многолюдны и шумны, но не обращали на себя особаго вниманія до тѣхъ поръ, пока во главѣ недовольныхъ не сталъ Марселенъ Альберъ, предсѣдатель комитета мѣстечка Аржелъе. Этотъ съ виду скромный и уже немолодой человѣкъ, благодаря своему краснорѣчію, въ короткое время сдѣлался народнымъ героемъ юга.

9 июня 1907 года въ Монпелье было назначено большое собраніе винодѣловъ, на которомъ долженъ былъ говорить популярный уже тогда Альберъ. Въ этотъ день сюда собралось такое количество народу, какого здѣсь никогда не видывали. Изъ дальнихъ городовъ по желѣзной дорогѣ прибыло около 250 переполненныхъ поѣздовъ; изъ окрестныхъ мѣстъ съѣхались на телѣгахъ, которыхъ насчитывали около двадцати семи тысячъ. Люди безъ числа спѣшили сюда также на велосипедахъ и автомобиляхъ.

Получилась грандіозная манифестанція.

Делегации, прибывшія изъ всѣхъ городовъ и округовъ Южной Франціи, несли знамена и на длинныхъ шестахъ огромныя афиши съ надписями, выражавшими мысли и чувства виноградарей: „Такое изобиліе отличнаго вина, и нечего ѣсть“ — укоряла одна надпись; другая требовала изданія строгихъ законовъ противъ недобросовѣстныхъ фальсификаторовъ, третья призывала недовольныхъ объединиться и т. д. Въ общемъ всѣ были проникнуты чувствомъ недовольства и рѣшимости постоять за свое правое дѣло.

Когда взошелъ на трибуну Марселенъ Альберъ, восемьсотъ-тысячная толпа устроила ему бурную овацію, а затѣмъ жадно ловила каждое слово своего вождя.

„Болѣе, чѣмъ когда-либо, мы должны оставаться едиными, безъ различія партій или классовъ“, говорилъ Альберъ, „ни ревности, ни

честолюбія, ни ненависти, ни политики! Все для защиты винодѣлія! Цвѣтушій, плодородный югъ умираетъ!... Кто повредитъ нашему дѣлу, тотъ будетъ судимъ и осужденъ“. Такъ закончилъ свою рѣчь ораторъ. Послѣ этого Альбера, какъ народнаго героя, понесли на рукахъ къ зданію ратуши, гдѣ онъ снова говорилъ съ балкона: „Будемъ едины. Ни политики, ни соперничества, ни споровъ! Будемъ дѣйствовать, но сохранимъ спокойствіе“.

Призыву комитета Аржелье послѣдовало около 500 южныхъ муниципалитетовъ. Единеніе было достигнуто, но спокойствіе, котораго желалъ Альберъ, было нарушено на слѣдующій же день.

На улицѣ появился человекъ со знаменемъ, на которомъ было написано: „Долой фальсификаторовъ! Всѣ въ Парижъ! Да здравствуетъ революція!“ Полиція арестовала этого знаменосца; тогда публика вступилась за него и стала бросать камнями въ зданіе полицейскаго управленія и въ жандармовъ, причемъ былъ тяжело раненъ офицеръ. Такъ начались уличные беспорядки и не только въ Монпелье, но и въ другихъ городахъ. Такимъ образомъ мирное движеніе винодѣловъ переходило уже въ открытое возстаніе.

Тогда правительство рѣшило двинуть войска и арестовать руководителей движенія. Этой участи подверглись мэръ Нарбонны Ферруль и члены комитета Аржелье, но Марселену Альберу удалось скрыться.

На улицахъ городовъ начали воздвигаться баррикады, происходили столкновенія между народомъ и войсками, причемъ лица, наблюдавшія событія, пришли къ заключенію, что „психологія толпы не измѣнилась къ лучшему со временъ французской революціи“.

Народъ врывался въ помѣщенія префектуръ, разорялъ обстановку и давалъ просторъ своему озлобленію. Одинъ полицейскій агентъ былъ избитъ до полусмерти, брошенъ съ моста въ воду, и когда онъ все-таки очнулся и поплылъ, то его забросали камнями, только какимъ-то чудомъ удалось остаться въ живыхъ этому человеку.

Положеніе правительства сдѣлалось критическимъ, когда стало очевиднымъ, что нѣкоторыя войсковыя части на сторонѣ возставшихъ. Въ одномъ полку произошелъ настоящій бунтъ; значительная часть нижнихъ чиновъ разгромила казармы въ городѣ Агрѣ, и, захвативъ большіе запасы патроновъ, отправилась обратно въ Безьеръ, откуда солдаты были вызваны для подавленія беспорядковъ. Тогда были двинуты войска изъ сѣверныхъ департаментовъ Франціи, и такимъ образомъ странѣ грозила война юга съ сѣверомъ.

Интересы винодѣлія отодвинулись на второй планъ, а сами вожди винодѣльческаго движенія испугались результатовъ своей дѣятельности и начали выступать уже въ качествѣ умиротворителей страны.

Въ такое тяжелое время, когда правительство для успокоенія страны напрягало всѣ усилія, въ Парижѣ въ министерство внутреннихъ дѣлъ явился какой-то человекъ и подалъ записку, въ которой просилъ аудіенціи у главы министерства Клемансо. Каково же было удивленіе представителя правительства, когда онъ подъ запиской прочиталъ имя легендарнаго диктатора юга—Марселена Альбера.

Клемансо немедленно принялъ его. Между главой кабинета и главнымъ виновникомъ возстанія произошелъ знаменательный разговоръ. Клемансо между прочимъ сказалъ, что вся отвѣтственность за беспорядки и пролитую кровь падаетъ на Альбера. Выслушавъ такое обвиненіе, Альберъ тутъ же расплакался и выразилъ готовность способствовать умиротворенію страны. Искусному дипломату Клемансо только и нужно было, чтобы недавній врагъ правительства сталъ бы дѣйствовать въ интересахъ послѣдняго. Клемансо отпустилъ Альбера, даже далъ ему на дорогу денегъ, которыхъ у бѣднаго винодѣла не оказалось.

Послѣ отъѣзда Альбера на югъ возстаніе винодѣловъ постепенно стало затихать, принеся одни лишь разочарованія его инициаторамъ.

Теченіе событій и ихъ размѣры показали, что интересы винодѣловъ тѣсно связаны съ широкими массами населенія, но въ то же время пренія въ палатѣ и всестороннее обсужденіе вопроса въ печати выяснили, что издать законы, могущіе устранить винодѣльческій кризисъ, не такъ уже просто, такъ какъ легко нарушить ради винодѣловъ интересы другихъ слоевъ населенія, напр., сахарозаводчиковъ. Кромѣ того, выяснилось, что потребители вина въ подавляющемъ числѣ спрашиваютъ болѣе сладкія и дешевыя вина, не справляясь о томъ, натуральныя они или нѣтъ.

Итакъ фальсификація, поддерживающая французскую сахарную промышленность, нашла себѣ въ послѣдней сильную союзницу и оказалась для французскаго винодѣлія еще болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ филлоксера.

ШЕЛКОВОДСТВО ВО ФРАНЦІИ.

Юр. Новоселовъ.

Индусы, китайцы и другіе народы востока занимались шелководствомъ со временъ глубокой древности, о чемъ мы находимъ свѣдѣнія въ санскритскихъ письменахъ.

Европейцы впервые познакомились съ шелковыми матеріями во времена войнъ грековъ съ Персіей и Индіей. Со 2-го вѣка по Р. Х. эти ткани начали получаться съ востока, но цѣна на нихъ долго стояла чрезмѣрно высокая. Шелкъ оцѣнивался въ полномъ смыслѣ на вѣсъ золота, а временами за него платили и въ 10 разъ больше.

Въ Римѣ были изданы законы, преслѣдовавшіе людей, носившихъ шелковыя одежды. Такихъ людей осмѣивали. Первые христіанскіе учителя въ своихъ проповѣдяхъ также нападали на лицъ, допускавшихъ подобную роскошь.

Однако, шелкъ входилъ въ употребленіе въ Европѣ все больше и больше. Персидскіе купцы, перепродававшіе шелкъ изъ Азіи въ Европу, наживали огромныя деньги.

Только въ VI вѣкѣ при императорѣ Юстиніанѣ было положено начало шелководству въ Европѣ.

Существуетъ преданіе, что монахи въ пустыхъ палкахъ привезли изъ Индіи въ Константинополь 555 яичекъ тутоваго шелкопряда и выкормили здѣсь впервые шелковичныхъ червей листьями тутоваго дерева, произраставшаго уже раньше на материкѣ Европы.

Тутовый шелкопрядъ — бабочка изъ семейства шелкопрядовъ. Несмотря на то, что крылья развиты хорошо, тутовый шелкопрядъ утратилъ способность летать; онъ извѣстенъ въ настоящее время только въ домашнемъ состояніи. Самки крупнѣе самцевъ; онѣ откладываютъ 300—500 яичекъ (такъ назыв. *зрена*). Яички сохраняются зимой при низкой температурѣ въ сухомъ помѣщеніи. Весной ихъ переносятъ въ особые аппараты, гдѣ температура повышается до 21° R.

Гусеницы (шелковичные черви), при выходѣ изъ яичекъ, имѣютъ бурый цвѣтъ, но потомъ съ ростомъ становятся свѣтлѣе и принимаютъ наконецъ бѣлую окраску. Гусеницы линяютъ 4 раза; и въ періодъ линьки онѣ сидятъ неподвижно (такъ назыв. сонъ). Онѣ питаются листьями тутоваго дерева, или шелковицы. Нѣкоторыя другія растенія могутъ также служить кормомъ для гусеницъ, однако выкармливаніе ими идетъ не такъ успѣшно.

Дней черезъ 30 послѣ вылупленія гусеницы становятся беспокойными, и начинаютъ искать мѣста для изготовленія себѣ кокона. Тогда ставятъ пучки прутьевъ, въ которыхъ гусеницы вьютъ себѣ коконы. Изъ отверстія, находящагося на нижней губѣ, гусеницы выпускаютъ 2 тонкія нити; двигая головой, онѣ прядутъ коконы при помощи переднихъ ногъ; эта работа продолжается около 3½ дней.

Коконъ овальной формы, плотный, бѣлаго, желтоватаго или зеленоватаго цвѣта. Тѣ коконы, изъ которыхъ выйдутъ самцы, имѣютъ посрединѣ легкую перетяжку. Внутри кокона черезъ 5 дней послѣ того, какъ онъ оконченъ, гусеница превращается въ куколку. Часть коконовъ оставляется для вывода бабочекъ, а другая часть обрабатывается горячимъ паромъ, затѣмъ кладется въ теплую воду и треплется особыми метелками. Послѣ этого концы нитей, изъ

которыхъ состоитъ коконъ, привязываются къ крючкамъ разматывающаго аппарата.

Длина нити въ одномъ коконѣ доходитъ до 1000 метровъ*).

Шелководство, какъ промышленность, въ Европѣ стало развиваться и распространяться лишь съ VIII вѣка, благодаря арабамъ, сначала въ Италіи, Сициліи, затѣмъ и далѣе на сѣверъ.

Въ XVII столѣтіи Италія въ этомъ отношеніи достигла лучшихъ результатовъ по сравненію съ другими странами Европы.

Во Франціи шелководствомъ стали заниматься позже, именно съ XV столѣтія при Людовикѣ XI, но развитіе этой промышленности здѣсь пошло быстро. Въ XVII вѣкѣ при Людовикѣ XIV, французскія матеріи стали уже конкурировать съ лучшими венеціанскими и генуэзскими. Такимъ быстрымъ успѣхомъ Франція обязана извѣстному государственному дѣятелю того времени Жану Кольберу, который служилъ въ ранніе годы своей дѣятельности конторщикомъ у торговца шелковыми матеріями, а когда сдѣлался первымъ лицомъ при королѣ, то всячески поощрялъ шелководство.

Въ настоящее время производство шелковыхъ матерій составляетъ въ Франціи главную отрасль промышленности. Среди вывозимыхъ товаровъ шелковыя матеріи занимаютъ первое мѣсто. Ежегодно ихъ вывозится на сумму около 300 милліоновъ франковъ.

Своего шелка Франціи даже не хватаетъ, и она принуждена получать его въ сыромъ видѣ изъ другихъ странъ на очень крупную сумму. Французскія шелковыя матеріи по изяществу и своей добротности не имѣютъ себѣ равныхъ на всемъ земномъ шарѣ, а у себя на родинѣ онѣ даютъ заработокъ огромному числу рабочихъ рукъ.

Центромъ шелковой промышленности является городъ Лионъ, въ которомъ имѣется около 85 тысячъ станковъ, дающихъ работу 95 тысячамъ человѣкъ.

Не взирая на то, что почти во всѣхъ другихъ отрасляхъ промышленности крупныя фабрики совершенно вытѣснили мелкое мастерство, въ производствѣ шелковыхъ матерій этого еще не случилось. Въ Лионѣ существуютъ цѣлые кварталы, сплошь застроенные домами съ квартирами ткачей, имѣющихъ у себя въ особой комнатѣ ткацкіе станки; и крупныя предприниматели даютъ имъ работу сдѣльно.

Изготовление дорогихъ шелковыхъ матерій, на примѣръ, бархата, стоящаго въ магазинѣ 13 — 14 франковъ метръ, требуетъ отъ ткача большой тщательности въ работѣ, но этотъ трудъ даетъ ему среднимъ числомъ всего лишь 4 франка, т. е. около 1 руб. 50 коп. въ день.

„О, мы удовлетворились бы и этимъ заработкомъ, заявили

*) М. Римскій-Корсаковъ.

ткачи одному посѣтителю, желавшему познакомиться съ ихъ бытомъ, но мы часто не имѣемъ вовсе работы, такъ какъ шелковыя матеріи теперь изготовляются на механическихъ станкахъ, на которыхъ работа обходится дешевле нашей“.

Въ настоящее время усовершенствованія въ области техники привели къ тому, что всей шелковой промышленности грозитъ серьезный переворотъ. Въ 1734 году знаменитый энтомологъ Реомюръ высказалъ мысль, что можно шелковую нить приготовить искусственнымъ способомъ, безъ всякаго участія шелковичнаго червя; и дѣйствительно, въ 1885 году графъ Шардоннэ во французскомъ городѣ Безансонѣ осуществилъ это на практикѣ: изъ раствора клѣтчатки по ея затвердѣніи онъ получилъ шелковую нить. Правда, эти нити не имѣютъ крѣпости и эластичности настоящаго шелка, но ихъ можно сдѣлать толще; кромѣ того искусственный шелкъ не выдерживаетъ крашенія въ горячихъ растворахъ, поэтому окраска настоящаго шелка даетъ лучшіе результаты. Но по внѣшнему виду отличить искусственный шелкъ отъ настоящаго очень трудно, особенно, когда при выдѣлкѣ матерій въ основу кладутъ настоящій, а остальное дополняютъ искусственнымъ. Впрочемъ, существуетъ простой способъ узнать истину. Достаточно сжечь маленькій кусочекъ шелковой матеріи или нитки. Если это настоящій шелкъ, то чувствуется запахъ горѣлаго пера, а если искусственный, то получается запахъ сгорающей бумаги.

Центромъ искусственнаго шелка во Франціи является городъ Безансонъ, гдѣ работаетъ огромная фабрика съ десятками тысячъ веретенъ.

Въ другихъ мѣстахъ Франціи, а также въ Англіи, Германіи и Австріи нарождаются фабрики искусственнаго шелка; большинство изъ нихъ не успѣваетъ удовлетворять всего спроса, увеличивающагося вслѣдствіе того, что выработка этого искусственнаго продукта обходится дешевле настоящаго.

РИВЬЕРА.

(Ницца — С. Елпатьевскаго.)

Тамъ, гдѣ западныя Альпы своимъ южнымъ краемъ спускаются къ морю, образуется замѣчательная въ климатическомъ отношеніи полоса морского берега. Горы, окаймляющія берегъ съ сѣвера, достигаютъ высоты 1000 метровъ; поэтому онѣ почти совсѣмъ пре-

граждають доступъ сѣвернымъ холоднымъ вѣтрамъ, а теплое Средиземное море дѣлаеть климатъ еще болѣе умѣреннымъ.

Въ Москвѣ и Петербургѣ средняя температура въ январѣ 10° холода, тогда какъ на Ривьерѣ въ то же время 8° тепла. Другими словами, зимы, какъ мы ее понимаемъ, здѣсь нѣтъ, и бывають случаи, что жители 13 лѣтъ подъ рядъ не видятъ снѣга. Въ Петербургѣ ясныхъ дней зимою насчитывается всего лишь 2 въ мѣсяць, а въ остальные 28 дней либо идетъ дождь, либо стоитъ пасмурная погода, а на Ривьерѣ облачные дни даже зимою очень рѣдки, и вполнѣ ясныхъ дней большинство.

Эта благодатная полоса земли носитъ итальянское названіе „Ривьеры“, что значить — берегъ. Восточная часть Ривьеры принадлежитъ Италіи, а западная Франціи. Французская Ривьера находится въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ; она лучше защищена горами, растительность ея роскошнѣе. Французы называютъ этотъ уголокъ „лазурнымъ берегомъ“. Дѣйствительно, пышная, никогда не сбрасывающая листья растительность Ривьеры на фонѣ синяго моря и постоянно яснаго голубого неба даетъ очаровательную картину, написанную самой природой въ яркихъ сине-зеленыхъ, лазоревыхъ тонахъ.

Исключительно благопріятный климатъ и красота мѣстности превратили здѣсь морской берегъ въ сплошной рядъ дачъ, поселеній и городковъ.

Уже знаменитый врачъ древности Гиппократъ практически примѣнялъ леченіе климатомъ, а въ настоящее время причинная связь между здоровьемъ человѣка и климатическими условіями мѣстности подвергается особенно тщательному изученію.

Хотя въ этомъ вопросѣ есть еще много не выясненнаго, однако, уже съ достовѣрностью можно сказать, что человѣкъ лучше всего чувствуетъ себя въ умѣренномъ климатѣ. Его организмъ здѣсь не тратитъ понапрасну силъ зимой на борьбу съ холодомъ, а лѣтомъ на борьбу съ жаромъ, отчего человѣку остается больше времени для умственной работы и для улучшенія своего быта. Между прочимъ характерно, что народами, достигшими высшаго культурнаго уровня въ настоящее время, являются жители умѣренныхъ странъ. Обиліе свѣта также имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ свѣтъ оживляетъ обмѣнъ веществъ въ человѣческомъ организмѣ, убиваетъ бактерій и такимъ путемъ вліяетъ на инфекціонныя болѣзни.

Удовлетворяя какъ нельзя лучше этимъ главнымъ требованіямъ, климатъ Ривьеры особенно благопріятенъ для лицъ, страдающихъ туберкулезомъ дыхательныхъ путей; онъ также полезенъ для выздоравливающихъ и лицъ, требующихъ покоя.

Однако, при выборѣ мѣста пребыванія на Ривьерѣ, больному нужно быть особенно осмотрительнымъ.

Самыми населенными пунктами французской Ривьеры являются Канны, Ницца, Монако, Ментонъ. Французы говорятъ, что въ Каннахъ хорошо жить, въ Ниццѣ нужно веселиться, а въ Ментонѣ — умирать. Эти слова имѣютъ глубокий смыслъ. Больной долженъ ѣхать въ Ментонъ. Здѣсь климатъ особенно мягокъ, по сравненію даже съ Ниццей. Въ Ментонѣ всѣ времена года теплы. Лимонныя деревья цвѣтутъ непрерывно и даютъ пять сборовъ въ годъ. Жизнь здѣсь отличается большей простотою по сравненію съ другими крупными курортами Ривьеры. Даже больной чахоткой, раздражительный человѣкъ, можетъ найти здѣсь покой, а съ нимъ и исцѣленіе. Поэтому сюда врачи посылаютъ наиболѣе тяжело больныхъ, и французы вѣрно подмѣтили, что въ Ментонѣ умираетъ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Ривьеры.

Канны — это самый благоустроенный курортъ, въ которомъ, по мнѣнію французовъ, лучше всего жить; но, къ сожалѣнію, жизнь здѣсь такъ дорога, что доступна лишь очень богатымъ людямъ, по преимуществу англичанамъ. Въ Каннахъ существуетъ даже особый англійскій кварталъ, застроенный роскошными виллами, могущими конкурировать съ лѣтними дворцами коронованныхъ особъ.

Про Ниццу сложилось мнѣніе, что „это маленькій Парижъ; такіе же нарядные обсаженные деревьями бульвары, такіе же красивые дома съ пестрыми вывѣсками, такія же блестящія кафе, такая же пестрая, разодѣтая толпа и такое же обиліе разнообразныхъ экипажей, снующихъ по всѣмъ направленіямъ“.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи о Ниццѣ русскаго врача Елпатьевского, хорошо знакомаго съ курортами для больныхъ легкими.

Самъ авторъ, страдая этой болѣзною, былъ вынужденъ подолгу жить въ заграничныхъ курортахъ и у себя въ отечествѣ, въ Ялтѣ. Въ послѣднемъ городѣ онъ не только лѣчился, но и внесъ много личнаго труда для организаціи санаторій. Вотъ главнѣйшія его мысли и сужденія о Ниццѣ.

Климатическія условія Ниццы, всей французской и итальянской Ривьеры — единственныя и несравненныя въ Европѣ. Но, если природа дала все, чтобы сдѣлать изъ Ниццы курортъ для легочныхъ больныхъ, то люди со своей стороны сдѣлали все зависящее отъ нихъ, чтобы Ницца не была такимъ курортомъ.

Людское жильё отапливается тамъ солнцемъ и только солнцемъ. Вы видите это изъ самой постройки домовъ на всей Ривьерѣ: всѣ жилия комнаты обращены на солнце — это жизненная необходимость. Въ крупныхъ и самыхъ дорогихъ отеляхъ имѣется центральное отопленіе, но въ отеляхъ, предназначенныхъ для средняго пріѣзжаго человѣка, нѣтъ другого отопленія, кромѣ солнца. Каминъ, безъ котораго не обходится ни одна комната, въ сущности пережитокъ

древняго періода жизни. Онъ отапливаетъ небо и отапливаетъ комнату только въ короткіе и очень дорогіе часы (это отопленіе стоитъ дорого), да и то отапливаетъ только въ отсутствіе вѣтра, — иначе дымъ наполняетъ комнату, и обитатель отказывается отъ камина, лишь бы не дышать дымомъ. Поэтому температура комнаты зависитъ цѣликомъ отъ температуры улицы.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ недорогихъ отеляхъ полы каменные. Полъ покрытъ прикрѣпленнымъ къ нему неизбѣжнымъ ковромъ, который, повидимому, снимаютъ рѣдко и чистятъ только щетками; конечно этотъ коверъ сохраняетъ въ себѣ плевки неаккуратныхъ туберкулезныхъ больныхъ.

Нужно видѣть французскую отельную постель, чтобы понять, какъ люди укрываются отъ холода. Это — гора съ цѣлыми наслоеніями. Тутъ одѣяло тканевое, тутъ одѣяло шерстяное, а между ними перина, настоящая перина, которая, какъ матрацъ, лежитъ на спящемъ.

По французскому обычаю комната переполнена такъ называемымъ „комфортомъ“, — шторами, занавѣсками, гардинами, коврами, помимо общаго, закрывающаго весь полъ, — всѣмъ тѣмъ, что портитъ воздухъ, что даетъ пыль и все, что содержится въ пыли.

Въ Ниццѣ есть водопроводъ. Часть его взята въ трубы и течетъ подъ землею, часть течетъ открыто въ видѣ рѣчки, взятой въ цементные берега. По сторонамъ рѣчки — водопровода живутъ люди, и близость человѣческаго жилья не можетъ не загрязнить его.

Водопроводъ существуетъ давно, но канализаціи до 1907 года Ницца все не удосуживалась сдѣлать. Нѣкоторые домовладѣльцы, чтобы удешевить себѣ вывозъ нечистотъ, устроили въ своихъ владѣніяхъ „поглощающіе колодцы“, т. е. начали сплавлять всѣ нечистоты въ колодцы, вырытые раньше для добыванія воды. Результаты такихъ антигигіеническихъ учрежденій налицо. Брюшной тифъ свирѣпствуетъ, главнымъ образомъ, въ мѣстахъ нахождения „поглощающихъ“ колодцевъ.

Улицы Ниццы или совсѣмъ не поливаются, или поливаются плохо, и даже на главной артеріи Promenade des Anglais всегда достаточно пыльно, — такъ было 14 лѣтъ назадъ, такъ практикуется и теперь. Но 14 лѣтъ назадъ не было автомобилей, а теперь они носятся весь день съ безумной скоростью, поднимая цѣлыя тучи пыли и наполняя ею комнаты нижнихъ этажей.

14 лѣтъ назадъ были великолѣпныя прогулки въ окрестностяхъ Ниццы, теперь изъ-за автомобилей онѣ окончательно испорчены, такъ какъ приходится ежеминутно оглядываться, какъ бы не наскочилъ на васъ особенно быстрый спортсменъ — и это не напрасный страхъ, такъ какъ здѣсь не проходитъ дня, чтобы не задавили ребенка, старушку, не опрокинули возъ.

Въ газетахъ вы не найдете упоминанія, что въ отелѣ кто-то умеръ. Къ сожалѣнію, люди умираютъ. Тогда являются „тати въ нощи“, приходятъ въ свое воровское время, въ 4 часа утра, когда всѣ спятъ, и волокутъ, куда слѣдуетъ, неприятнаго человѣка, который имѣлъ дерзость огорчить ниццкое солнце.

А за завтракомъ на другой день, когда гости видятъ пустое мѣсто за сосѣднимъ столомъ и спрашиваютъ хозяина или метръ-д'отеля, гдѣ же господинъ, который тутъ сидѣлъ, получается такой отвѣтъ: „Что дѣлать! Les affaires sont des affaires... Monsieur уѣхалъ такъ неожиданно“.

Есть нѣкоторая стыдливость, конфузъ даже за своихъ мертвыхъ.

Утромъ, раненько, въ 9 — 10 часовъ, когда отели еще спятъ, по Rue de France и другимъ не „иностраннымъ“ улицамъ тянутся дроги и катафалки съ мертвымъ тѣломъ и кучкой родственниковъ, какъ-то поспѣвающихъ увезти своего мертваго человѣка. Разъ мнѣ пришлось видѣть, какъ рысью везли мертвое тѣло, рысью ѣхала за нимъ карета съ двумя кюре, на рысяхъ неслись съ вѣнками родственники въ извозчичьихъ коляскахъ, и мнѣ казалось, что всѣ, и извозчики, и кюре, и родственники ужасно спѣшили и оглядывались, не проснулся ли иностранецъ, не смотреть ли онъ на огорчительное дѣло, которое они дѣлаютъ...

Зачѣмъ огорчать людей, пріѣхавшихъ веселиться?

Мало не огорчить — нужно увеселять. Нужно набить увеселеніями весь день пріѣзжаго человѣка, нужно не давать ему передохнуть, чтобы онъ ни одной минуты не почувствовалъ пустоты кругомъ себя, не вспомнилъ о своихъ дѣлахъ и заботахъ, чтобы не потянуло его изъ Ниццы въ свое мѣсто.

Парусныя гонки, голубинный спортъ, теннисъ и другіе спорты, скачки въ началѣ сезона, скачки въ концѣ сезона... Въ каждомъ отелѣ идетъ непрерывное форсированное увеселеніе. Пріѣзжій еще спитъ, а подъ его окномъ уже играетъ бродячій оркестръ, и итальянскіе голоса поютъ итальянскія аріи и русскими словами — русскій цыганскій романсъ. Послѣ завтрака являются въ отель индійскіе фокусники, за чаемъ въ 4 часа играетъ оркестръ, а вечерами чрезъ определенные промежутки устраиваются парадные рауты и танцевальные вечера.

Гвоздь сезона — карнаваль. Цѣлый годъ засѣдаетъ специальный комитетъ изъ представителей муниципалитета и общественныхъ дѣятелей и обсуждаетъ трудный вопросъ организациі очереднаго карнавала.

Старый народный карнаваль давно умеръ — теперь все дѣлается для увеселенія иностранца. И нужно мобилизовать всю Ниццу для того, чтобы устроить безконечный кортежъ. Нанимаются горничныя, прачки, бѣлошвейки, безработные люди, и за два — три

франка изображаютъ рыцарей, дамъ и веселыхъ пейзажковъ, дѣлающихъ милые и граціозные жесты на фантастически украшенныхъ колесницахъ.

Съ васъ не берутъ сезоннаго сбора, какъ въ Ялтѣ и въ нѣмецкихъ курортахъ, но увеселенія окружены барьеромъ. Чтобы посмотреть, напримеръ, bataille des fleurs или карнавалъ, вы должны платить 10, 5, 3 франка.

Вообще жизнь въ Ниццѣ дорога. Создать сносныя условія для туберкулезнаго, — такія, какія въ Ялтѣ можно имѣть за 70—100 рублей, — въ Ниццѣ можно только за 150—180 рублей, т. е. приблизительно столько же, сколько стоитъ жизнь въ такомъ дорогомъ санаторіи, какъ Давосъ въ Швейцаріи, съ той разницей, что въ Ниццѣ за гораздо большія деньги нельзя имѣть ни такого питанія, ни такого ухода за больнымъ, какъ въ Давосѣ...

Послѣ всего сказаннаго Елпатьевскій приходитъ къ такому выводу. Если вы туберкулезный больной, не ѣздите въ Ниццу, она не для васъ, не для больныхъ людей. Но, если вы выздоравливающий, или желаете отойти, отогрѣться отъ морознаго и сумрачнаго русскаго неба на этомъ солнцѣ, у синяго моря, среди лимоновъ и апельсиновъ — поѣзжайте туда.

КНЯЖЕСТВО МОНАКО.

Гр. Жаншievъ.

Едва ли во всей Европѣ найдется такой прелестный и вмѣстѣ съ тѣмъ курьезный уголокъ земли, какъ та куча или, точнѣе, пара дикихъ, угрюмыхъ утесовъ, омываемыхъ ласковымъ плескомъ голубого моря и покрытыхъ вѣчно яснымъ голубымъ сводомъ, на которыхъ въ видѣ орлинаго гнѣзда пріютилось „древнѣйшее“ въ Европѣ „государство микробъ“ — княжество Монако.

Если вѣрить преданію, которое нисколько не менѣе достовѣрно, чѣмъ басня объ основаніи Рима, начало нынѣшнему Монако положилъ не кто иной, какъ самъ Геркулесъ. Возвращаясь изъ Испаніи, гласитъ преданіе, Геркулесъ заложилъ городъ у порта, который и назвалъ своимъ именемъ — Portus Hercules, а по имени порта сталъ называться и городъ Portus Hercules Monaci. Таково происхожденіе названія Монако (что означаетъ „уединенный“).

Но если даже не углубляться въ черезчуръ отдаленную древность, а хоть взять время за послѣднее тысячелѣтіе, то и тогда

судьбы этого курьезнаго государства представляются крайне любопытными: фактъ существованія государства Монако при Карлѣ Великомъ не подлежитъ сомнѣнію. Стало быть, оно не уступаетъ въ древности даже столь кичащемуся своей древностью папскому престолу.

Подданные монакскаго князя — единственные въ мірѣ граждане: живя припѣваючи, они никакихъ налоговъ не знаютъ. До сихъ поръ всѣ думали, что такая счастливая страна можетъ существовать только въ воображеніи утопистовъ, а на самомъ дѣлѣ это фактъ. Кто же та благодѣтельная фея, которая поитъ и кормитъ князя Монако и его подданныхъ? Фея эта, избравшая себѣ мѣстопробываніе на одной изъ двухъ скалъ Монако, на Монте-Карло, и украсившая свои чертоги со сказочнымъ великолѣпіемъ — называется рулеткою.

Но прежде чѣмъ пойдемъ смотрѣть чертоги легкомысленной, но великодушной патронессы княжества, слѣдуетъ поговорить о столицѣ княжества и о самомъ княжествѣ. Эта изумительная политико-микроскопическая единица такъ своеобразно комична и мила, что читатель можетъ подумать, что я его мистифицирую или перемѣшиваю былъ съ небылицею и вмѣсто дѣйствительности передаю сцены изъ великолѣпно обставленной оперетки или фееріи. Посудите сами. Населеніе княжества возросло до 15000! Но представьте себѣ, что число пріѣзжихъ иностранцевъ достигаетъ 30000, т. е. вдвое больше кореннаго населенія. Что касается до территоріи, то о ней ужъ и вовсе нельзя говорить безъ смѣха. Обыкновенно она опредѣляется тысячами, сотнями, ну, хоть десятками миль; территорія же княжества меньше... одной квадратной мили, меньше даже половины мили: она равняется 0,39 мили.

Кромѣ „столицы“ и „уголка“ Монте-Карло, княжество заключаетъ въ себѣ еще двѣ улицы — Кондаминъ и Муленъ. А между тѣмъ это отдѣльное царство лиллипутовъ имѣетъ и жандармовъ, и войско (до 800 человекъ), и артиллерію. Вся импозантная монакская артиллерія (три пушки) выставлена на дворцовой площади на радость и гордость монегаскамъ.

Столица Монако стоитъ на высокой отвѣсной скалѣ, омываемой съ трехъ сторонъ моремъ и четвертою стороною примыкающей къ территоріи Франціи. Зубчатая крѣпостная стѣна, рядъ красивыхъ башенъ и бастионовъ сообщаютъ ей видъ средневѣковаго замка.

Очень удобные проѣзжіе и пѣшіе подъемы, обсаженные лаврами, кактусами и гигантскими агавами, ведутъ въ городъ и цитадель. Прежде чѣмъ войдете въ городъ, вы замѣчаете небольшую будку — это мѣстный „политехническій музей“, содержащій образцы мѣстнаго производства.

Да, въ этомъ царствѣ счастливыхъ тунеядцевъ тоже имѣется свое мѣстное производство. Эмалированные горшки, вазы, пепель-

ницы — вотъ что приносить Монако въ общую копилку человѣческаго труда... Есть еще одна отрасль производства, специально культивируемаго въ Монако. Это производство благовонныхъ товаровъ, среди которыхъ всемірною извѣстностью пользуется знаменитая „дермофилія“.

Но переходимъ къ описанію столицы.

Сама столица состоитъ изъ трехъ или четырехъ небольшихъ улицъ и площади, на которыя выходятъ и казармы, и „присутственные мѣста“. Съ площади открывается очаровательный видъ на море и горы. На площади расхаживаютъ необыкновенно мрачно и съ чисто-театральною напускною важностью солдаты; имъ для пущей внушительности присвоены лампасы. У воротъ дворца саженный гренадеръ преграждаетъ вамъ дорогу грознымъ окликомъ, но узнавъ, что вы желаете посѣтить дворецъ *du prince serenissime*, милостиво пропускаетъ васъ во дворъ. На дворѣ встрѣчаетъ васъ картинный швейцаръ, какихъ теперь рѣдко гдѣ встрѣтишь. Онъ пышетъ здоровьемъ и подобострастьемъ. Въ его сопровожденіи мы обходимъ княжескій садъ съ его пальмовыми и апельсинными деревьями, дающими въ годъ до 30000 апельсиновъ. Хотя садъ крошечный, но богатство и разнообразіе породъ, чудные виды на море, нѣжное благоуханіе и вѣчная, незапятнанная чистота веселаго неба создали на этомъ обнаженномъ утесѣ убѣжище, которому могутъ позавидовать зимніе сады самыхъ могущественныхъ монарховъ.

Настоящій перлъ монакской короны — это Монте-Карло. Еще въ 1860 году рядомъ съ Монако высилась около монакскаго утеса высокая дикая скала, на которой искали пріюта хищныя птицы или лихіе люди, дѣлившіе свою добычу. Прошло съ тѣхъ поръ четверть вѣка, — и усилиями человѣка это непривлекательное гнѣздо хищничества и разбоя покрылось великолѣпными чертогами, волшебными садами, на которые съ нескрываемою завистью смотрятъ и великолѣпная Ницца, и скромно — изысканная Ментона, и очаровательная жемчужина Средиземнаго моря — Каннъ.

Стоить только разикъ пройтись вокругъ казино и полюбоваться на морскіе виды, горные пейзажи и растительныя богатства, разбросанныя повсюду щедрою рукою, чтобы убѣдиться, что даже на этомъ избалованномъ природою побережѣ Средиземнаго моря нельзя встрѣтить такой роскошной растительности и такой изящной распланировки.

Въ одномъ лѣвомъ углу сада я насчиталъ болѣе двадцати никогда невиданныхъ мною растений, съ мудреными латинскими названіями, доставленныхъ сюда со всѣхъ концовъ свѣта, начиная отъ Мексики и Капланда и кончая Японією и Китаемъ.

Откуда взялись средства на такія безумныя, почти бѣшенныя

затраты? Средства дала та же фея, которая обеспечивает и благоденствие Монакского государства.

Казино, о котором упоминалось выше, это — храм богини Монако — Рулетки.

Широкая мраморная лестница, прикрытая стеклянным раззолоченным навесом, ведет в вестибюль. Здесь производится строжайший опрос входящему и затѣмъ выдается ему входной билетъ. Изъ вестибюля вы попадаете в высокій сводчатый залъ съ мраморными колоннами. Мраморныя колонны съ раззолоченными ионическими капителями поддерживаютъ хоры, гдѣ хранится казна княжества или, вѣрнѣе, рулетки. Строгий классическій стиль этого зала, гдѣ курить и разгуливаетъ разношерстная и разноплеменная толпа, стяжалъ ему названіе atrium. Возлѣ атриума находится читальня, гдѣ получаютъ газеты со всего свѣта и, если такъ можно выразиться, „писальня“, т. е. всѣ принадлежности для письма, бесплатно предлагаемая гостепріимною администраціею рулетки, равно какъ и чтеніе всѣмъ иностранцамъ (а туземцы и жители департамента Приморскихъ Альпъ не имѣютъ права входа въ это прекрасное зданіе, предназначенное для стрижки золотого руна съ иностранцевъ). Рядомъ съ читальнею находится великолѣпный концертный залъ. Въ концертномъ залѣ въ день два раза играетъ большой струнный оркестръ, а разъ въ недѣлю бывають классическіе (симфоническіе) концерты. Входъ на концерты бесплатный или, вѣрнѣе сказать, плата взимается въ видѣ проигрыша.

Войдемъ, наконецъ, въ самое капище феи, гдѣ съ 12 утра до 11 часовъ вечера происходитъ безостановочное жертвоприношеніе на алтарь людской жадности, легкомыслія и другихъ страстей. Игрныхъ залъ три. Въ первыхъ двухъ, отдѣланныхъ въ мавританскомъ стилѣ, происходитъ игра на рулеткѣ (ставки не менѣе 5 франковъ), а въ послѣдней играютъ въ карты (trente et quarante), при чемъ ставка не можетъ быть ниже 20 франковъ. Наслышавшись немало о бѣшенныхъ деньгахъ, которыя проигрываются и выигрываются на этомъ зеленомъ полѣ, я ожидалъ видѣть оживденную картину бушующихъ страстей, выразительныхъ жестовъ и горячихъ декламаций. Каково же было мое удивленіе, когда я очутился въ громадной душной залѣ (злые языки утверждаютъ, что администрація рулетки намѣренно пренебрегаетъ вентиляціею, чтобы лучше отуманивать головы игроковъ), въ которой бродили, точно отравленные мухи, сонныя фигуры чающихъ движенія рулетки или отчаявшихся въ удачномъ движеніи ея.

Ливрейные лакеи, съ княжескимъ гербомъ на пуговицахъ, внимательно слѣдили за движеніями публики и разносили воду для успокоенія взволновавшихся игроковъ. Видно, сильно клокотали дурныя страсти подъ этимъ наружнымъ спокойствіемъ тупой сдер-

жанности, предписываемой хорошим тономъ и воспитаніемъ. За движеніями же публики явилась слѣдить и тайная полиція въ игорный залъ, и при малѣйшемъ „подозрительномъ“ движеніи вырастаетъ изъ-подъ земли всевидящее око.

Когда видишь предъ собою эти жалкія, искаженные злобою и отчаяніемъ фигуры всѣхъ классовъ, возрастовъ и національностей, — то согласишься, что эти предосторожности нелишнія. Нѣтъ той отчаянной выходки, начиная отъ самоубійства (разгаръ сезона въ январѣ называется сезономъ самоубійствъ) и кончая убійствомъ, которая не зародилась бы и не была бы выполнена въ этой тяжелой атмосферѣ, пропитанной испареніями лучшихъ велико-свѣтскихъ духовъ и насыщенной эманациями самыхъ низменныхъ людскихъ страстей. Случаи самоубійства и умопомѣшательства знакомы (утверждаютъ даже, что есть особая мертвецкая) этимъ раззолоченнымъ стѣнамъ, покрытымъ богатыми фресками плафонамъ, опирающимся на элегантныя точенныя мавританскія колонны и подковообразныя арки.

Разсказываютъ, что былъ такой случай. Проигравшій послѣдній франкъ игрокъ пустилъ тутъ же за игорнымъ столомъ пулю себѣ въ лобъ. Chef de partie распорядился, чтобы немедленно убрали трупъ, и затѣмъ... съ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, скомандовалъ обычное воззваніе: „Faites vos jeux, messieurs!“

Игра продолжалась безостановочно, и даже прибавляютъ, что между двумя дамами произошелъ споръ, кому занять мѣсто самоубійцы, долженствовавшее, какъ гласитъ рулетная примѣта, принести счастье.

Среди этого коловращенія и безумнаго стремленія къ химерѣ-счастью только одни крупье сохраняютъ полное хладнокровіе, подобающее ихъ высокой государственной функціи, и плавными жестами

„Скала самоубійца“. (Съ нея, какъ говорятъ, бросаются проигравшіеся въ рулетку.)

загребаютъ лопатами золото и серебро въ кассу. Нужно имѣть большой запасъ терпѣнія, чтобы оставаться спокойнымъ среди этого клочкотанья низменныхъ, но буйныхъ страстей, при видѣ столькихъ скаженныхъ лицъ и дрожащихъ рукъ, въ этой возбужденной и затхлой атмосферѣ, предъ этою враждебно-настроенною толпою, бросающею озлобленные взгляды по адресу чиновниковъ рулетки. Несмотря на всю сдержанность и даже абсолютную честность жрецовъ рулетки, публика всегда враждебно настроена къ ней. Публика ненависть къ учрежденію переноситъ на его органы. До чего доходитъ это озлобленіе, можно судить по тому, что когда однажды какая-то шайка, пріѣзжавшая изъ Ниццы, обмошенничала рулетку, то при возвращеніи въ Ниццу, она была принята весьма сочувственно со стороны многочисленныхъ, хотя и мелкихъ жертвъ рулетки.

Вотъ эта послѣдняя категорія мелкихъ игроковъ и составляетъ главную доходную статью рулетки и самый тяжкій грѣхъ на покладистой совѣсти правительства Монако. Что миллионеры приносятъ и проигрываютъ сотни, тысячи и миллионы — тутъ, пожалуй, рулетка не такъ виновата: все равно эти шальные деньги были бы и такъ прокучены. Но когда администрація рулетки всякими правдами и неправдами, на подобіе Цирцей, заманиваетъ къ рулеткѣ мелкоту, молодежь и неопытный людъ — это не только тяжкій грѣхъ, но и преступленіе. А заманиваетъ она всякими средствами. Она не только распространяетъ слухи о мнимыхъ и дѣйствительныхъ выигрышахъ, но и издаетъ брошюры, въ которыхъ указываются вѣрнѣйшіе способы для обыгранія рулетки. И вотъ вы увидите за столомъ измученныя, исхудалыя лица людей, которые ведутъ записи выходящихъ номеровъ, чтобы въ ихъ таинственномъ чередованіи открыть математическій или кабалистическій законъ, обезпечивающій „вѣрный“ выигрышъ. Съ неутомимостью, достойною лучшаго примѣненія, ведутъ эти несчастные труженики (travailleurs) свою Сизифову работу (предупредительная администрація отпечатала даже особыя разграфленные таблички, облегчающія бесплодную статистику толченья цифръ), кончающуюся тѣмъ, чѣмъ обыкновенно кончается игра въ этомъ великолѣпномъ зданіи, на которомъ слѣдовало бы сдѣлать надпись: „оставьте всякую надежду на выигрышъ всѣ входящіе сюда“. Вотъ эта-то мелкота, частью по нуждѣ, а частью по легкомыслію платящая дань пагубной страсти и желающая пожать тамъ, гдѣ не сѣяла, — она-то и является главной питательницей рулетки.

Пятифранковики — вотъ главные данники и источникъ богатства рулетки. Эти мелкіе ручьи образуютъ громадное теченіе, подобно тѣмъ 10000 мелкимъ ручейкамъ, которые образуютъ широкое теченіе Рейна...

Какъ легко и пріятно дышется, когда выйдешь на свѣжій, чистый, вольный воздухъ. Яркое солнце заливаешь тропическія роши теплыми, нѣжными лучами. Морскія волны шумятъ и неслышно разбиваются у зеленого берега. Кругомъ цвѣты и благоуханіе. Тепло и свѣтло на душѣ, какъ въ началѣ весны. Лучшаго мѣста для отдохновенія и поправленія больнымъ нечего бы желать, если бы... если бы не привлекательная до неотразимости для многихъ ловушка Цирцеи. Въ виду этого врачи, зная человѣческую слабость, и не посылаютъ сюда больныхъ.

НАУКА АРАБОВЪ.

Проф. Р. Винперъ.

Отъ прежняго быта арабовъ осталась большая ихъ подвижность. вмѣстѣ съ широко раскинутой торговлей у нихъ пробудился интересъ къ путешествіямъ и развилась географическая наука. Этотъ интересъ возникъ изъ обычаевъ самой номадной жизни, изъ обязательныхъ для мусульманина богомольныхъ поѣздокъ въ Мекку. Онъ поддерживался стремленіемъ вѣрующихъ разыскать и собрать истинные рассказы объ основателѣ религіи и подлинныя слѣды его ученія и, наконецъ, научнымъ влеченіемъ пытливыхъ людей, которые хотѣли слышать непосредственно преподаваніе знаменитыхъ ученыхъ или богослововъ, узнать арабскій языкъ въ его чистомъ источникѣ. Путешествія считались святымъ дѣломъ. Существовало изреченіе: „кто ѣдетъ въ путь ради науки, тому Богъ облегчаетъ дорогу въ рай“. Арабскій географъ всегда былъ странствователемъ, заносившимъ собственныя живыя впечатлѣнія. Одинъ изъ нихъ, Макдиси, настоящій типъ восточнаго ученаго, описываетъ въ предисловіи къ своей работѣ, какъ онъ познакомился со всѣми извѣстными библіотеками, со всѣми сектами и богословскими направленіями, слушалъ всѣхъ выдающихся проповѣдниковъ и какъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ побывалъ лично чуть ли не во всевозможныхъ положеніяхъ жизни, званіяхъ и видахъ: богомольцемъ, монахомъ, врачомъ, лавочникомъ, проповѣдникомъ, писцомъ, проводникомъ, переплетчикомъ, пономаремъ, студентомъ богословія, посланникомъ, подмастерьемъ, адвокатомъ, романистомъ, степнымъ шейхомъ (старѣйшиной) — жилъ при дворѣ и примыкалъ къ разбойничьей шайкѣ, учился въ высшихъ школахъ, вращался среди хитростей торговли и биржи и знался съ еретиками.

Крупнѣйшимъ географомъ былъ Масуди (умеръ въ половинѣ

Х вѣка), арабскій Геродотъ, уроженецъ Багдада, побывавшій въ Персіи, Индіи, на Цейлонѣ, въ Китаѣ, у Каспійскаго моря, въ Египтѣ, на Мадагаскарѣ. Въ сочиненіи „Золотые луга“ онъ живо и увлекательно описываетъ страны, современный бытъ народовъ и ихъ прошлое, выдвигая своеобразное и необыкновенное, расцвѣчая рассказы анекдотическими эпизодами.

Въ Басрѣ и другихъ городахъ, гдѣ былъ постоянный широкій обмѣнъ и встрѣчались люди разныхъ національностей, возникли кружки, занимавшіеся литературой и наукой. Аббасиды поддерживали интересъ къ наукамъ при дворѣ, особенно Мамунъ, сынъ Гаруна, въ началѣ IX вѣка: подъ ихъ покровительствомъ стали переводить астрономическія, математическія и философскія сочиненія съ греческаго и индійскаго языковъ. Переводчиками, толкователями греческой науки и учителями мусульманъ были христіане — сирійцы. Арабы ревностно учились. Въ ходу было изреченіе халифа Али: „мудрость міра — это заблудшая овца, потерянная вѣрующимъ; возврати ее, хотя бы изъ рукъ невѣрныхъ“. Постепенно вся наука грековъ александрійскаго времени, сочиненія философа Аристотеля, математика Евклида, географа Птолемея, врача Галена, открылась арабамъ. Они получили понятіе о шаровидности земли, вычисляли затменія, движеніе планетъ и кометъ, опредѣляли съ точностью продолжительность года, пытались вымѣрить меридіанъ. Въ различныхъ мѣстахъ, особенно въ Багдадѣ, возникли обсерваторіи, примѣнялись сложные и дорогіе аппараты наблюденія. Арабы усвоили себѣ также свѣдѣнія греческихъ и индійскихъ ученыхъ по химіи и медицинѣ.

Приемы разсужденія и общія заключенія арабской науки не похожи на характеръ нашей нынѣшней науки. Въ объясненіи явленій міра арабскіе ученые были склонны придавать числамъ и ихъ сочетаніямъ таинственный смыслъ. У нихъ было представленіе о четырехъ главныхъ стихіяхъ, землѣ, воздухѣ, огнѣ и водѣ, изъ которыхъ образуются всѣ тѣла на землѣ: въ числѣ четыре, слѣд., заключена разгадка всего мірового строя; всѣ мысли и разсужденія, чтобы быть правильными, должны быть расчленены на четыре части. Они искали въ тѣлахъ волшебныхъ силъ и считали возможными превращенія веществъ, напр., образованіе золота изъ другихъ металловъ. Въ состояніяхъ души они также искали чудесныхъ явленій; они думали открыть связь человѣческой души съ великой міровой душой.

Арабы занимались наукой и философіей въ то время, когда большая часть западныхъ странъ погружена была въ невѣжество. Впослѣдствіи европейцы впервые узнали чрезъ посредство арабовъ объ умственной работѣ древнихъ грековъ; съ этого началась новая европейская наука. Слѣды заимствованія отъ арабовъ остались въ

научныхъ названійхъ европейскихъ языковъ: алгебра, алкоголь, зенитъ, химія (собственно алхимія, но слово въ этой чисто арабской формѣ стало потомъ означать суевѣрное исканіе чудесныхъ свойствъ тѣлъ); всѣ эти выраженія взяты у арабовъ такъ же, какъ множество словъ въ области обмѣна и торговаго быта: базаръ, магазинъ, тарифъ, арсеналь, цифра и др.

Въ мусульманскомъ мірѣ большое значеніе получило устное преподаваніе. Самой старинной школой и мѣстомъ бесѣдъ и споровъ была мечеть. Въ свободные отъ молитвы часы въ мечети можно было встрѣтить иного ученаго въ кругу его друзей и слушателей; онъ сидѣлъ на коврѣ, прислонившись къ колоннѣ, поддерживавшей сводъ, передъ нимъ былъ столикъ съ раскрытой книгой; кто-нибудь читалъ текстъ, а профессоръ давалъ свои толкованія. Такое преподаваніе вначалѣ было вполне даровымъ. Но постепенно мечети переполнились желавшими учиться; образовался цѣлый классъ ученыхъ, которые по необходимости должны были жить своимъ преподавательскимъ трудомъ. Тогда возникли особыя школы (медресе). Рѣдко это были обширныя учрежденія, на которыя жертвовались большія суммы, гдѣ профессора и студенты получали содержаніе, гдѣ могли останавливаться и проживать странствующие писатели и ученые. Обыкновенно въ такой школѣ былъ молитвенный залъ, передъ нимъ обширный внутренній дворъ съ бассейномъ, на который выходили комнаты преподавателей и учениковъ; большую часть зданія занимала бібліотека.

Составилась огромная переводная и оригинальная, научная, описательная и поэтическая литература на арабскомъ языкѣ. Въ Багдадѣ было до сотни книгопродавцевъ. Это были собственно обладатели рукописныхъ коллекцій, которые заказывали переписать то или другое сочиненіе. Рѣдкіе и роскошные экземпляры цѣнились въ крупныя суммы, но рядомъ съ этимъ сильно распространялась дешевая книга, благодаря арабскому изобрѣтенію бумаги изъ хлопчатника.

МАВРИТАНСКІЙ СТИЛЬ.

(Изъ историч. сборника подъ ред. проф. П. Г. Виноградова).

Новая религія Магомета принесла съ собой особый родъ богочитанія, а оно создало новую форму искусства. Но тогда арабы, какъ и германцы, нахлынувшіе на римскую имперію, не имѣли никакой самостоятельной образованности и, слѣдовательно, невольно

должны были взять въ образецъ тѣ формы искусства, которыя нашли въ завоеванныхъ ими странахъ. То были большею частью зданія временъ упадка римскаго зодчества; ихъ-то преимущественно исламизмъ и долженъ былъ взять себѣ въ образецъ: — онъ, также какъ и христіанство, былъ врагомъ языческаго богослуженія. Къ этому присоединился еще и собственно восточный художественный элементъ. Даже на римскихъ постройкахъ въ Азіи и Африкѣ лежалъ всегда болѣе или менѣе ощутительный восточный колоритъ, и весьма естественно, что этотъ восточный элементъ еще болѣе развился у арабовъ въ завоеваніяхъ при соприкосновеніи ихъ со старыми образованными народами Азіи. А такъ какъ потомъ арабы начали уже развиваться самостоятельно, то изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ, наконецъ, образовалось то, что теперь обыкновенно зовется *мавританскимъ* стилемъ.

По своему источнику, искусство магометанское находится въ близкой связи съ древнехристіанскимъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно отличается въ одномъ, а это одно такъ важно, что черезъ него именно задушено было въ самомъ зернѣ своемъ все дальнѣйшее совершенствованіе мусульманскаго искусства. Магометъ до такой степени боялся, чтобы арабы не воротились къ своему прежнему идолопоклонству, что непремѣннымъ догматомъ Корана запретилъ правовѣрнымъ представлять въ живописи и ваѣннй людей и животныхъ. Вотъ причина, почему эти оба искусства были пренебрежены арабами. Изъ искусствъ самое любимое, сабое задушевное, была поэзія. Изъ пластическихъ искусствъ оставалась имъ одна архитектура; въ ней одной принуждена была во внѣшнихъ формахъ разыгрываться пламенная фантазія ихъ. Но архитектура неразрывно связана съ религіозными идеями. Религіозныя же идеи арабовъ кружились около: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его; Богъ единъ, Богъ всемогущъ, накажетъ злыхъ, наградитъ добрыхъ“. При такомъ одинокомъ догматѣ негдѣ было разыгрываться религіозному воображенію; при этомъ ни мѣоовъ, ни религіозныхъ преданій — одно голое сухое единство. Вотъ отчего архитектурныя памятники арабовъ далеко не соотвѣтствуютъ ихъ образованности. Архитектура имѣетъ характеръ однообразный и совершенно чужда развитія.

Впрочемъ, навсегда оставшись при однѣхъ формахъ древнехристіанскаго зодчества, арабская архитектура запечатлѣла ихъ своимъ особеннымъ характеромъ. Я имѣю здѣсь въ виду высшее выраженіе мусульманской архитектуры — ея религіозныя памятники — мечети. Въ нихъ особенно замѣтны два стіля: одинъ принадлежитъ древнехристіанской базиликѣ, другой болѣе приближается къ стилю византійскому. Памятники перваго находятся въ Европѣ; второй, сдѣлавшійся потомъ общимъ мусульманскимъ, принадлежитъ

Востоку. Но этимъ первообразамъ своей архитектуры арабская фантазія слѣдовала не рабски, она преобразила ихъ по-своему, при-мѣшавъ еще къ нимъ нѣкоторыя формы архитектуры индійской. Всего болѣе оригинальность арабской фантазіи выразилась въ украшеніяхъ, въ подробностяхъ, гдѣ надобно было избѣгать всякихъ опредѣленныхъ формъ и образовъ, находящихся въ природѣ. То была задача, достойная арабской фантазіи, и она чудно разрѣшила ее, создавъ свои безконечно клубящіяся и перевивающіяся вереницы линій и фигуръ, извѣстныхъ теперь подъ названіемъ арабесковъ.

Мавританская архитектура совершенно чужда того характера величія, какой отличаетъ античное искусство; вся прелесть ея въ капризной изящности формъ, въ эффектнои освѣщеніи, въ обилии и нѣжности украшеній, всегда заключенныхъ въ самой грубой оболочкѣ, какова обыкновенно наружность ихъ зданій. Мавританскую архитектуру обыкновенно называютъ подражаніемъ римской и византійской. Дѣйствительно, внутреннее расположеніе мавританскихъ домовъ отчасти сходно съ римскими, гдѣ также внутренніе дворики играли главную роль. Свои арки съ колонками могли они заимствовать у византійцевъ. Но у арабовъ арка имѣетъ совсѣмъ другое назначеніе, и, кажется, въ этомъ-то всего больше является особенность мавританской архитектуры; а въ архитектурѣ всего больше отражается народный характеръ. У византійцевъ арка несетъ на себѣ верхнюю часть зданія, у арабовъ она служитъ только однимъ украшеніемъ, потому что у нихъ верхъ зданія держится не на аркахъ, а на однѣхъ колоннахъ. Арка у арабовъ только для красоты, для ласканья глазъ. По самой своей подковообразной формѣ, эта арка безсильна что-нибудь держать на себѣ. У архитекторовъ арабскихъ, кажется, была только одна цѣль — придать всему характеръ легкости и какъ бы безпрестанно напоминать о кочевомъ шатрѣ пустынь. Въ этомъ именно и состоитъ величайшая оригинальность мавританской архитектуры, ея коренное отличіе отъ всѣхъ другихъ архитектурныхъ стилей. Существенный характеръ ея — необыкновенная легкость и капризь, пренебрегающій всѣми законами и правилами зодчества. Вѣроятно, отсюда происходитъ и такая непрочность ихъ зданій. Въ самомъ дѣлѣ, ни малѣйшаго чувства долговѣчности, даже прочности не пробуждаютъ зданія арабовъ: это легко, это воздушно, это удивительно изящно, но все это, кажется, тотчасъ разлетится, какъ миражъ.

Испанецъ. Съ картины *J. Zuloaga*.

БОЙ БЫКОВЪ.

В. Боткинъ.

„Какъ кстати вы пріѣхали: сегодня день быковъ!“ (такъ называется день, въ который дается бѣгъ). Этими словами встрѣтилъ меня хозяинъ гостиницы, въ которой я остановился. „Надобно заранѣе взять мѣсто, послѣ не достанешь. Нигдѣ въ Испаніи нѣтъ такихъ бѣговъ, какъ въ Севильѣ“. Наскоро пообѣдавъ, отправились мы въ циркъ.

Ничто не можетъ дать такого полнаго понятія о наслажденіяхъ, страстяхъ, характерѣ и фізіономіи испанскаго народа, какъ бой быковъ, самое высшее, самое любимое изъ его удовольствій. Никакая заманчивая афиша, никакая новая пьеса не возбуждаютъ въ народѣ такого живого любопытства, какъ это простое и всегда однообразное объявленіе о бѣгѣ быковъ; извозчикъ, водонось пообѣдаютъ кускомъ хлѣба съ чеснокомъ или даже вовсе не будутъ обѣдать, но ужъ ни за что не пропустятъ бѣга. За четыре дня красныя афиши извѣщаютъ объ имѣющемъ быть „бѣгѣ быковъ“, *corso de toros*; тутъ же

подробно объявляется, сколько быковъ будутъ поодиночкѣ выпущены въ циркъ, съ означеніемъ, съ какого каждый пастбища и кому принадлежитъ; затѣмъ слѣдуютъ имена пикадоровъ (сражающихся на лошади съ копьями) и матадоровъ (убивающихъ быка шпагами), участвующихъ въ бѣгѣ.

Plaza de toros находится за городомъ; это большой циркъ, выстроенный амфитеатромъ и окруженный ступенями, безъ крыши, вслѣдствіе чего мѣста въ тѣни дороже мѣстъ на солнцѣ; для высшаго общества назначена верхняя галлерей; это самая дорогія мѣста. Деревянный барьеръ, укрѣпленный толстыми столбами, отдѣляетъ отъ поля сраженія пространство шага въ два ширины: здѣсь убижище каждаго, участвующаго въ циркѣ въ боѣ съ быкомъ. Когда быкъ сильно тѣснить или настигаетъ ихъ, они, поставя ногу на уступъ, сдѣланный въ заборѣ, прыгаютъ черезъ него съ удивительною быстротою и ловкостью.

Больше десяти тысячъ зрителей занимаютъ ступени и галлерейю амфитеатра, и, смотря на всѣ эти оживленныя лица, на страстность движеній, разговоровъ, физиономій, вамъ трудно узнать здѣсь тѣхъ испанцевъ, которыхъ вы считаете такимъ важнымъ и серьезнымъ народомъ. Никакой театръ въ мірѣ не можетъ дать малѣйшаго понятія о томъ страстномъ ожиданіи, объ томъ тревожномъ одушевленіи, какимъ исполнена публика передъ началомъ бѣга. Докторъ и хирургъ прибыли, священникъ съ дарами занялъ мѣсто въ кулисахъ театра, пикадоры уже на лошадяхъ на аренѣ; начальникъ города подалъ знакъ изъ своей ложи, труба заиграла, ворота барьера открылись.

Быкъ, выходя изъ своего темнаго стойла, ослѣпленъ свѣтомъ, оглушенъ криками толпы; бодро выбѣгаетъ онъ на арену, съ любопытствомъ поднимаетъ голову, осматривается. Онъ пошелъ въ сторону — это плохой быкъ; хорошій быкъ долженъ тотчасъ же броситься на пикадора. Быкъ снова останавливается, съ удивленіемъ смотритъ вокругъ, понуривъ голову, и начинаетъ взметывать песокъ передними ногами. По всему видно, что онъ не хочетъ биться; надобно будетъ раздражить его. Слуги подбѣгаютъ, размахивая своими капами*); пикадоръ подѣзжаетъ, становится передъ нимъ; быкъ долженъ биться.

Пикадоръ сидитъ на скверной лошади, глаза у ней завязаны. Онъ вооруженъ копьемъ, котораго остріе, длиной съ булавку, можетъ только уколоть, но не ранить быка; одежда его состоитъ изъ широкихъ замшевыхъ панталонъ, подбитыхъ желѣзомъ и деревомъ, которыя защищаютъ ноги отъ ударовъ роговъ; отъ этого онъ пѣшкомъ

*) „Капа“ на языкѣ цирка называется кусокъ красной ткани, махая которою слуга раздражаетъ быка.

едва можетъ передвигать ноги, и когда бываетъ опрокинуть вмѣстѣ съ лошадыю, то не въ силахъ подняться безъ помощи слуги; на немъ андалузская куртка и сѣрая съ большими полями шляпа. Сѣдла у пикадоровъ высокія, турецкой формы, стремяна желѣзныя, на манеръ высокихъ калошъ; только съ помощью длинныхъ и острыхъ шпоръ управляютъ они своими бѣдными клячами. Пикадоръ становится всегда такъ, чтобъ имѣть быка съ правой стороны; когда быкъ бросается на лошадь и нагибаетъ голову для удара, пикадоръ долженъ остановить этотъ взмахъ упоромъ копыя непременно въ затылокъ и въ ту же минуту отъѣхать влѣво. Если лошадь легка и поворотлива, а пикадоръ силенъ и искусенъ, то ударъ минуетъ лошадь; но это случается очень рѣдко. Если же пикадоръ не умѣлъ хорошо стать, если ударъ копыя сдѣланъ неловко и немѣтко — горе ѣздоку, а главное — горе лошади; быкъ поднимаетъ ее на рога и опрокидываетъ вмѣстѣ съ ѣздокомъ. Но въ это мгновеніе слуги окружаютъ ихъ: одни поднимаютъ пикадора, другіе, махая красными капами передъ глазами быка, стараются отвлечь его вниманіе отъ пикадора; глупое животное бросается на нихъ, слуги мгновенно разсыпаются въ стороны. Но разъ съ однимъ знаменитымъ пикадоромъ случилось слѣдующее. Выпущенный на арену быкъ былъ превосходной андалузской породы, силы и легкости неимовѣрной. Грозно выбѣжавши на арену, онъ тотчасъ же напалъ на пикадора, нанесъ лошади страшный ударъ рогами и опрокинулъ ее вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Слуги по обыкновенію бросились отвлекать его въ сторону; но быкъ, противъ обыкновенія, не обращая на нихъ вниманія, устремился на пикадора, съ дикою яростью началъ его топтать, бодать рогами въ ноги; и замѣтя, что удары его только скользятъ по нимъ, онъ перескакиваетъ на другую сторону и наклоняетъ голову; ударъ рога приходится пикадору прямо въ грудь. Пикадоръ, мгновенно приподнявшись съ отчаяннымъ усиліемъ, одною рукою схватываетъ быка за ухо, а другою запускаетъ пальцы свои въ ноздри быку и въ то же время прижимаетъ свою голову къ головѣ бѣшенаго животнаго... Напрасно быкъ его трясъ, топталъ ногами, билъ о землю: никакими усиліями не могъ онъ освободиться отъ пикадора и наконецъ, побѣжденный человѣкомъ въ этой страшной борьбѣ, обратился на слугъ. Пикадоръ отпустилъ его; всѣ думали, что его подымутъ замертво; но только что поставили его на ноги, какъ взбѣшенный пикадоръ выхватываетъ у одного слуги капу и, едва переступая ногами отъ тяжести своихъ подбитыхъ желѣзомъ панталонъ, хочетъ снова привлечь къ себѣ быка. Насильно вырвали у него капу. Ему подвели лошадь. Дрожа отъ гнѣва, бросается онъ съ копьемъ своимъ на быка, среди цирка, не считывая своего положенія. Сшибка двухъ противниковъ была ужасна, и быкъ и лошадь пали на колѣни...

Согласитесь, что здѣсь слава не пріобрѣтается даромъ.

Обыкновенно на аренѣ два пикадора; два или три другихъ ждуть за барьеромъ, чтобы замѣнить ихъ въ случаѣ смерти, раны или сильнаго ушиба. Двѣнадцать слугъ разсыпаны по аренѣ; они всѣ пѣшкомъ и должны безпрестанно помогать другъ другу. Одни изъ нихъ, какъ я сказалъ, отвлекаютъ быка, другіе поднимаютъ пикадора и раненую лошадь. Рога быка цѣликомъ проткнули ей животъ... Вы думаете, что она не двинется уже съ мѣста! Напротивъ, нужды нѣтъ, что бѣдное животное ранено на смерть, что кровь льется изъ двухъ его зіяющихъ ранъ, что внутренности его висятъ и влачатся по землѣ, что его ноги путаются въ нихъ — ничего: пока лошадь можетъ держаться на ногахъ, она годится еще для одного удара. Если лошадь подняться не въ состояніи, пикадоръ уходитъ съ арены и тотчасъ же выѣзжаетъ на нее на свѣжей лошади.

Андалузскіе быки знамениты своею дикою яростью; они невысоки, съ ногами очень тонкими и такъ легки, что догоняютъ лошадь на бѣгу и иногда перепрыгиваютъ черезъ трехаршинный барьеръ; шерсть у нихъ гладкая и лоснящаяся, рога длинные и заостренные. Если быкъ хорошъ — на языкѣ цирка это значитъ не трусь, — то одинъ оставляетъ на мѣстѣ пять и шесть лошадей и какъ мячи катаетъ пикадоровъ по землѣ. Тогда-то раздаются страстные рукоплесканія: bravo, bravo, toro! кричатъ со всѣхъ сторонъ. Но не умеръ ли пикадоръ? не ушибся ли, не раненъ ли? Э! объ этомъ никто не заботится; это дѣло священника и хирурга. Правда, что это не часто случается, да главное въ томъ, что объ этомъ никто не думаетъ. Но какъ хорошъ, какъ красивъ быкъ, когда, опрокинувъ трехъ-четырехъ пикадоровъ, онъ одинъ гордо бѣгаетъ по завоеванной имъ аренѣ. Слуги не смѣютъ болѣе раздражать; его бѣшеные, налившіеся кровью глаза исполнены дикаго торжества; арена пуста, на ней лежатъ только трупы убитыхъ имъ лошадей; въ ярости онъ снова поднимаетъ ихъ на окровавленные рога, взбрасываетъ, раздираетъ...

Подаютъ знакъ бандерильерамъ.

Ловкіе, быстрые, увертливые, одѣтые великолѣпно — шелковые чулки, башмаки, атласная съ шитьемъ куртка и штаны, — бандерильеры выбѣгаютъ на арену, держа въ рукахъ двѣ коротенькія палочки, или, точнѣе, стрѣлки съ загнутымъ остриемъ, обернутыя цвѣтной разрѣзанной бумагой. Бандерильеръ прямо бѣжитъ къ быку, который, удивленный такою дерзостью, вскачь бросается на него. Уже быкъ держитъ его почти между рогами, но въ эту самую минуту, когда онъ наклоняетъ голову, чтобы поднять его на рога, бандерильеръ втыкаетъ ему двѣ свои стрѣлки, по обѣимъ сторонамъ шеи, быстрымъ, мгновеннымъ, невѣроятно увертливымъ движеніемъ

корпуса уклоняется отъ удара и убѣгаетъ. Забудьте, что онъ не можетъ воткнуть свои стрѣлы иначе, какъ ставши совершенно близко и прямо передъ быкомъ, почти между рогами его. Какое-нибудь развлеченіе, малѣйшая нерѣшимость, сомнѣніе тотчасъ могутъ погубить его. За однимъ бандерильеромъ, при мнѣ, быкъ бросился въ погону, уже бандерильеръ поднималъ одну ногу на барьеръ, какъ быкъ настигъ его и подбросилъ на воздухъ... бандерильеръ всталъ невредимъ, только атласная куртка на лѣвомъ боку была разорвана: онъ попалъ между рогами. Если бандерильеръ, втыкая стрѣлки, по несчастію упалъ, то долженъ лежать безъ движенія. Быкъ рѣдко бьетъ лежачаго, не изъ великодушія, а потому что, нанося ударъ, онъ большею частью закрываетъ глаза и такимъ образомъ проходитъ по человѣку, не замѣтя его. Но иногда онъ останавливается, начинаетъ его обнюхивать, точно ли онъ мертвъ, и потомъ, отойдя нѣсколько, наклоняетъ голову, чтобы поднять его на рога. Но слуги и товарищи бандерильера тотчасъ же отвлекаютъ его въ сторону.

Надобно видѣть быка, который, чувствуя въ шеѣ боль отъ воткнутыхъ крючковъ стрѣлокъ, носится съ ними по аренѣ, трясетъ ихъ, прыгаетъ, яростно мычитъ; тутъ прибѣгаетъ другой бандерильеръ и втыкаетъ ему двѣ другія стрѣлки, потомъ — третій, четвертый. Если же быкъ не изъ храбрыхъ, если же онъ не тотчасъ же нападаетъ на пикадоровъ, а болѣе отходитъ отъ нихъ въ сторону, „огня, огня!“ раздается со всѣхъ сторонъ, — надобно раздражить быка огнемъ. Тогда бандерильеры втыкаютъ ему стрѣлки, обвитыя фейерверкомъ съ фитилемъ изъ тлѣющаго трута. Фейерверкъ загорается, трещитъ, хлопаетъ, жжетъ шею быка, — и что за прыжки, что за удивительные скачки тогда дѣлаетъ быкъ, и что за безумный хохотъ овладѣваетъ зрителями.

Наконецъ ярость животнаго достигла высшей степени, и теперь только должна начаться настоящая битва, битва одинъ на одинъ. Звукъ трубы вызываетъ матадора. Бѣшеное животное мечется по аренѣ, слуги и бандерильеры скрылись, арена пуста. Тогда входитъ на нее матадоръ въ самомъ великолѣпномъ андалузскомъ костюмѣ, красный плащъ небрежно накинуть на лѣвое плечо, въ правой рукѣ держитъ онъ короткую шпагу, въ лѣвой красное покрывало. Онъ идетъ съ важностью, каждый шагъ его обдуманъ и рассчитанъ. Онъ шпагой отдаетъ честь начальнику города, городскому правленію и останавливается.

Тутъ наступаетъ торжественная минута. Быкъ, задыхаясь отъ бѣшенства, завидя матадора, бѣжитъ на него и, словно почуя страшнаго врага, вдругъ останавливается, наблюдаетъ его, рассчитываетъ свой ударъ. Матадоръ молодъ, красивъ, одѣтъ въ атласъ, бархатъ и золото, гибокъ, сложенъ удивительно. Онъ сбрасываетъ съ плеча

красный плащ; каждое движеніе его исполнено рѣшительности и хладнокровія. Подумайте объ игрѣ, которую играетъ этотъ человѣкъ; подумайте, что рѣдкій матадоръ умираетъ въ постели, а почти всѣ оканчиваютъ жизнь свою на полѣ битвы; и отъ чего зависитъ его жизнь? Отъ одного невѣрнаго шага, отъ одного чуть-чуть уклончиваго движенія быка, отъ малѣйшаго камешка, который покатится у него подъ ногами. Ошибка въ расчетѣ на одинъ шагъ, — и его ждетъ неизбѣжная смерть; онъ сдѣлаетъ два круга по аренѣ на рогахъ у быка.

Но въ бояхъ есть свои законы, какъ въ дуэли; нарушить ихъ такъ же постыдно, какъ постыдно измѣнически убить своего противника; напримѣръ, матадоръ долженъ наносить быку ударъ не иначе, какъ въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается спинной хребетъ. Ударъ долженъ быть сверху внизъ. Въ тысячу разъ почетнѣе для матадора умереть, нежели нанести ударъ снизу, сбоку или сзади. Шпага матадора не длинна, но широка, толста и остра съ обѣихъ сторонъ; рукоять ея очень мала, для того чтобъ при ударѣ можно было упирать ее въ ладонь. Но чтобъ убить быка, матадоръ долженъ сперва узнать подробно его характеръ. Отъ этого знанія зависятъ не только слава и мастерство, но самая жизнь матадора. Каждый быкъ имѣетъ свой особенный характеръ, который необходимо узнать. Быки вообще раздѣляются на прямыхъ, простыхъ, ясныхъ, на раздражительныхъ и хищныхъ; на тѣхъ, которые легко поддаются обману мулеты (кусокъ красной ткани на деревѣ, которую держитъ матадоръ въ лѣвой рукѣ), и на такихъ, которые, напротивъ, не упускаютъ движеній человѣка. Есть быки коварные, которые наносятъ удары неожиданные, не подавая о нихъ прежде ни малѣйшаго вида. Кромѣ этого, бываютъ быки, которые хорошо видятъ вблизи и дурно вдали, и наоборотъ; наконецъ, такіе, которые хорошо видятъ однимъ глазомъ и дурно другимъ и проч. Всѣ эти особенности каждаго быка долженъ всякій *torero*, а тѣмъ болѣе матадоръ, изучить тутъ же на мѣстѣ, на аренѣ, потому что первое необходимое условіе бѣга, чтобъ быки никогда прежде не были въ циркѣ, даже для шутки, какъ это случается на деревенскихъ праздникахъ съ молодыми быками. Такого рода опытный быкъ дѣлается очень опаснымъ.

Нельзя представить себѣ ничего увлекательнѣе этого страшно волнующаго зрѣлища, когда матадоръ и быкъ приближаются другъ къ другу; каждый наблюдаетъ за своимъ противникомъ. Быкъ не вдругъ бросается на матадора. Почти всегда онъ останавливается передъ матадоромъ и всматривается въ него; съ видомъ угрозы трясетъ головою, скребетъ копытомъ землю и не хочетъ двинуться впередъ; иногда начинаетъ медленно отступать, стараясь привлечь матадора на средину цирка, гдѣ онъ не въ состояніи отъ него уйти.

Иной быкъ, вмѣсто того, чтобъ по обыкновенію нападать прямо, подходитъ сбоку медленно, прикидываясь усталымъ, и, рассчитавъ удобное для удара разстояніе, вдругъ мгновенно бросается на матадора. Но это исключеніе; большею частью быкъ останавливается прямо передъ нимъ. Оба стоятъ, какъ вкопанные; каждый слѣдитъ за движеніями своего противника. Малѣйшее движеніе головою, ухомъ, взглядъ въ сторону, все это для опытнаго и искуснаго матадора вѣрные признаки намѣреній его врага. Матадоръ взмахиваетъ мулетой и опускаетъ ее, закрывая ею отъ быка свои ноги. Это движеніе раздражило быка, онъ бросается на матадора: сила взмаха такова, что ударъ, кажется, разбилъ бы цѣлую стѣну... легкимъ, почти незамѣтнымъ движеніемъ тѣла уклонился матадоръ отъ удара, подставивъ ему свою мулету и поднявъ ее надъ рогами бѣшенаго животного.

Но матадоръ только еще изучаетъ своего врага; и, уже вполнѣ узнавши быка, располагается нанести ему смертельный ударъ. Онъ становится прямо противъ него и ждетъ. Эти минуты надобно видѣть, надобно испытать ихъ: восклицанія, остроты умолкаютъ; десять тысячъ зрителей словно каменѣютъ; ни одинъ вздохъ не прерываетъ мертвой, томительной тишины. Быкъ дѣлаетъ шагъ впередъ и снова останавливается; они такъ близко другъ къ другу, что матадоръ уже прицѣливается шпагою... еще секунду — и быкъ бросается... но въ то самое мгновеніе, какъ быкъ дѣлаетъ головой размахъ, чтобъ поднять матадора на рога, послѣдній, черезъ его наклоненную голову, вонзаетъ ему всю шпагу въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается хребетъ... быкъ вдругъ прерываетъ свой взмахъ, нѣсколько капель крови брызнули ему на шею, ноги его дрожатъ, подгибаются, быкъ падаетъ безъ движенія.

Надобно видѣть, что за минута бѣшенаго восторга слѣдуетъ за томительными, невыносимо-тяжкими минутами битвы! Словно каждый избавился отъ давившаго его кошмара; дикій, необузданный энтузіазмъ овладѣваетъ зрителями, какъ-будто каждый празднуетъ свое избавленіе отъ смертной опасности. Что передъ этимъ восторгомъ всевозможные восторги театральной публики! Никогда никакой актеръ въ мірѣ не получалъ себѣ такой награды. Съ лицомъ, на которомъ медленно исчезаетъ блѣдность, обходитъ матадоръ циркъ, привѣтствуемый зрителями. Къ нему летятъ шляпы, его встрѣчаютъ восторженные рукоплесканія: bravo! bravo! Понятно, что для такихъ минутъ обожанія рискуютъ жизнью.

Но отличный ударъ случается не всегда; на двѣнадцати убитыхъ быкахъ я видѣлъ его только четыре раза. Если ударъ вѣренъ, то-есть если лезвіе, пройдя между шеей и хребтомъ, достало до сердца, быкъ тотчасъ падаетъ, словно пораженный молніей; но чаще всего матадоръ принужденъ раза два, иногда три повторять свой

ударъ. Можетъ быть, въ энтузіазмѣ зрителей за удачный ударъ участвуетъ и благодарность за избавленіе ихъ отъ непріятнаго зрѣлища смертныхъ страданій быка; чрезвычайно тяжело видѣть, какъ сильно раненый быкъ начинаетъ шататься по аренѣ, жалобно мычить, захлебываясь своею кровью, ищетъ мѣсто умереть, сгибаетъ переднія ноги, ложится, протягиваетъ голову и умираетъ; если же смертныя судороги продолжаются, къ нему сзади подкрадывается испанецъ и даетъ ударъ кинжала въ затылокъ, чтобъ покончить его страданія. Замѣчательно, что у быка есть любимое мѣсто въ аренѣ, — это то, на которомъ онъ остановился тотчасъ по выходѣ изъ стойла на арену. Иногда съ трудомъ можно заставить его съ него сойти. Большею частью онъ идетъ умирать на это мѣсто или ложится возлѣ убитой имъ лошади. Послѣ этого отворяются одни изъ воротъ барьера, выѣзжаетъ пара роскошно убранныхъ муловъ, вывозятъ постепенно трупы убитыхъ лошадей и быка; на кровавые слѣды посыпаютъ песку и впускаютъ новаго быка; такъ продолжается до шести и даже до восьми быковъ. Это называется полу-бѣгомъ; въ прежнее время полная коррида состояла изъ 16 быковъ.

Я не въ состояніи описать того мучительнаго, невыносимаго волненія, которое овладѣло мною при боѣ матадора съ первымъ быкомъ; при второмъ, третьемъ, четвертомъ оно все усиливалось. Волненіе мое сдѣлалось невыносимымъ, но я не въ силахъ былъ отвести свои глаза отъ цирка, въ головѣ у меня мутилось, я готовъ былъ упасть въ обморокъ и не могъ дожидаться смерти пятаго быка.

Я вышелъ изъ цирка.

При второмъ бѣгѣ я былъ уже нѣсколько спокойнѣе и хотя въ страшномъ волненіи, но могъ досмотрѣть его до конца. Послѣ него выпущенъ былъ въ циркъ молодой быкъ для забавы зрителей; толпа бросилась на арену. На рогахъ у быка надѣты были деревянные шары, обтянутые кожей, чтобы удары его не могли быть смертельны. Боже мой! всякій наперерывъ старался раздражить быка плащами, поясами, шляпой; сколько плащей разлетѣлось въ куски, сколько въ этой свалкѣ истопталъ быкъ народу! нѣсколько человѣкъ вынесены были безъ чувствъ. Но зато и сколько смѣху, остротъ, радостнаго хохота...

Немногіе изъ *toreros* доживаютъ до старости; если они не умираютъ въ циркѣ, на рогахъ у быка, то по причинѣ ранъ и сильныхъ ушибовъ принуждены рано отказаться отъ своего ремесла. Деньги всего меньше входятъ въ расчетъ этихъ людей. Энтузіазмъ, тысячь, рукоплесканія, слава — вотъ что заставляетъ ихъ безпрестанно рисковать своею жизнью. Но въ то же время циркъ не прощаетъ ничего ради этой славы, онъ бываетъ и мстителемъ, неумолимъ къ своимъ героямъ. Малѣйшій признакъ робости возбуждаетъ свистъ, насмѣшки; самыя грубыя остроты сыплются со всѣхъ сторонъ на

матадора. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ матадоровъ, слава и гордость Андалузіи, былъ страшно освистанъ и обруганъ въ Малагѣ за то, что убилъ быка не по правилу; этотъ быкъ при необыкновенной дикости, легкости и силѣ былъ самымъ темнымъ и коварнымъ. Матадоръ нанесъ ему ударъ въ голову, шпага коснулась мозга, и быкъ упалъ мгновенно, — ударъ, строго запрещенный законами боя быковъ. Зрители знать не хотѣли, что матадоръ принужденъ былъ къ этому удару самою крайнею необходимостью; нѣтъ! свистъ и ругательства посыпались со всѣхъ сторонъ: „мясникъ, убійца, разбойникъ, каторжникъ, палачъ!“ самое горячее участіе было къ убитому быку и все презрѣніе къ матадору.

При этихъ страшно потрясающихъ зрѣлищахъ присутствуютъ не одни мужчины, но и женщины, даже дѣти; вѣроятно, вслѣдствіе привычки, зрѣлище крови, этотъ отвратительный видъ раненыхъ въ животъ лошадей, влачащихъ свои падающія внутренности, наконецъ, эта томящая душу опасность матадора, кажется, не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на чувствительность испанокъ. На ихъ прекрасныхъ лицахъ видно одно только страстное вниманіе.

ВОСХОЖДЕНІЕ НА МОНБЛАНЪ.

Ж. Иванцовъ.

Лѣтомъ 1897 года я посѣтилъ Шамуни, небольшой городокъ у подножія высочайшей горы Европы, Монблана, откуда было сдѣлано первое восхожденіе на него и откуда они обыкновенно дѣлаются и въ настоящее время. Шамуни насчитываетъ около двухъ тысячъ жителей и состоитъ цѣликомъ изъ отелей и магазиновъ, торгующихъ принадлежностями, необходимыми для горныхъ экскурсій, фотографіями и разными швейцарскими сувенирами. Это городъ туристовъ, которые здѣсь къ концу лѣта, когда горы становятся болѣе доступными, буквально переполняютъ всѣ отели.

Первые дни по моемъ пріѣздѣ въ Шамуни самая вершин Монблана была закутана легкими облаками, указывавшими на то, что наверху былъ сильный вѣтеръ. Эти дни я употребилъ на прогулки.

Если перейти черезъ рѣку Арву на ея лѣвый берегъ, то выйдешь на площадь, гдѣ на большой необдѣланной гранитной глыбѣ поставлена бронзовая группа изъ двухъ лицъ. Одинъ изъ нихъ, съ непокрытой головой и подозрною трубкой въ рукѣ, въ

высоких сапогахъ и длинномъ сюртукѣ, съ закинутымъ за плечо плащомъ, вперилъ свой восторженный взглядъ въ вершину Монблана. Около него лежить ранецъ съ круглой шляпой на немъ и физическіе инструменты. Другой въ обычномъ костюмѣ проводника, обвязанный веревкой и съ длинной горной палкой въ лѣвой рукѣ, въ башмакахъ и чулкахъ, обнаруживающихъ сильныя икры его ногъ, правой рукой указываетъ первому на вершину Монблана. Первый — знаменитый естествоиспытатель Соссюръ, съ именемъ котораго тѣсно

связано первое восхождение на Монбланъ и который первый поставилъ на его вершинѣ научные инструменты; второй — его проводникъ Жакъ Бальма, открывшій путь на вершину.

Черезъ хозяйку отеля я познакомился съ однимъ очень хорошимъ гидомъ, по имени Франсуа Менье, и условился съ нимъ о восхожденіи на Монбланъ.

5-го іюля новаго стили, проснувшись около 7 часовъ утра, я вышелъ на террасу. Надъ цѣпью Монблана не было ни одного облачка. На темной синевѣ ясно вырисовывалась бѣлоснѣжная

Соссюръ и его проводникъ.

вершина колосса. Мною овладѣло прямо лихорадочное стремление туда, въ эту далекую заоблачную высь, которое усилилось еще болѣе, когда я узналъ, что цѣлый караванъ отправился на Монбланъ рано утромъ.

Я послалъ за Менье.

По правиламъ бюро, для восхожденія на Монбланъ путешественникъ долженъ брать, по меньшей мѣрѣ, двухъ проводниковъ.

Менѣ однако успокоилъ меня тѣмъ, что онъ увѣренъ въ моихъ силахъ, а носильщикъ, котораго онъ возьметъ, будетъ такъ же хорошъ, какъ онъ самъ, и что двухъ человѣкъ будетъ достаточно. Носильщикъ былъ молодой скромный малый, по имени Жозефъ Кутте, дѣлавшій восхожденіе на Монбланъ въ первый разъ.

Я торопился одѣться и дѣлалъ необходимыя приготовленія. Несмотря на значительный холодъ, котораго можно всегда ожидать при большихъ поднятіяхъ, одежду приходится брать довольно легкую, чтобы не тяжело было итти. При такихъ экскурсіяхъ чувствуется всякая излишняя тяжесть. Кромѣ того, на ходу холода почти не чувствуешь. На мнѣ было надѣто шерстяное бѣлье, тирольская куртка, такая же шляпа съ привязанной къ ней веревочкой отъ вѣтра, на ногахъ шерстяные чулки и башмаки изъ толстой кожи на толстыхъ подошвахъ, подкованныхъ крѣпкими гвоздями. Въ карманѣ лежали теплыя перчатки и темныя очки отъ солнца, въ рукахъ неизбѣжный топоръ для рубки льда. Приблизительно такъ же были одѣты и гиды. Про запасъ была взята еще другая теплая рубашка, вторая пара шерстяныхъ чулокъ, суконный пиджакъ, гетры отъ снѣга и туфли, чтобы было что надѣть при остановкѣ въ Гранъ Мюле, когда будутъ сушиться мои башмаки. Все это вмѣстѣ съ провизіей, которая состояла изъ курицы и полбутылки коньяку (остальное мы предполагали, чтобы не тащить съ собою лишняго, взять въ Гранъ Мюле), было уложено въ легкій мѣшокъ съ ремнями для ношенія за спиной, который взялъ нести мой носильщикъ. Въ такихъ же мѣшкахъ имѣлась запасная одежда у моихъ проводниковъ. Кромѣ того, была взята большая жестяная фляга для вина и крѣпкая длинная веревка, которой мы должны были связаться, какъ только вступимъ на ледникъ.

Въ 9 часовъ 5 минутъ мы вышли изъ Шамуни. Пройдя мимо небольшихъ группъ домиковъ, мы вступили въ словый лѣсъ, весь заваленный камнями, остатками моренъ когда-то проходившаго здѣсь ледника. Съ непривычки, а частью вслѣдствіе нетерпѣнія, я шель слишкомъ быстро, и проводнику нѣсколько разъ приходилось умѣрять мой шагъ. Нужно было беречь свои силы, и мы шли очень медленно. Итти приходилось все время въ тѣни, и еще не было жарко.

Оставивъ вправо дорожку, ведущую къ началу ледника де-Боссонъ, мы достигли небольшого ресторанчика, гдѣ сдѣлали короткій первый приваль. Проводники спросили себѣ свой обычный напитокъ — воду съ сиропомъ и небольшимъ количествомъ коньяка. Онъ прекрасно утоляетъ жажду, а коньякъ, по ихъ словамъ, предохраняетъ отъ простуды при вдыханіи холоднаго воздуха. Ребенокъ хозяйки жевалъ лакомство, котораго я уже давно не пробовалъ. Это былъ сухарь изъ ржаной муки, очень похожій на нашъ черный

хлѣбъ. Я взялъ съ собою цѣлую краюшку, которая оказала мнѣ послѣ большую услугу. Если много пить во время остановокъ и потомъ во время дороги жевать кусокъ сухаря или вообще что-либо твердое, то это сильно гонитъ слюну, и жажды не чувствуется. Потомъ я узналъ, что многіе проводники дѣлаютъ точно также; въ Бернскихъ Альпахъ они берутъ для этой цѣли или кристаллизованный сахаръ, или, еще чаще, сухой черносливъ.

Покинувъ рестораникъ, мы продолжали подыматься въ гору по узкой дорожкѣ для муловъ, которая становилась все круче. Ель понемногу замѣнялась лиственницей и затѣмъ исчезла. Лиственница стала рѣдѣть и мельчать и тоже исчезла. Мы шли по скаламъ, покрытымъ роскошными альпійскими розами (рододендромъ) въ полномъ цвѣту. Ихъ замѣнилъ рододендронъ съ только что распускающимися цвѣточными бутонами и все болѣе низкорослый. Наконецъ, исчезъ и онъ. Кое-гдѣ на скалахъ росла жалкая травка, незабудки, альпійская ромашка, куриная слѣпота и другія цвѣтковые растенія болѣе высокихъ областей Альпъ. Въ ущельяхъ горъ лежалъ талый снѣгъ, съ горъ текли ручьи, въ воздухѣ становилось прохладно, между тѣмъ какъ солнечные лучи жгли все сильнѣе. Мы вступили въ область грандіозной весны въ ея второй половинѣ. Въ 11³/₄ часовъ мы достигли Пьеръ Пуантю (2.049 метр.).

Здѣсь въ небольшомъ рестораникѣ я позавтракалъ, и черезъ полчаса мы тронулись въ путь. Далѣе вела по скаламъ крутая узенькая тропинка, иногда прерываемая снѣгомъ. Растительность почти исчезла, и только кое-гдѣ скалы были покрыты мохомъ и жалкой травкой. Взбираясь все выше и выше, мы достигли въ часъ три четверти Пьеръ а л'Ешель, то-есть Камня Лѣстницъ, названнаго такъ потому, что прежде здѣсь лежали обыкновенно лѣстницы, которыя брали съ собою для перехода черезъ большія трещины ледниковъ. Мы надѣли гетры и вступили на покрытый снѣгомъ ледникъ де-Боссонъ.

Ледникъ былъ съ трещинами и ледяными глыбами, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, сераками. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли форму огромныхъ ледяныхъ пирамидъ.

Въ 3 часа 35 минутъ мы пересѣкли ледникъ де-Боссонъ и достигли такъ называемаго Джонксіона или Соединенія, — мѣста, гдѣ ледникъ де-Боссонъ и ледникъ Таконаца соприкасаются другъ съ другомъ. Въслѣдствіе взаимнаго давленія двухъ ледниковъ, сползающихъ внизъ съ неодинаковою скоростью, здѣсь образуется много трещинъ; въ это время зіяли только самыя большія, меньшія же были закрыты снѣгомъ, который стаиваетъ только къ концу лѣта. Обиліе трещинъ, особенно когда онѣ скрыты подъ снѣгомъ, дѣлаетъ переходъ по этому мѣсту опаснымъ. Снѣгъ можетъ провалиться, и легко упасть въ трещину. Мы связались веревками на разстояніи

метровъ четырехъ другъ отъ друга, такъ что если бы одинъ изъ насъ провалился, то былъ бы удержанъ другими. Съ такою предосторожностью переходъ по леднику представляется относительно безопаснымъ, и нѣтъ надобности тратить много времени на выщипываніе трещинъ палками. Мы перешли черезъ Соединеніе безъ приключеній. Ручьевъ уже болѣе не было; мы вступили въ царство вѣчной зимы. Навстрѣчу намъ попалась возвращавшаяся назадъ компанія изъ шести человѣкъ молодыхъ туристовъ съ двумя проводниками. Далѣе намъ попались два носильщика, также связавшіеся другъ съ другомъ, съ высокими корзинами за спинами, носившіе провизию въ Гранъ Мюле, куда мы добрались въ 4 часа 50 минутъ.

Гранъ Мюле — это нѣсколько скалъ, торчащихъ изъ снѣга. Здѣсь находится маленькая обсерваторія, старая альпійская хижина, отслужившая свою службу, и недавно построенная взамѣнъ ея небольшая чистенькая гостинница, въ которой все было устроено съ такимъ комфортомъ, котораго не ожидаешь встрѣтить среди вѣчныхъ снѣговъ на высотѣ 3050 метровъ надъ уровнемъ моря. Рядомъ съ зданіемъ на скалѣ укрѣплена палка съ просмоленной тряпкой, служащая сигналомъ на случай непогоды для заблудившихся туристовъ.

Кругомъ на скалахъ не было замѣтно никакой растительности, кромѣ ярко-желтыхъ и зеленоватыхъ пятенъ лишаяевъ. Въ концѣ же лѣта здѣсь появляется однако довольно богатая для такой высоты растительность, въ короткій промежутокъ времени нѣсколькихъ недѣль завершающая полный кругъ своей жизни. Здѣсь насчитано всего 82 вида растений, преимущественно изъ низшихъ. Снѣговая полевая мышь находитъ себѣ въ нихъ пищу. Трудно вообще сказать, гдѣ лежитъ та черта, за которой кончается всякая растительность. На всякой скалистой вершинѣ, торчащей изъ-подъ снѣгового покрова, на которой снѣгъ не удерживается вслѣдствіе ея крутизны, можно найти желтоватыя и красноватыя пятна лишаяевъ, забирающихся въ малѣйшія неровности камня и ведущихъ здѣсь свою медленную, но вѣрную разрушительную дѣятельность, изглаживая камень точно такъ же, какъ наши растенія разрыхляютъ почву, на которой они растутъ.

Мы сняли свои промокшіе сапоги, поставивъ ихъ сушиться на солнышкѣ, надѣли взятую съ собой болѣе легкую обувь и расположились на отдыхъ.

Усталости не чувствовалось совершенно, и такъ легко дышалось въ прохладномъ горномъ воздухѣ! Воздухъ высотъ оказываетъ возбуждающее вліяніе и обладаетъ какой-то особой живительной силой, заставляющей организмъ усиленно работать. На солнцѣ было довольно тепло въ одной рубашкѣ, и лучи его прямо жгли, но стоило войти въ тѣнь, чтобы сейчасъ же почувствовать холодъ.

Блескъ солнца на снѣжныхъ вершинахъ былъ ослѣпительнъ, такъ что безъ темныхъ очковъ больно было смотрѣть.

Съ противоположной стороны, значительно внизу, медленно клубясь, ползли блестящія, освѣщенные сверху облака. Черезъ прорывъ облаковъ, словно группа игрушечныхъ домиковъ, былъ виденъ совѣмъ внизу Шамуни, а за нимъ открывалось цѣлое безпредѣльное поле горъ.

Въ 12 часовъ ночи ко мнѣ уже постучались въ комнату. Была пора приготовляться въ дорогу. Предстоялъ длинный и утомительный путь до вершины Монблана, и затѣмъ въ этотъ же день засвѣтло слѣдовало вернуться въ Шамуни.

Умывшись холодной ледниковой водой, я чувствовалъ себя, несмотря на ночь, проведенную безъ сна, совершенно бодрымъ; завтракъ состоялъ изъ кофе, къ которому была подана какая-то гадость подъ именемъ консервированныхъ сливокъ, и хлѣба съ медомъ.

Я одѣлся во все, что у меня съ собой было, и ровно въ часъ ночи мы двинулись въ путь. Лишнія вещи были оставлены въ Гранъ Мюле. Взяли съ собой только провизию, бутылку холоднаго кофе и вино. Все это долженъ былъ нести носильщикъ. Менѣ взялъ только жестяную флягу, въ которую было влито двѣ бутылки краснаго вина и двѣ бутылки асти.*) Получился довольно пріятный на вкусъ напитокъ, хорошо утоляющій жажду. Другой поклажи у него на этотъ разъ не было; онъ долженъ былъ оставаться совершенно свободнымъ на случай опасности; на немъ лежала теперь вся отвѣтственность.

Связавшись всѣ вмѣстѣ веревкой, мы двинулись въ путь. Менѣ шелъ впереди и освѣщалъ дорогу фонаремъ. Кругомъ царила темная ночь и тишина. Луна уже скрылась; на небѣ яркимъ блескомъ горѣли звѣзды; въ воздухѣ было морозно. Снѣгъ скрипѣлъ подъ ногами и визжалъ подъ стальными наконечниками нашихъ горныхъ топоровъ. Дѣлая зигзаги, мы поднимались по направленію къ Малому Плато. Подъемъ былъ настолько крутъ, что мѣстами мы шли, упираясь въ снѣжную стѣну. Черезъ нѣкоторое время внизу далеко позади насъ показался другой огонекъ: это ночевавшій съ нами туристъ — французъ также двинулся въ путь.

Молча, таинственнымъ шествіемъ, освѣщая дорогу фонаремъ, мы подвигались впередъ.

Было около трехъ часовъ ночи. Голубоватая полоска показалась на востокѣ. Звѣзды тухли одна за другой. Свѣтало. Фонарь былъ болѣе не нуженъ и оставленъ на снѣгу, чтобы взять его на обратномъ пути. Мы поднялись до Малаго Плато. Съ правой сто-

*) Шипучее вино.

роны Плато поднимается почти отвѣсная снѣговая стѣна, съ которой часто скатываются лавины. Слѣды ихъ были видны въ видѣ дорожекъ по снѣгу; на пути лежала разбившаяся лавина. Равновѣсіе снѣжныхъ массъ, лежащихъ на весьма наклонной покатости, бываетъ настолько неустойчиво, что проходя мимо такихъ мѣстъ, гиды предостерегаютъ даже отъ громкаго разговора. Достаточно иногда малѣйшаго сотрясенія воздуха, производимаго звукомъ, который въ различныхъ направленіяхъ отражается отъ скаль, чтобы нарушить равновѣсіе и вызвать обвалъ, и тогда снѣжная масса сваливается, словно комъ снѣга, все нарастая по пути, и огромная лавина разбивается и засыпаетъ все встрѣчное.

Перейдя Малое Плато, мы должны были снова круто подниматься вверхъ по наклону около 70 градусовъ, и въ 3³/₄ часа достигли Большого Плато. Мы шли такимъ образомъ сравнительно очень быстро.

Большое Плато — огромная снѣжная равнина, приблизительно на часть ходьбы.

Вершина Монблана загорѣлась розовымъ свѣтомъ, который затѣмъ сталъ палевымъ и, постепенно блѣднѣя, перешелъ въ бѣлый. Внизу было еще совершенно темно. Небо сдѣлалось уже свѣтлымъ на востокѣ, но было еще совершенно темносинее на западѣ, и на его темномъ фонѣ блистала вершина Монблана. Понемногу освѣщались края горъ противоположной стороны и наступалъ день. Въ 4 ч. 20 м. показалось солнце.

Мы поднимались все выше и выше. Подъ лучами солнца становилось все теплѣе; только ноги, несмотря на ходьбу, сильно зябли въ снѣгу.

На высотѣ 4.400 метровъ мы достигли хижины Валло, построенной на небольшихъ скалахъ у основанія снѣжнаго хребта. Хижина представляетъ собою небольшой дощатый сарайчикъ, въ который ведетъ двойная дверь, устроенная такимъ образомъ, что наружная дверь открывается, а во внутренней прорѣзано окно, черезъ которое нужно влѣзть. Такъ устроено для защиты отъ наметанія снѣга. Внутреннее помѣщеніе раздѣлено на двѣ части, отдѣленные другъ отъ друга дверью. Въ первой, большой комнатѣ, устроены полатки; на нихъ лежатъ грубые матрацы, одѣяла и подушки. Всякій путешественникъ во время непогоды можетъ найти здѣсь пристанище. Въ горахъ Швейцаріи во многихъ мѣстахъ устроены такія хижины и много путешественниковъ обязано имъ спасеніемъ жизни.

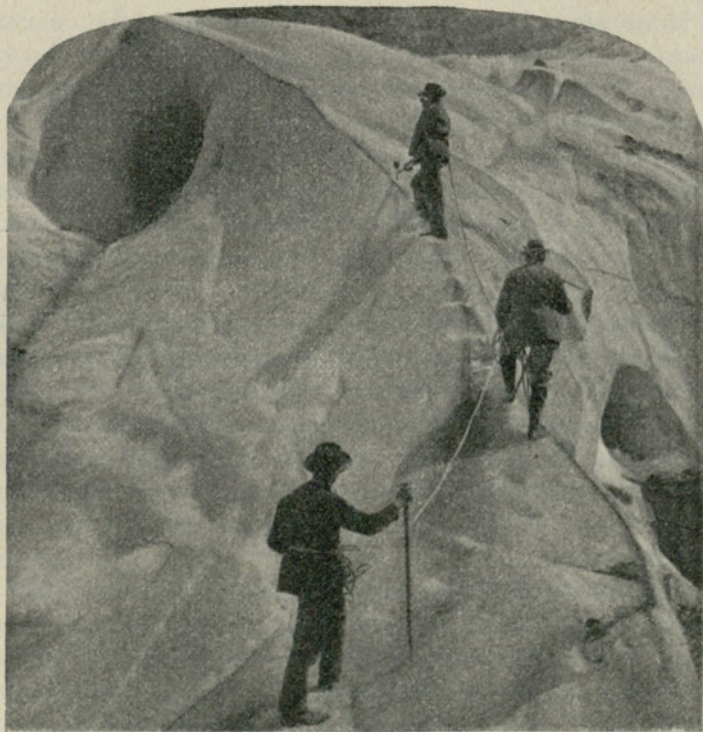
Мы сѣли на камнѣ возлѣ хижины и расположились на завтракъ. Дверь въ хижину сильно примерзла, и мы не стали ее отбивать. Мы сытно и съ большимъ аппетитомъ позавтракали и немного отдохнули. Въ 6 час. 20 м. мы снова двинулись въ путь, взявъ съ

собой только самое необходимое, остальное же оставивъ на мѣстѣ нашего привала.

Это былъ послѣдній и самый трудный переходъ.

Подниматься было очень утомительно вслѣдствіе разреженности воздуха. На такихъ высотахъ силы истощаются чрезвычайно быстро. Нѣтъ возможности сдѣлать двадцати шаговъ, чтобы не остановиться перевести дыханіе.

Мы миновали послѣднюю небольшую скалу недалеко отъ снѣжнаго купола Монблана и достигли узкаго снѣжнаго края,

Крутой подъемъ къ вершинѣ Монблана.

ведущаго къ вершинѣ. Справа открылся необозримый видъ на Италію, но было не до видовъ, такъ какъ нужно было смотрѣть подъ ноги. Мы шли по узкому снѣжному ребру, круто спускающемуся направо въ Италію, налево — во Францію — двѣ бездны справа и слѣва. Невѣрный шагъ могъ увлечь насъ или туда, или сюда. Снѣгъ былъ настолько твердъ, а края настолько узки, что приходилось вырубать ступеньки для каждаго шага.

Наконецъ, черезъ два часа съ половиной такой работы, въ

8 час. 50 м., мы достигли вершины. Вѣтеръ сорвалъ шляпу съ моего проводника и унесъ ее далеко внизъ, въ Италію.

Едва мы достигли вершины и остановились около обсерваторіи, я почувствовалъ сильную усталость. Въ обсерваторію нельзя было проникнуть, такъ какъ дверь ея была занесена снѣгомъ. Менѣ поднялъ какой-то желобъ, валявшійся рядомъ, оторванный вѣтромъ отъ обсерваторіи, положилъ его однимъ концомъ на лѣсенку обсерваторіи, а другимъ на снѣгъ, и мы сѣли.

Мною овладѣла сильная склонность ко сну и какъ бы апатія къ тому, гдѣ я и что меня окружаетъ. Это былъ легкій приступъ горной болѣзни, которой подвергается почти всякій, достигающій вершины Монблана. Носильщикъ, который такъ же, какъ и я, въ первый разъ поднимался на такую высоту, чувствовалъ себя еще хуже моего. Одинъ Менѣ не выказывалъ никакихъ замѣтныхъ признаковъ усталости.

Я не чувствовалъ ни голода, ни жажды, хотя обыкновенно въ такихъ случаяхъ испытывается палящая жажда, и съ трудомъ заставилъ себя выпить немного коньяку. Заснуть въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились, могло значить болѣе не проснуться. Часто путешественниковъ, засыпавшихъ на большихъ высотахъ на морозѣ, ихъ проводники не могли разбудить никакими усилиями. Мнѣ не хотѣлось также компрометировать себя передъ проводниками. Коньякъ нѣсколько ободрилъ меня, но не надолго. Я зналъ, что главная причина недомоганія заключается въ затрудненномъ дыханіи въ разрѣженномъ воздухѣ. Если я стану противъ вѣтра, подумалъ я, то мнѣ должно стать лучше. Дѣйствительно, это помогло почти немедленно, и я снова сталъ чувствовать себя бодрѣе и свѣжѣе.

Мы стояли на самой вершинѣ Монблана на высотѣ 4810 метровъ. Передо мною была картина, которой я, конечно, никогда не забуду.

Во всѣ стороны вокругъ далеко внизу разстилалось волнистое море горъ, маленькихъ, какъ на выпуклой картѣ, уходящее въ безпредѣльную даль. Мой проводникъ говорилъ мнѣ ихъ названія. Вотъ горы Бернской Швейцаріи, вотъ Юра, вотъ Цермать, Санъ-Бернаръ . . . Но меня эти названія нисколько не интересовали. Земля съ ея горами и долинами, со всею ея жизнью, городами и государствами, со всѣми ея интересами и тревоженіями была далеко внизу. Я смотрѣлъ на нее съ заоблачной выси и видѣлъ, насколько она ничтожна.

Здѣсь на высочайшей вершинѣ цивилизованной Европы, на мѣстѣ, не принадлежащемъ ни одному государству, такъ какъ вершина Монблана составляетъ границу между Италіей и Франціей, человѣкъ водрузилъ свое научное знамя и какъ бы начерталъ на немъ: симъ побѣдиши.

Дуль рѣзкій, холодный вѣтеръ, который все усиливался, Облака снѣжной пыли проносились мимо насъ. Остаться долѣе было опасно. Въ 9 ч. 30 м. мы стали спускаться по прежнему пути по снѣжному кряжу. Теперь Менѣ шелъ послѣднимъ, такъ какъ на него было всего болѣе надежды, въ случаѣ если бы передніе поскользнулись и, не удержавшись, упали. Мы всѣ были сильно утомлены, когда достигли хижины Валло, гдѣ сдѣлали долгій привалъ. Здѣсь была оставлена наша провизія, но никто изъ насъ не могъ ѣсть. Мы всѣ потеряли аппетитъ — обычное явленіе при подобныхъ восхожденіяхъ. На всемъ возвратномъ пути, вплоть до Шамуни, т. е. за весь день, я съѣлъ только небольшой кусочекъ шоколада, а проводники вмѣстѣ съѣли лишь маленькую коробочку сардинокъ.

Горная болѣзнь съ ея послѣдствіями является однимъ изъ главныхъ препятствій къ достиженію вершины Монблана. Большая часть попытокъ остается неудачной, въ особенности если восхожденіе затрудняется сильнымъ вѣтромъ или дурною погодой, и путешественники принуждены бывають совершенно изнуренные вернуться назадъ, не достигнувъ цѣли своей экскурсіи.

Я не говорю уже о тѣхъ печальныхъ случаяхъ, которые окончились смертью. Въ настоящее время Монбланъ насчитываетъ всего 55 жертвъ на одной французской сторонѣ. Одни нашли смерть въ трещинахъ, другіе замерзли, третьи убиты лавинами, четвертые сорвались и разбились, пятые пропали безъ вѣсти и неизвѣстно, что съ ними случилось.

Но изъ тѣхъ, которые достигаютъ вершины, только четверо изъ двадцати приходятъ на своихъ ногахъ. Остальныхъ втаскиваютъ гиды.

По мѣрѣ того какъ я спускался, я почти съ каждымъ шагомъ внизъ чувствовалъ себя лучше. Мѣстами мы скатывались сидя, но это было возможно только на большихъ покатосяхъ, на мѣстахъ болѣе пологихъ рыхлый снѣгъ мѣшалъ этому.

Расположеніе духа было самое прекрасное.

Перейдя ледникъ де-Боссонъ, мы вступили на землю. „Теперь мы внѣ опасности,“ сказалъ мой проводникъ.

Въ семь часовъ вечера мое возвращеніе было привѣтствовано въ Шамуни, по установившемуся обычаю, пушечными выстрѣлами

Я съ большимъ аппетитомъ пообѣдалъ, взялъ ванну и заснулъ самымъ богатырскимъ сномъ. На другой день усталости также почти не чувствовалось, только было нѣчто въ родѣ зубной боли въ пяткахъ, которыя я съ непривычки отбилъ при быстромъ спускѣ внизъ. Руки у меня были коричневыя, все лицо обожжено и долго послѣ этого лупилось.

Цѣлую недѣлю послѣ восхожденія я ѣлъ и спалъ много больше обыкновеннаго.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ И ПЕСТАЛОЦЦИ.

Біографія Песталоцци — по В. Смирнову.

150 лѣтъ тому назадъ народное образованіе въ Швейцаріи стояло на очень низкой ступени. Особыхъ школьныхъ зданій почти не существовало, и въ большинствѣ случаевъ школы принуждены были ютиться въ самыхъ невозможныхъ помѣщеніяхъ. Положеніе учителя было очень незавидно, такъ какъ жалованіе его въ иныхъ мѣстахъ было меньше, чѣмъ пастуха.

Но къ концу XVIII столѣтія въ странѣ народилось и начало роста движеніе, поставившее себѣ цѣлью вывести народъ изъ невѣжества.

Въ рядахъ поборниковъ просвѣщенія было много выдающихся людей, но среди нихъ былъ человѣкъ, который поработалъ не только для родины, но и для всего человѣчества. Это былъ Песталоцци, „спаситель бѣдныхъ, отецъ сиротъ, основатель народной школы, воспитатель человѣчества“, такъ написали его сограждане на памятникѣ этого величайшаго педагога.

Песталоцци родился въ Цюрихѣ въ 1746 году. Онъ былъ сынъ глазного врача. Отецъ умеръ рано, оставивъ шестилѣтняго Песталоцци на попеченіе матери и служанки Бабели.

Осиротѣлой семьѣ пришлось терпѣть нужду, но обѣ женщины, не покладая рукъ работали, безропотно переносили всякія лишенія и заботливо пеклись о мальчикѣ. Песталоцци съ малыхъ лѣтъ научился быть нетребовательнымъ по отношенію къ себѣ, но въ то же время чуткимъ къ несчастью ближняго.

Самоотверженная любовь матери развила въ Песталоцци вѣру въ людей и преклоненіе передъ семейной жизнью.

„Все для другихъ, ничего для себя“ — съ такими взглядами маленькій Песталоцци вступилъ въ жизнь, и окружающіе немедленно стали злоупотреблять лучшими побужденіями маленькаго идеалиста.

Въ 1755 году въ Цюрихѣ случилось землетрясеніе. Песталоцци учился тогда въ школѣ и находился въ это время въ классѣ. Ученики и учителя бросились вонъ, а когда прошелъ страхъ передъ землетрясеніемъ, и нужно было достать вещи изъ помѣщенія, куда всѣ еще боялись войти, то попросили сдѣлать это Песталоцци, что тотъ съ рискомъ для своей жизни охотно сдѣлалъ. Не взирая на свои нравственныя качества, Песталоцци подвергался насмѣшкамъ со стороны товарищей, а учителя его успѣхами были недовольны,

такъ какъ Песталоцци не могъ учиться всему равномѣрно, какъ отъ него требовали, а отдавался съ увлеченіемъ однимъ наукамъ въ ущербъ другимъ.

Впослѣдствіи Песталоцци назвалъ школу, въ которой его учили, „жесткой, окаменѣлой“. Въ ней много учили наизусть, а на пониманіе заученнаго не обращали никакого вниманія. Писать учили не всегда, да и то только мальчиковъ, а для дѣвочекъ признавалось это излишнимъ. Ариѳметикѣ учить могли не всѣ учителя вслѣдствіе незнанія этого предмета. Учитель смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на добавочное ремесло при другомъ занятіи.

Между учителями были плотники, каменщики, садовники, сторожа, одинъ даже „имѣлъ небольшую торговлю и занимался виннымъ дѣломъ“.

Конечно, при такомъ составѣ учителей низшая школа временъ Песталоцци могла внушить своимъ питомцамъ лишь отвращеніе къ ученію. Наоборотъ, въ высшемъ учебномъ заведеніи, куда затѣмъ перешелъ Песталоцци, профессора имѣли огромное вліяніе на молодежь.

Здѣсь молодой Песталоцци услышалъ отвѣты на волновавшіе его до того вопросы. Профессоръ Брейтингеръ говорилъ: „Все счастье отдѣльнаго человѣка, весь блескъ и могущество цѣлаго государства основывается на хорошемъ воспитаніи юношества. Это воспитаніе направляетъ умъ къ познанію всего прекраснаго и добраго и отвращаетъ сердце человѣка отъ всего, что противно законамъ разума, совѣсти и религіи...“

Профессоръ Бодмеръ, потерявшій единственнаго сына и относившійся къ своимъ слушателямъ, какъ къ своимъ дѣтямъ, много говорилъ о семейномъ счастьѣ, проповѣдывалъ простой образъ жизни, совѣтовалъ избѣгать всего изнѣженнаго и закалять себя лишеніями. Песталоцци съ увлеченіемъ слѣдовалъ его совѣтамъ: питался овощами, спалъ на жесткомъ.

Особенно сильно подѣйствовало на Песталоцци чтеніе произведеній Руссо, возставшаго тогда противъ искусственности въ жизни людей и призывавшаго ихъ стать ближе къ природѣ.

„Все хорошо, выходя изъ рукъ Творца; все портится въ рукахъ человѣка“, читалъ Песталоцци у Руссо, „терпѣть — это первое, чему долженъ научиться ребенокъ“.

„Научите вашего ученика любить всѣхъ людей, даже тѣхъ, которые васъ унижаютъ, сдѣлайте такъ, чтобы онъ не считалъ себя принадлежащимъ къ какому-нибудь одному отдѣлу общества, а ко всѣмъ“. „Упражненіе въ общественныхъ добродѣтеляхъ внушаетъ любовь къ человѣчеству: люди становятся добрыми, когда дѣлаютъ добро; я не знаю способа болѣе вѣрнаго“.

Надѣленный отъ природы мягкимъ отзывчивымъ сердцемъ,

Песталоцци также старался, чтобы его слова не расходились съ дѣломъ, поэтому, онъ занялся изученіемъ сельскаго хозяйства, чтобы сдѣлаться потомъ земледѣльцемъ и притти на помощь своему народу, какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и въ хозяйственномъ.

Мнѣніе Руссо, что „земледѣліе — есть самое первое и самое счастливое занятіе“, укрѣпляло стремленія Песталоцци. Осуществить свои планы ему помогла женитьба на Аннѣ Шультесть, съ которой онъ познакомился у постели умиравшаго друга Блунчли. Песталоцци приобрѣлъ небольшое имѣніе Нейгоффъ, при чемъ родственники жены оказали ему денежную поддержку, но крайняя непрактичность Песталоцци погубила начатое дѣло. Занятіе земледѣліемъ принесло ему только разочарованіе и втянуло въ долги.

Но здѣсь въ Нейгоффъ Песталоцци, не взирая на свое тяжелое матеріальное положеніе, сталъ давать пріютъ бездомнымъ дѣтямъ и при поддержкѣ добрыхъ людей устроилъ небольшую колонію для безпріютныхъ. Скоро у него набралось около 50 такихъ дѣтей. Песталоцци, какъ нѣжный отецъ, съ помощью своей жены, занялся ихъ перевоспитаніемъ.

Считая, что въ бѣднякахъ слѣдуетъ развивать способности, которыя впоследствии могутъ ихъ пропитать, Песталоцци началъ пріучать дѣтей къ усидчивому труду, но безъ наказаній и даже не стѣсня ихъ дѣтскую живость. Результаты оказались очень хорошими. Дѣти въ короткій срокъ становились неузнаваемыми, не только въ нравственномъ, но и въ физическомъ отношеніи. „Дѣти, чахнувшія при бездѣліи и нуждѣ, быстро поправлялись и развивались при постоянномъ занятіи пряденіемъ, разъ только были измѣнены условія ихъ жизни“. Въ одномъ только ошибся Песталоцци. Онъ думалъ, что дѣти своей работой могутъ прокормить себя, а этого они не могли. Поэтому Песталоцци началъ продавать и закладывать все, что только могъ, лишь бы подольше продержатъ своихъ питомцевъ у себя.

Знакомые и друзья недоумѣвали и спрашивали, чего ради онъ приноситъ подобныя жертвы? Идеалистъ-педагогъ отвѣчалъ: „Какое неописуемое блаженство видѣть выростающими и расцвѣтающими юношей и дѣвушекъ, которыхъ ничета ставила такъ близко къ гибели! Какое счастье встрѣчать улыбку довольства и спокойствія на ихъ лицахъ, пріучать ихъ руки къ честному труду...“

Но въ концѣ концовъ за полнымъ истощеніемъ средствъ Песталоцци пришлось распустить дѣтей, среди которыхъ онъ жилъ цѣлые годы, „въ бѣдности дѣлилъ съ ними кусокъ хлѣба; самъ жилъ, какъ нищій, чтобы научиться, какъ можно заставить нищихъ жить людьми“.

Послѣ неудачи, постигшей Песталоцци, многіе начали считать его ненормальнымъ; другіе говорили: „Вотъ, берется помогать дру-

гимъ, когда не можетъ помочь себѣ въ своемъ бѣдственномъ положеніи“. Но Песталоцци не падалъ духомъ. „Мой планъ не осуществился, — писалъ онъ въ своихъ запискахъ — но въ огромныхъ усиліяхъ опыта я почерпнулъ и огромную истину. Убѣжденіе въ правильности моего плана никогда не было такъ сильно, какъ послѣ постигшей неудачи его осуществленія“.

Лишенный возможности провести въ жизнь свои взгляды, великій педагогъ принялся за литературный трудъ. Въ 1781 году вышла первая часть его сочиненія „Лингартъ и Гертруда“. Въ этомъ произведеніи Песталоцци изложилъ цѣлую новую педагогическую систему и привелъ читателя къ сознанію необходимости народнаго образованія. „Источникъ зла въ народѣ — есть невѣжество. Дайте народу свѣтъ образованія — и онъ заживетъ счастливою жизнью. Заботиться о распространеніи этого свѣта есть долгъ всѣхъ образованныхъ людей“. Вотъ какія идеи проводилъ Песталоцци, а художественное и простое изложеніе сдѣлало книгу доступной большому кругу читателей.

Около 20 лѣтъ Песталоцци занимался литературнымъ трудомъ. За это время онъ сильно постарѣлъ, осунулся и на лицѣ, не знавшихъ его, онъ производилъ очень тяжелое впечатленіе, но въ душѣ этого угрюмаго человѣка таилось страстное желаніе послужить человечеству, и случай этотъ на старости лѣтъ представился.

Въ 1798 году французы, занимавшіе тогда Швейцарію, объявили въ этой странѣ республиканскій образъ правленія. Новый строй не всюду былъ встрѣченъ сочувственно. Въ Нижнемъ-Унтервальденѣ вспыхнуло возстаніе, которое французы подавили самымъ жестокимъ образомъ. Городъ Станцъ былъ сожженъ до тла, причемъ жители не только лишились имущества, но и крова. Особенно тяжелое положеніе было дѣтей сиротъ. По всей Швейцаріи начали собирать средства для помощи разореннымъ жителямъ, причемъ Песталоцци получилъ предложеніе устроить пріютъ для бездомныхъ дѣтей. Конечно, Песталоцци съ радостью принялъ такую обязанность и вскорѣ получилъ для этой цѣли въ свое распоряженіе заброшенный женскій монастырь.

Лишь только въ январѣ пріютъ былъ открытъ, какъ въ него явилось 50 дѣтей. Многія поступили съ закоренѣлой чесоткой, многія съ проломленными головами, многія въ лохмотьяхъ, полныхъ насѣкомыми, худыя, какъ скелеты, желтыя, съ оскаленными зубами и въ то же время со страхомъ въ глазахъ; у нѣкоторыхъ лбы были въ морщинахъ, выражавшихъ недовѣріе и заботу, нѣкоторыя были наглы, съ привычками попрошайничества, лъстивости и всякаго лукавства. Изъ 10 дѣтей едва-ли одинъ зналъ азбуку.

Средства, отпущенныя швейцарскимъ правительствомъ, были очень незначительны; поэтому Песталоцци былъ единственнымъ учи-

телемъ, воспитателемъ, экономомъ, поваромъ, сидѣлкой и сторожемъ, а помощниками его были сами дѣти. Когда черезъ мѣсяць послѣ открытія монастыря пріѣхалъ правительственный комиссаръ, то онъ удивился успѣхамъ, которыхъ добился Песталоцци, а черезъ полгода дѣтей нельзя было узнать.

Даже родители дѣтей, принадлежавшіе къ подонкамъ общества и приходившіе раньше возбуждать дѣтей противъ ихъ воспитателя и требовать получше пищу и одежду, а иногда и деньги, которыя дѣти могли бы заработать нищенствомъ, являлись теперь поцѣловать руку великаго педагога.

Чтобы понять причину такого успѣха, нужно послушать самого Песталоцци о томъ, какъ онъ проводилъ съ дѣтьми время.

„Съ утра до ночи дѣти встрѣчали меня одного въ своей средѣ. Все доброе исходило отъ меня. Мои слезы сливались съ ихъ слезами, когда они плакали; моя улыбка встрѣчала ихъ смѣхъ, когда имъ было весело. Что ѣли они, то ѣлъ и я, что пили они, то пилъ и я. Спалъ я также съ ними. Когда заболѣвалъ кто-нибудь, — я сидѣлъ у его кровати“.

Но помимо своей горячей любви къ дѣтямъ, Песталоцци старался возбудить въ нихъ самихъ тѣ же чувства. Такъ, когда во время одного изъ сраженій между французами и австрійцами было сожжено село Альтдорфъ, находившееся по сосѣдству съ колоніей Песталоцци, и снова много дѣтей осталось безъ крова, а взять ихъ въ пріютъ нельзя было за недостаткомъ средствъ, то Песталоцци обратился къ своимъ питомцамъ: „Альтдорфъ сгорѣлъ; можетъ быть, въ эту минуту по пожарищу бродить до ста дѣтей безъ крова, пищи и одежды. Желаете-ли вы, чтобы имъ былъ данъ пріютъ въ нашемъ домѣ?“ Дѣти закричали: „желаемъ, желаемъ!“ „Но у насъ мало средствъ, — продолжалъ Песталоцци — вы принуждены будете ради этихъ бѣдняковъ больше работать, меньше получать пищи и даже платьемъ подѣлиться съ ними, — желаете-ли вы все-таки помочь имъ въ несчастьѣ?“ Отвѣтомъ служили крики дѣтей: „Пусть все они придутъ сюда! мы согласны больше работать и меньше ѣсть“.

Свое обѣщаніе дѣти исполнили. Новые пансіонеры были приняты, какъ братья. Питомцы Песталоцци дали имъ платье, уступили свои постели.

Не смотря на очевидные успѣхи, которыхъ добился Песталоцци, онъ не встрѣчалъ должнаго сочувствія и поддержки ни со стороны окрестныхъ жителей, ни со стороны швейцарскаго правительства, а когда австрійцы вступили въ городъ Станцъ, и монастырь понадобился для войскъ, то Песталоцци принужденъ былъ распустить почти всѣхъ дѣтей и уѣхать изъ монастыря; послѣ чего пріютъ вскорѣ прекратилъ свое существованіе.

Неудача едва не свела Песталоцци въ могилу. Здоровье его потребовало леченія и отдыха. Поселившись у друзей въ живописной мѣстности, онъ все же „больше думалъ о дурно обученномъ народѣ, чѣмъ о красотѣ вида“.

Впрочемъ, скоро онъ получилъ мѣсто помощника учителя Бургдорфской школы. Старшій учитель, явившійся начальникомъ Песталоцци, по профессіи былъ сапожникъ; онъ остался очень недоволенъ методой своего помощника, сталъ жаловаться начальству и распускать среди родителей учениковъ слухи, что новый его сотрудникъ — человекъ безграмотный. Это подѣйствовало. Песталоцци былъ переведенъ въ другую школу подѣ начальство учительницы. Последняя не стала вмѣшиваться въ преподаваніе своего помощника, и Песталоцци сталъ примѣнять свои методы.

Невѣжественные родители учениковъ, пораженные простотой пріемовъ учителя, говорили: „Да чему тутъ учиться? Такъ мы и сами могли бы научить нашихъ дѣтей“. А между тѣмъ эти укоры только радовали Песталоцци.

Совсѣмъ иначе посмотрѣли на дѣло люди просвѣщенные.

Профессоръ Гербартъ, посѣтившій уроки Песталоцци, пришелъ въ восторгъ отъ пріемовъ учителя. Назначенная на экзаменъ коммиссія также дала лестный отзывъ. Благодаря этому правительство предоставило въ распоряженіе Песталоцци Бургдорфскій замокъ, въ которомъ бы онъ могъ устроить среднюю школу и начать въ ней обученіе по своему методу. Въ 1800 году новая школа, открывъ свои двери, возбудила огромный интересъ. Многіе учителя бросали свои мѣста и стремились сюда, чтобы поработать вмѣстѣ съ Песталоцци.

„Да это не школа, а семья“, сказалъ одинъ отецъ ученика, увидавъ отношенія учителей и учениковъ.

„Слава Богу, — сказалъ Песталоцци — мнѣ удалось показать міру, что не должно быть пропасти между семьей и школой“.

Теперь Песталоцци сдѣлался очень популярнымъ. Его выбрали даже въ число депутатовъ, отправленныхъ въ Парижъ къ Наполеону для обсужденія проекта новаго устройства Швейцаріи, но великій полководецъ смотрѣлъ на вещи совсѣмъ иначе, чѣмъ великій педагогъ, и говорятъ, что между ними даже не состоялось свиданіе, а когда Песталоцци вернулся на родину, то правительство, состоявшее изъ ставленниковъ Наполеона, предписало ему очистить Бургдорфскій замокъ; но почти во всей Швейцаріи это возбудило протестъ. Депутаты отъ разныхъ городовъ наперерывъ приглашали его къ себѣ.

Песталоцци выбралъ Иверденъ, на берегу Невшательскаго озера и рѣшилъ въ предоставленномъ ему замкѣ устроить свой институтъ.

Въ это время слава Песталоцци стала всемірной; чтобы по-

учиться у него, въ Институтъ стекались люди изъ самыхъ отдаленныхъ странъ.

Среди посѣтителей были знаменитые ученые, какъ, на примѣръ, географъ Карлъ Риттеръ; политическіе дѣятели (Галейранъ); представители аристократіи (Эстергази) и даже коронованныя особы: король голландскій Людовикъ, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ и русскій императоръ Александръ I-ый.

Убѣждая Императора произвести въ Россіи школьную реформу и освободить крестьянъ, Песталоцци въ своемъ увлеченіи заставилъ отступить Александра I вплоть до противоположной стѣны и схватилъ его за пуговицу мундира. Императоръ обнялъ и поцѣловалъ смутившагося старика, а впоследствии пожертвовалъ 5000 рублей на изданіе его сочиненій.

Нѣкоторые ставятъ въ упрекъ Песталоцци, что онъ добивался свиданій съ высокопоставленными лицами и старался показать имъ все въ лучшемъ свѣтѣ.

Но Песталоцци думалъ такъ: „у этого человѣка нѣсколько тысячъ крестьянъ, и онъ навѣрно заведетъ для нихъ школы, если мы заинтересуемъ его своимъ дѣломъ“. Другой разъ, когда его совсѣмъ больного убѣждали не ѣхать къ прусскому королю, онъ отвѣтилъ: „я долженъ видѣть короля, хотя бы это стоило мнѣ жизни. Если мнѣ удастся добиться, что хоть одинъ прусскій ребенокъ будетъ лучше воспитанъ, я буду вознагражденъ!“ И въ этомъ отношеніи великій педагогъ былъ правъ. Вліятельныя лица, побывавъ въ институтѣ Песталоцци, старались провести его идеи у себя на родинѣ. Государственный дѣятель Штейнъ, которому Пруссія обязана своимъ быстрымъ расцвѣтомъ, былъ поклонникъ Песталоцци. Въ 1808 году Штейнъ писалъ ему: „убѣжденный въ величайшемъ достоинствѣ выработаннаго Вами метода обученія, я рѣшился построить на немъ все предполагаемое преобразование начальныхъ школъ“.

Институтъ въ Иверденѣ просуществовалъ съ 1805 до 1825 года. Огромное число учащихся и постоянное посѣщеніе постороннихъ лицъ совершенно уничтожило семейную жизнь, о которой такъ много говорилъ Песталоцци.

Были введены предметы, которые Песталоцци самъ преподавать не могъ. „Послѣдній изъ учениковъ знаетъ больше меня; я только одушевляю институтъ“, говорилъ Песталоцци Карлу Риттеру. Въ концѣ концовъ помощники Песталоцци перессорились. Институтъ сталъ падать и, просуществовавъ 20 лѣтъ, принужденъ былъ закрыться.

79-лѣтній слабый старикъ, удрученный годами и неудачами, отправился къ своему внуку въ Нейгофъ. Его послѣдніе годы были отравлены клеветами и насмѣшками, появившимися въ печати.

Послѣ смерти на его столѣ нашли листокъ, на которомъ великій педагогъ-идеалистъ писалъ: „мнѣ больно не за себя; мнѣ больно только оттого, что издѣваются надъ моимъ дѣломъ, что топчутъ ногами то, что для меня было священно и за что я боролся въ теченіе всей моей жизни“.

17 февраля 1828 года Песталоцци не стало. Смерть онъ встрѣтилъ спокойно. Послѣднія слова его были — слова примиренія: „Я прощаю врагамъ, да живутъ они въ мирѣ, а я переселяюсь къ вѣчному миру“.

Свои педагогическіе взгляды Песталоцци изложилъ въ книгѣ: „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей“.

Вотъ главнѣйшіе:

Наблюденіе есть основаніе всякаго преподаванія.

По каждому предмету преподаваніе должно начинаться съ самыхъ простыхъ элементовъ.

Преподаваніе должно возбуждать самодѣятельность учениковъ.

Индивидуальность ученика должна быть священна для учителя.

Главная цѣль элементарнаго обученія — не приобрѣтеніе познаній, а развитіе и укрѣпленіе духовныхъ силъ; простое же накопленіе знаній вредно.

Отношенія учителя и учениковъ должны быть основаны и руководимы любовью.

Черезъ 46 лѣтъ послѣ смерти великаго педагога, на его родинѣ при пересмотрѣ конституціи въ 1874 году, было введено всеобщее, обязательное и бесплатное обученіе.

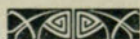
Главнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ народное образованіе, является сама община.

Но правительство, придавая огромное значеніе воспитанію подрастающаго поколѣнія, оказываетъ матеріальную помощь общинамъ, причемъ бѣдные кантоны получаютъ больше, чѣмъ богатые, но какъ тѣ, такъ и другіе могутъ тратить эти средства лишь на улучшение и на расширеніе школъ, а не на содержаніе ихъ.

Общая сумма расходовъ на народное образованіе около 22 милліоновъ рублей въ годъ.

Если бы Россія пожелала сообразно съ ея населеніемъ тратить ежегодно столько же на каждого жителя, то получила бы колоссальная цифра въ 600 милліоновъ рублей.

Англичане, наиболѣе скупые на похвалы и которыхъ труднѣе всего упрекнуть въ пристрастіи, говорятъ: „Образованіе въ Швейцаріи построено на самыхъ здоровыхъ основахъ. Можетъ быть, главная причина благосостоянія Швейцаріи заключается въ дѣйствующей въ ней системѣ образованія“.

5212

Цѣна 1 руб.